

84
Я96

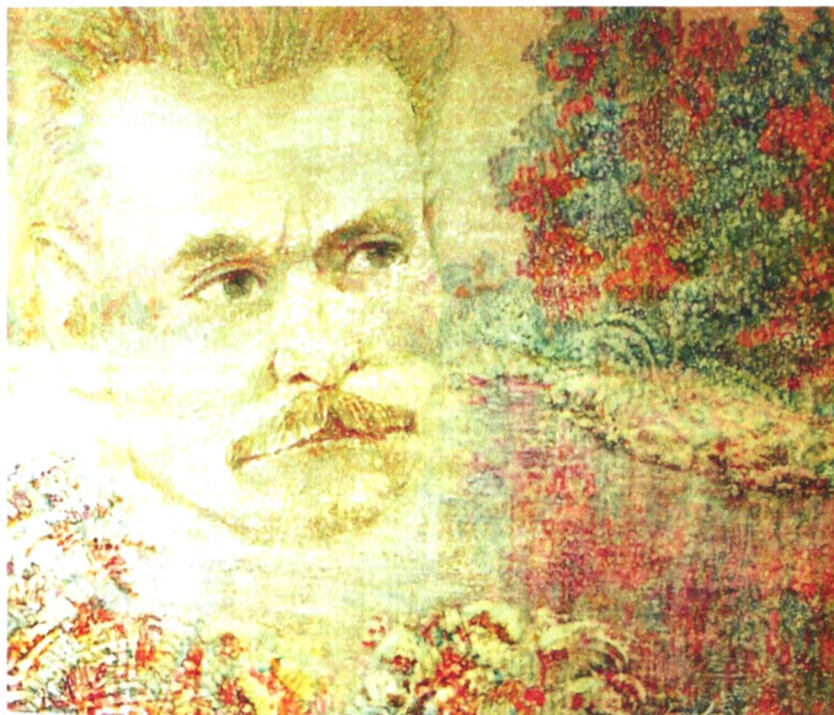
КР-1517833

кр

Александр Яшин

ЗАПАСАЕМСЯ
СВЕТОМ

*Александр Яшин. Тревожные думы.
Художник Мишуста Николай Иванович*

Александр Яшин

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

КР 1517833

Архангельск
2019

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

УДК 821.161.1(081)

ББК 84(2Рос=Рус)64я44

Я 96

Яшин, Александр Яковлевич

Я 96 Запасаемся светом [Текст] : [12+] / Александр Яшин ;
[сост., подг. текста, предисл. Н. А. Попова-Яшина]. –
Архангельск : Лоция, 2019. – 520 с. : ил.
ISBN 978-5-6042679-9-8

Александр Яшин (1913–1968) – известный русский поэт и прозаик. Строки его стихотворений во многом перекликаются общими темами, образным выразительным языком со страницами прозы. Это и позволило соединить их в одном томе как избранное. В произведениях Яшина, по словам К. Симонова, «звучит высокая чистая нота авторского голоса, полного любви к природе и к людям своего родного края – любви жизнеутверждающей и непримиримой ко всему, что то там, то тут ещё продолжает уродовать и человеческую жизнь, и красоту природы». Поэт зовёт своих читателей спешить делать добрые дела! Слово его и в стихах, и в прозе поэтично и убедительно.

УДК 821.161.1(081)

ББК 84(2Рос=Рус)64я44

ISBN 978-5-6042679-9-8

© Яшин А.Я., 2019

© Попова-Яшина Н.А., сост.,
подг. текста, предисл., 2019

© Литературно-издательский
центр «Лоция», 2019

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

«Земля моя любимая, вологодская!

Люди добрые, многотерпеливые, воины верные, трудолюбы извечные!

Говорок родной, окающий, милый сердцу моему!

Сосны красностволовые, не гнущиеся ни перед какой бедой, берёзы – утешение души человеческой, заповедные вязы на Тёмном мысу, забывчивый Липин Бор, Угор Бобришный – радость и горе моё!

Бедные наши медведи и зайцы, жаждущие, как всё живое, доброты людской и ласки!

Мир вам всем! Мира и счастья желаю вам в новом году, бодрости и радостей, любви и согласия! Новой славы и новых свершений! Бог на помощь вам, труд на пользу! Да процветает земля, породившая и вырастившая нас, а мы – её надёжные и верные сыны навеки!

И я – ваш поэт. Я ныне живу со счастливым ощущением в душе, что в каждом городе на Вологодской земле, в каждой деревне, в каждом лесном посёлке есть у меня близкие люди, родственники, хоть один, да есть. А вологодские литераторы, молодые талантливые прозаики и поэты, – мои родные братья. Пусть им дружно живётся и хорошо пишется в новом году!

За ваше здоровье, матери и отцы и дети наши! С Новым годом!...»

Такими словами Александр Яшин прощался с земляками, словами любви, преданности, добрых пожеланий, которые остаются в силе на все времена и поколения. НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ.

Это новогоднее поздравление Александра Яшина своим землякам напечатано первого января 1968 года в вологодской газете «Красный Север». Через полгода – 11 июля 1968 года – он ушёл в жизнь вечную. Его поэзия, во многом исповедальная, привела его к настоящей Исповеди и Причастию.

Почти все стихотворения Александра Яшина имеют не один, а многоуровневый смысл, более глубокий, чем просто сюжетный, описательный. Таково и его стихотворение «ЗАПАСАЕМ-СЯ СВЕТОМ».

Родился поэт на Вологодской земле, но литературную деятельность начинал в Архангельске – там вышла его первая книга стихов «Песни Северу». Он назвал её «пробой пера», но многие темы уже тогда были заложены в ней, так же как и в следующей книге «Северянка». И всё дальнейшее творчество его – это песни Северу, воспевание его: природы, людей, деревни, об укладе жизни которой он рассказывал более полувека назад на Мосфильме, где обсуждали его киносценарий по повести «Сирота», что о деревне надо говорить в стихах, в прозе, в театре, в кино – везде.

Ещё в 1960 году Яшин написал удивительную повесть о последней жительнице деревни на Новозере, Устинье, прозванной Бабой Ягой. Устинья впервые видела, как умирает целая деревня. Яшин тогда уже предвидел это, когда деревня ещё жила, ещё сеяла хлеб, лён, доила коров, рожала чуждых детей, пела песни, сочиняла частушки, пряла пряжу, ткала половики, водила хороводы на деревенских угорах, носила яркие домотканые и из ситца сшитые сарафаны-парочки, с которыми долго не хотела расставаться. Все эти впечатления вобрал в себя маленький мальчик Шура Попов. Всё это и стало Запасом Света, пронесённого им через всю жизнь.

И, конечно, природа. Любовь к ней родилась вместе с ним. И хотя природа северная, суровая, но такая, что он её называет «зелёной благодатью», она почти в каждом его стихотворении присутствует. Он признаётся ей в любви, тоскует вдали, как о человеке: «Тянет в край, где я родился, к детству»; «Больше не могу! Надо бежать В северную тайгу, В зелёную благодать, – Просто чтобы дышать»; «Я давно на родине не был, Много в сердце скопил тоски»; «Никакие парки Подмосковья Не заменят мне моих лесов».

Где-то природа бывает и торжественнее и, может быть, пышнее, ярче, но его слова – «Да, только здесь, на Севере моём, Такие дали и такие зори» – превращают всё виденное им на родине в сказочную картину: леса – нехоженые, птичьи голоса – неслыханные, каменные склоны – невиданные. «Здесь, словно в сказке, каждая тропа Вас к роднику выводит непременно. Здесь каждая деревня так любя, Как будто в ней красоты всей вселенной». И это не преувеличение, не гипербола. Родина – это всё самое красивое, доброе, родное, любимое. И наша русская бревенчатая изба построена, оказывается, не просто так, а по законам золотого сечения...

Нетронутая красота природы, окружавшая заблудившуюся в лесах деревню, крестьяне, облагораживавшие быт своим трудом, народным творчеством. Предметы хозяйственного обихода – глиняные, деревянные, домотканые, кованые, которые теперь мы помещаем в музеи. Сельская страда. Поездки на дальние сенокосы, посиделки с песнями, праздничные хороводы. Девушки – краса очей, парни, плясавшие под гармонь и ходившие на буро́го с рогатиной. Престольные праздники – в каждой деревне свой. Всё впитала его душа, его поэзия.

В стихотворении «Не умру» раненый солдат вспоминает именно такую деревню: «Просторны тёсом крытые двory, В холмистом поле широки загоны. Как многолюдны свадьбы и пиры, Как сарафаны девичьи пестры, Каким достоинством полны поклоны!»

Деревня – опора нашей жизни, исток её. Жители каменных городов – тоже бывшие жители деревень. Деревня питает нас не только продуктами, главное, питает нас всеми своими богатствами, жизненной мудростью – духовно. Богатство природы даёт нам не только дрова, грибы, ягоды, дичь, но главное – врачует душу.

В рассказе «Угощаю рябиной» Яшин писал: «Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека».

И удивительно, что видя и предсказывая исчезновение деревни, он всё-таки верил, что деревня не умрёт. В повести «Баба Яга» героиня Устинья не умирает, она уезжает на русской печи в

сказку. А в первом варианте маленькой поэмы «ПРИСКАЗКИ», начинающейся с картины вселенской метели, изба – образ Ноева ковчега: «Метель вертела землю. Падал снег... Всё чаще деревянные лопаты Прокладывали к низким окнам свет. Чуть прояснится – Скрипнет журавель, Урвут воды хозяйки из колодца, И вновь сорвётся с привязи метель, И снова рёв По всей земле несётся. Счастлив тот путник, что нашёл окно, Условился заранее о ночлеге... В избе, как в бане, Жарко и темно И душно, словно в Ноевом ковчеге». Вот цена деревни – ни много ни мало, а ковчег – спасение жизни человека.

Изба – Ноев ковчег. Тесно, душно – все собрались, плетут сети, слушают сказку. Темно – от лучины или керосиновой лампы не много света. Ковчег – образ Спасения.

И не один раз встречаются у него в творчестве библейско-евангельские образы. Богомольная была его бабушка по отцу, Авдотья Павловна Попова, ходившая на Соловки пешком, – ей Яшин и посвятил это дивное живописное стихотворение «ПРИСКАЗКИ», в котором просит благословения у своей бабушки на жизнь, на творчество. От неё и возвышенно-сказочное восприятие всего.

Яшин именно воспевает свой край: «И, уж конечно, нет нигде людей Такой души, и прямоты, и силы, И девушек таких вот, строгих, милых, Как здесь в лесах, На родине моей». И в конце деликатно, словно просит прощения у людей, родившихся в других местах: мол, если б он родился в другом месте, то всё неповторимое, как чудо, перенеслось бы в те другие края, которые для него стали бы родиной, как и для них.

Стихотворения первого периода творчества особенно возвышенны, чисты – они словно богатая вышивка... «Мне надо вернуться к вологодскому началу», – говорил он впоследствии.

«Откуда я родом? Я родом из детства», – отвечает на свой вопрос замечательный лётчик-писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Достоевский об этом пишет: «Нет в жизни человека ничего важнее, ничего нужнее и полезнее, чем вынесенное из детства светлое и тёплое воспоминание, такое ясное и доброе». Каждый человек может подтвердить эту мысль. Никто мимо своего детства пройти не может...

Это и есть тот ЗАПАС СВЕТА, душевного, духовного, того впечатления целого мира Природы и уклада жизни северной деревни во всём своём проявлении, который освещал всю жизнь писателя. Деревни, о которых он писал: «Здесь каждая деревня так любя, Как будто в ней красоты **всей вселенной**».

Теперь дали всему сухое название «малая родина» или совсем уж непоэтичное – Нечерноземье. Яшин никогда не употреблял такие казённые слова. Для него его родина была Вселенной, вмещающая в себя всё, что необходимо человеку, чтобы жить её Светом. И как только ему этого Света не хватало, он возвращался на родину хоть на недолгое время. Снова за Запасом Света, пополнить его.

Даже если и споткнётся человек на трудной жизненной стезе, уроки детства, радостные впечатления беззлобного детства, запас любви, полученной им от родных, вспомнятся им как завет и не дадут сбиться с праведного пути, поддержат, поднимут, возвратят.

Замечательно об этом сказал один из самых любимых писателей Александра Яшина – Николай Васильевич Гоголь: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» Как бы ни сложилась жизнь человека в зрелые годы, – детство, юность определяют и освещают её до конца, всегда оставаясь краеугольным камнем, основой. Родина, родительский дом, обстановка, люди, окружающая природа – на всю жизнь остаются с человеком.

Все стихи Яшина о природе – одушевлённые. И «Босиком по земле», и «Лесные дуги», и «Не верю, что звери не говорят», и «Лесосека», и другие. Кулик, на которого он случайно наткнулся в болоте и старается успокоить птицу: «...Я на него взглянул любя И – мимо, мимо без оглядки... Сиди, родимый, Всё в порядке, Я просто не видал тебя». С такой любовью и жалостью к зверям, птицам, пониманием их страха: «Взлететь иль нет? А вдруг замечу, Со всем хозяйством загублю?» И такое, кажется, практичное в своём рассуждении сравнение города и живой природы в стихотворении «Всё для человека». Как хорошо жить в лесу! Всё дано нам Всевышним, а мы не пользуемся, запираем себя в каменные мешки.

А вот дивное подытоживание впечатлений жизни на земле. «Чего ещё сердце просит?» Какие чудеса он видел? «Я видел большую воду – Апрельский разлив и спад, И как журавли в непогоду Домой под обстрел летят». И впрямь чудеса! Такая тяга к дому, на родину. Мало того, что в непогоду, под дождь и ветер, машут своими намокшими крыльями, да ещё и под обстрел, невзирая на все трудности, опасность для своей жизни. Но остаться без родины, без дома – ещё бо́льшая опасность и для птиц, и для людей.

Что же ещё видел поэт чудесного в своей жизни? Рассказывает сказку: «Я видел, как из-под снега, размытого добела, Неведомого побега Проклёвывалась игла. Подснежников появление, берёзовых почек рост Я сравнивал по значенью С рождением новейших звёзд». Поэт и нас призывает увидеть и узнать эти чудеса, не принять за обыденное. Это диво дивное, так же как и его стихотворения, как говорил о них Валентин Распутин.

Это всё Свет, Свет, очищающий и питающий душу, понимающую, что у всего этого есть Творец – причина всего мироздания, которое поэт мог видеть через степной цветок с пушистой желтизной, вставший перед ним виденьем детства, когда он раненый лежал... Из Света детства вырастает и взрослая поэзия Яшина. Многие стихотворения нельзя разделить точно на взрослые и детские и на разделы, они могут быть и там, и там, именно из-за своей неоднородности.

Из этого Запаса Света, всего светлого, рождалась светлая поэзия и проза. Надо сказать, что Яшин не в розовых очках рисовал всё: действительность суровее, жизнь порой тяжела, но он умел отделять высокое от низкого, преходящего. И всегда высокое было надо всем – высоко. Это подтверждают такие строчки:

Я родился в тринадцатом году,
Нет, не в избе и даже не в постели,
А на гумне, в углу, на холоду,
Но в золочёной был крещён купели.

Радость жизни вместе с природой, все впечатления, полученные в детстве, и свет от них перекрывают всю бедность и горечь сиротства и невесёлой жизни с отчимом. Когда в его семье под-

росли дети, он отправил их на лето в деревню к бабушке со словами: «Жить в России и не знать деревни нельзя!»

С годами поэзия усложняется философским смыслом, словно подтекстом, раскрывающим всю сложность земного существования и его собственного. Но всегда на высоте: «Не верю, что звери не говорят». Много можно привести в пример. Читайте!

Стихи вырастают, напитанные впечатлениями детства, родины, утреннего Запаса Света. Многие, приезжая на Бобришный Угор¹ – место редкой красоты, где высоко над Юг-рекой стоит его избушка, встречающая всех добром, воочию видят то, о чём он пишет в своих произведениях. Сам Яшин писал: «Посещение родины любимого поэта в какой-то степени заменяет нам личное знакомство с ним. Вы приобщаетесь к истокам его творчества...».

Люди записывают в книгу свои впечатления: «Впервые посетили заповедный уголок русской природы. Покорены его красотой!!!»; «Рад был поклониться Бобришному Угору. Понятнее Россия и Вологодчина, душа России»; «Благодарим за то, что мы тоже смогли прикоснуться к чуду»; «Светлой душе – светлая память! Приходящим сюда – удивленье и благодать...»; «Не знаю, что написать. То, что чувствую, не передать словами. Нужно побыть здесь, постоять под соснами у памятника, зайти в дом... Становится как-то спокойно и радостно, и хочется жить»; «Замечательному русскому поэту Александру Яшину – слава! Пусть у каждого в сердце будет свой Бобришный Угор!». И: «Здравствуй, Александр Яковлевич. Здравствуй всегда! Читатель».

Открывается книга «Запасаемся светом» удивительной маленькой повестью в стихах «ПРИСКАЗКИ», отточенной в красоте своей словесно-музыкальной живописью. Затем глава детских стихов «ЗЫБКА» – так он хотел назвать свою детскую книгу. Была заведена папка с надписью «Детская книга», куда такие стихи собирались.

¹ На Бобришном Угоре Александр Яшин обрёл свой вечный покой на месте, которое он сам выбрал. Отсюда открывается красивейший вид на излучину Юг-реки. На могиле крест. Рядом – памятник поэту.

В 1960 году в Вологде вышла книга стихотворений «ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ!», посвящённая Вологде. Так и называется одна из глав. Все названия даны автором. Либо строчкой из его стихотворения, либо по записи в дневнике, например, «РОДНОМУ ЛЕСУ». «ЗЕМЛЯ БОГАТЫРЕЙ» представляет стихи военного периода и послевоенного, но на военную тему. Александр Яшин воевал на трёх фронтах.

Особая глава – «СВЕЖИЙ ХЛЕБ». Так писать о хлебе насущном, как о чуде, мог только крестьянин. Крестьянин-поэт. «Едва под дождём и солнцем рачительным Иголочки выбьются из земли, А мы уже говорим почтительно О травке об этой: Хлеба пошли!»

И его слова – «С хлебом горе не беда – Не забудьте, мол, какого Стоил этот хлеб труда!..» – нам надо не забывать.

Глава «В НЕСМЕТНОМ НАШЕМ БОГАТСТВЕ» названа по очень важному стихотворению, начинающемуся этими же словами. О каком богатстве говорит поэт? Не о материальном, которое мы продаём всему миру: нефть, газ, лес и т.д. Говорит о Слове, которое несёт такой глубокий смысл, правду, истину, – Совесть, Честь, Отечество, Верность, Братство. И мы должны нести эти слова в жизнь, в мир, следуя им как Заповедям, тогда всё будет постепенно налаживаться в нашем Отечестве. И этот Запас Светлых Слов он получил в детстве: «Меня добру учила вся родня, Дед за неправду взыскивал с пристрастьем... Живи по чести, С совестью в согласье!..». А совесть, как известно, глас Божий в человеке. Это небольшое стихотворение звучит как гимн, на который мы должны ориентироваться в жизни. Чеканные слова...

Есть стихотворения и о творчестве, и о вере, и о душе. Есть и лирика, и политика. Радостные и печальные размышления, поиски своего пути в бездорожье. Яшин всегда много работал над словом, поэтому и нам надо читать не поверхностно, а вчитываясь в суть слова, вглубь.

Одна глава – особенная: «СТРОФЫ». Обычно он доводил свою работу – стихи, прозу, как он говорил, «до кондиции», а тут – строфы, разбросанные по всем дневникам, брошенные или готовые литературно, но не попавшие при жизни в печать.

Они дают живую картину его дум, чаяний, настроений. Наброски будущего стихотворения, образ ещё не родившегося стиха или готовое стихотворение, которое по каким-то соображениям он отложил, не стал никуда включать. Может быть, и по цензурным соображениям...

Тема лирики проходит через всю жизнь, через всё творчество. Он постоянно ищет это «ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО», считая, что оно поможет ему в творчестве.

Глава «О ПОЭЗИИ». Начиная с самых ранних лет, Александр Яшин всегда считал, что его творчество – служение своему Отечеству, Народу.

Во второй части книги – проза писателя. Произведения, оказавшие огромное влияние и на литературу советского периода, и на жизнь самого Яшина. К каждому произведению даётся небольшое пояснение в виде приложения.

«ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА» впервые была напечатана в журнале «Новый мир» в 1962 году. Прилагаем несколько писем по поводу неё, которые могут объяснить, какие события происходили вокруг её появления, мнения нескольких писателей и земляков.

Рассказ «РЫЧАГИ» был напечатан в альманахе «Литературная Москва» № 2 за 1956 год. Альманах вскоре закрыли, и рассказ не издавался более тридцати лет – на него был наложен запрет. Об этом Яшин записал в дневнике: «Плохо, когда правду называют крамолой».

К сожалению, когда стало можно, издатели начали печатать в сборниках произведения А. Яшина, пользуясь текстами из интернета, внесёнными туда кем-то по старым изданиям. Но очень многие стихотворения и проза печатались в советское время с купюрами.

В данном издании тексты выверены по последней правке автора. Когда выходила очередная книга А. Яшина, он вносил правку уже в неё. Это касается и «Рычагов», и даже «Вологодской свадьбы». Чтобы её напечатать в государственном издательстве «Художественная литература», в своё время собирались целые редколлегии вместе с членами комиссии по литературному наследию писателя. В. Солоухин как председатель такой комиссии

возглавил подобную редколлегия, яростно отстаивая возможность впервые включить «Вологодскую свадьбу» в первый том «Собрания сочинений» А.Я. Яшина. В «СЛАДКОМ ОСТРОВЕ» была изъята целая глава – «Волны шумят». Здесь эта глава впервые представлена читателю, дополняя весь цикл.

В эту книгу включены и некоторые стихотворения из ранних книг А. Яшина, представляющие художественную ценность и являющиеся частью его творчества, тем более, что они поддерживают определённые темы.

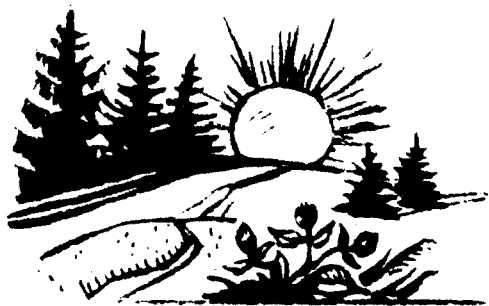
В книге отзывов на Бобринском Угоре есть ещё запись: «В Доме Отца Моего обителей много. В одной из обителей небесных нашёл свой приют раб Божий Александр. Он любил Бога, Россию и людей, любящих Россию. Упокой, Господи, душу раба Твоего Александра в селениях Твоих».

Читайте, погружайтесь в красоту и глубину поэзии и прозы выдающегося писателя-классика Александра Яковлевича Яшина, уроженца Вологодской области, улыбнитесь его мягкому юмору, проникнитесь его переживаниями за родную землю, нашу Россию. Наполняйтесь светом его произведений. Радуйтесь, что в России есть такой замечательный писатель, сын Отечества, полюбите его, как он когда-то в своих ранних тетрадях писал на полях: «Господи, полюби меня!». И Господь его возлюбил – дал ему чуткую, любящую душу и великий талант, который поэт вернул своим творчеством сторицей.

Наталья Попова-Яшина

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИСКАЗКИ²

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег,
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится –
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвётся с привязи метель,
И над лесами снова рёв несётся.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном доме собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь, – они всегда в чести! –
С мечтой и шуткою не расставаться.

– Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковёр летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! –
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы –
Ни холода, ни тряски.

– Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

² Яшин задумал написать поэму для детей, «Присказки» должны были стать вступлением к ней, но началась война, и замысел не был осуществлён. Поэтому «Присказки» – вступление к жизни, к творчеству.

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь её почтили,
Авдотья начинала:
– Жили-были...

А снег все шёл.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свеживал её и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В тёмные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышшь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зелёной по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два –
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено тёплое грести –
Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодёжь –
Но без сказки разве отдохнёшь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрёт, и дым замрёт:
Всё глядит седому деду в рот.
Складно врёт в делах бывалый дед:
Лыко в строку –
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечёт.
Машут в соснах лешаки кольём...
Было всё.
Да поросло быльём.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру, –
Носа не просунуть комару.

*

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных
Окуренные на века в овинах
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлёт натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Всё лето
По всему родному краю
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом – необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, –
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде –
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течёт рекой, то солнечной, то мгlistой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки,
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937-1939

ЗЫБКА

* * *

Как дудочка или гобой,
Она лежит перед тобой.
Чуть синеватые белки,
А пальцы, словно лепестки.
Всего-то слов:
– Агу! Ага!.. –
А как мила и дорога!
В руках у матери с отцом
Звенит поддужным бубенцом³.

5 марта 1945

УТРОМ

Без конца тянулась ноченька,
Спать устала наша доченька.
Столько было всяких снов –
Рассказать не хватит слов:
Про цыплят и про утят,
Про щенят и про котят.
Надо было всех ловить,
Надо было всех ласкать,
Молоком котят поить,
Для цыплят червей искать.
Стала доченька гоняться –
Поспевать на все дела,
Не сумела отоспаться,
Отлежаться не смогла.
Не успела дочка встать,
Кашу съела – снова спать.

³ В народном фольклоре это образ семейной упряжки: родители везут своё дитя.

* * *

Моей любимице⁴,
Моей красавице
Из сердца выльются,
Чтоб ей понравиться, –
Дочурке старшенькой
Слова сердечные,
Моей Наташеньке
На веки вечные.

1948

ПИСЬМО СВОИМ ДЕТЯМ

Это письмо Заиньке Яшиной,
Сестричке Сашиной,
Сестричке Наташиной,
Весёлой птичке,
Птичке-синичке,
Маминой дочке
И папиной дочке,
От строчки до строчки –
Всё ей до точки.

А это письмишко
Тебе, сынишко.
Тебе, ненаглядный,
Складный да ладный.
Наш последний...

12/V-52⁵

⁴ Надпись на книге: Александр Яшин «Стихи разных лет». Изд-во «Правда», 1947 г.

⁵ «Послал 12/V-52 г. Наташе, Саше, Златочке».

* * *

Звёзды, как бубенчики,
Изморозь ажурна.
Месяц в светлом венчике,
Как в кольце Сатурна.

Заскрипели валенки,
Варежки зажухли,
У дочурки маленькой
Пальчики распухли.

* * *

В утренней рани
Мчатся в инее
Детские сани
Из дюралюминия.

Как самокаты –
Лёгкие, быстрые,
Почти крылатые.
Чуть серебристые.

Летят по краю
В обгон трамвая,
Синиц пугая,
Снежок взбивая.

И ждут не дождутся,
Что в небо взовьются.

1945–1947

ЕГОРКА НА ГОРКЕ

Уши поморожены,
Пальцы в рот положены.
Почему не в рукавицы? –
Это не годится.
Потому что рукавицы
Так сумели в снег зарыться,
Что трудились все ребята,
Перерыли снег лопатой,
Пот струился с лиц –
Не сыскали рукавиц.
Шарик тоже не помог.
Только мучились без толку:
Рукавицы ж не иголка.
И домой вернулся с горки
Босоруким наш Егорка.

23/II-1941

* * *

В спальню утром новогодним
Мать вошла:
– Скажите мне,
Хорошо ль спалось сегодня,
Что увидели во сне?

Злата первая вскочила:
– И во сне всё то же было –
Ёлка, свечи, хоровод,
Тот же праздник – Новый год!

Саша тихо подтвердил:
– Верно, праздник тот же был,
Только в самый поздний час
Дед Мороз гостил у нас...

У Наташи – вот те раз!
Слёзы хлынули из глаз.
Мама дочку обняла:
– Ты на что обиделась?
– Я лицом к стене спала –
Ничего не видела!

1951

* * *

В поле каждый василёк –
Это синий огонёк.
Каждый шорох в камышах –
Бубенец в твоих ушах.

Каждый колос в ячмене,
Каждый голос в тишине,
Каждый ключик в перелеске –
Ключик к сердцу твоему.

В поле выйдешь – запоёшь.
Колосится эта рожь,
Золотится этот день.

Для тебя вокруг дворцы
Понастроили отцы,
Всё твоё и для тебя,
Для таких, как ты, для всех.

Это родина твоя:
Эти горы, пароходы, поезда
И большие города.

ЖИВАЯ ДУША⁶

На стёклах январских узоры:
Подобие чащи лесной,
Тропинки и снежные горы,
Над кручей дворец ледяной.

За дочкой слезу я ревниво:
Ужель не оценит она?
– Скажи, ведь красиво?
– Красиво! –
Но смотрит в поля из окна.

Никак ей в дому не сидится, –
Что толку дышать на стекло?
Надела пальто, рукавицы,
Как только в окне рассвело.

– Осталась бы с нами хоть на день,
Промёрзнешь, промокнешь в снегу.
Тут всё, что душе твоей надо...
Но дочь говорит:
– Не могу!

Что ж, верно! На стёклах растает
Непрочный, как в сказке, узор,
А в поле – позёмка живая,
Живой и манящий простор.

И пусть даже выступят слёзы –
Дороже ей всякой игры
Дышать настоящим морозом,
Лететь с настоящей горы.

1955

⁶ В книге Александра Яшина «Избранное» (изд-во «Художественная литература», 1954 г.) – автограф поэта: «Моей второй Злате, любимице, в связи с отличным окончанием 1 класса с приложением посвящённого ей стихотворения из № 1 «Невы». 24/V–55. Твой отец Александр Яшин».

ДОЧКЕ НАТАШЕ НА НОВЫЙ ГОД

У отличницы Натальи
Огорченья и печали:
Жалуется, мается –
Портфели ломаются!
То замки,
То уголки,
То ручки отрываются.

На урок легко идёт,
Словно бы под горку,
А обратно несёт
Не одну пятёрку,
Иногда пятёрка – пять:
Даже трудно поднимать.

Как же могут в самом деле
Тут не портиться портфели?!

Предлагаю ученице
С ними больше не возиться.
Пусть она на Новый год
Чемодан приобретёт.

Вижу сам, что стихи
Получились плохи.

Все они – до строки
Не верны, хоть бойки:
Ведь пятёрки легки,
Тяжелы лишь двойки.

ЁЛОЧКА

Любит ёлочку народ
Наряжать на Новый год.

В каждом доме ёлка есть,
Но такая только здесь.

Только здесь, у лесорубов,
Ёлку прямо на корню
Наряжают – видеть любо! –
Метров шесть: огонь к огню.

И с любой тропы,
С крылечка
И из каждого окна
Вся в игрушках-побрякушках
Да в берестяных плетушках,
Всем красавица видна.

Даже взрослым лесорубам,
А не только молодым,
Даже бабушкам беззубым,
Лесникам давно седым.

И живая, и лесная,
Настоящая она,
Никого не заслоняя,
Никого не обижая,
Всем для радости нужна.

С каждым годом ёлка выше,
И теперь на Новый год
Украшают ёлку с крыши.
А она растёт, растёт...

Любит ёлочку народ
Нарядить на Новый год.

1948

* * *

Солнце морозное, красное,
В красках нарядные книжки,
Ёлочные игрушки.
Радуются ребятишки,
Радуются старушки.

Радуются дети,
Радуются тёти.
Дети и тёти,
Папы и мамы.
Бабушки больше рады.

Дети визжат, хохочут,
Бабушки слёзы точат.

НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Есть у нас в лесу черника,
Есть и голубика,
Это не одно и то же,
Правда, ягоды похожи.

Голубика небу в цвет,
Голубая очень.
В цвет черники неба нет,
Разве только ночью.

Чёрная –
Она видней
Даже в тёмной чаще.
Голубика – та крупней,
Но черника слаще!

* * *

Лишь вековые
В самое небо
Сосны вошли, всё его заполнив.
Лишь к вековым
На зелёный гребень
Соколом солнце садится в полдень.

Только в бескрайней облачной шири
Молнии воздух стригут и режут.
Только на самой гордой вершине
Носится ветер
Весёлый, свежий.

Только в вершинах, не увядая,
Жизнь все устои крушит и ломит...
И, расправляясь, сосна молодая
Тянется
К солнцу, к дождям и грому,

Чтоб ощутить полноту небывалой
Свежести жизни
В грозовой сини...
И если упасть,
То горным обвалом
Неистошимой жизненной силы.

1937

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Были сосны, были ели,
На опушке рос орех,
Клёны в поле зеленели
Одинаково для всех.

И ольха была ольхой,
И река была рекой,
И земля землёй,
Доколе
Первый снег не выпал в поле.

Выпал снег.
И вот осина
Замерла, как на духу,
Стала бабушкой калина
И напялила доху –
Уцелевшие рубины,
Словно пуговицы в меху.

Сел старик на серый камень,
Борода его бела,
Задремал, взмахнул руками –
Это ёлочка была.

Сохачём глядит коряга,
Встрепенётся – чуть дохни,
А вокруг ребят ватага –
В пуховых ушанках пни.

И везде дворцы, сторожки,
Люди, звери, звёзды, мех,
Самоцветы, курьи ножки –
Но уж это не для всех...

Может, это только мне
Было видно всё воочью,
Словно дело было ночью
Иль во сне.

1946

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, ёлочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины –
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник –
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге всё, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...
Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щёки и губы.

С палкой бреду бамбуковой –
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:

– Выпрямитесь!
Разогнитесь!

1962

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В изморози, что в пене,
Голые ветви берёз.
Роща, как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряжен,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин –
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянье –
Милые вы мои! –
Кажутся снегирями
Серенькие воробьи.

1964

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого – вдвойне,
Во время странствия далёкого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
К тебе вдруг хлынут на порог –
Покажется ещё печальнее,
Что ты друзей нажить не смог.

Всё не под силу:
Дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
В нужде и в горе дня не выстоять –
Как без друзей на свете жить?

1944–1946

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
– Носи, пострел! –
С полчасика он её вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золочёных ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову
Как награду бы я берёг,
С ней носился бы по Блудно́ву⁷,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

⁷ Блудно́во – деревня, где родился Яшин.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла,
И любовь моя к отчому дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

ПОЧЕМУ?

Мы с сынком заодно живём –
Вместе думаем, вместе спим,
В рощах воду живую пьём,
Из одной тарелки едим.
Удим рыбу, ищем грибы,
Учим грамоту:
«Мы не рабы!»

Он мне друг,
И я ему друг.
Друг без друга мы как без рук.
Хорошо нам вдвоём.
Но к чему
Эти вечные «почему»?

«Почему?»
«Отчего?»

«Зачем?» –
Разве нету попроще тем?

Вот над пашнями дождь прошёл.

– Хорошо тебе здесь?

– Хорошо.

– Не зайти ли в село?

– Зайдём.

В дом зайдём, молока попьём...

– Стосковался о молоке?

– Почему же дом на замке?

– Чтобы воры не взяли чего.

– Кто ворует? Из-за чего?

Почему коршун кур дерёт?

А нельзя ли наоборот?

– Вот опять ты вопросов тьму,

Ни к чему это.

– Почему?

Разве я не в своем дому,

Почему не спросить: «почему»?

– Мальчик мой, надо проще жить.

Нам всего не обговорить.

Видишь бор? А в бору забор?

За заборами гладь озёр.

Хочешь – щель найдём, поглядим,

О природе поговорим?

Сыну тоже нравится бор.

– Но зачем же в бору забор?

Почему?

– Опять «почему?»!

Сам я многого не пойму...

Сам-то я их задам кому

Эти вечные «почему»?

1959

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых –
Просто диву даёшься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково –
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство –
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство, и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички – и только!

Стоит в лес углубиться –
И уже как не дома:
Словно мы за границей –
Незнакомые лица,
Языки не знакомы.

Как слепые, плутаем,
Будто глухи от роду.
И ещё утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?

Разве ценим?
Всё травой называем,
А подкошены – сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счёт ведём косяками,
Густёра иль сорожка,
Все едино – рыбёшка.

Лишь царям по рождению,
Как во всём, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро своё губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма,
Горсть зерна нужна,
Горсть одна –
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их – не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова – вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблѣкла,
По мѣрзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стѣкла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забывая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А всё ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались в скворешни, –
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЁ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за вѣсла – ружьѣ у ног,
Шѣл в чащу – заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна, и воробья,
Не разбираясь – друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, –
Люблю всё живое,
Живых люблю.

1959

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Всё ж он меня растил –
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слёг и тихо умирал, –
Рассказывает мать, –
День ото дня
Всё чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так её люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошёл я тысячи дорог –
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьёт никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву
Мы видим в её глазах,
Она звучит в её голосе
Денно и ночью.

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые, –
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, Сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью –
На мужа, на сына, на дочь мою, –
На каждый характер хватило,

На все их сомнения
И смятения,
На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.

Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты – Мать,
Ты меня понимаешь...

1967

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведётся снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далёко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелёгкой жизни уроки
Приведётся моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылým небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за всё в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети –
И не будет жизни конца.

1951-1954

РОДНОМУ ЛЕСУ

ЛЕС⁸

В зелёном кипенье и в пене,
Как море,
Что бьёт о гранит,
Он весь – предрасветное пенье,
Он небо с землёю роднит.

Чуть воздух,
Чуть ветер неровен,
И в хвойном –
Под хохот и свист –
Бушует безумный Бетховен,
А в лиственном – Шуман и Лист.

Рождённые светлой стихией,
Вернувшись к началам своим,
Опять оживают глухие,
И – зренье приходит к слепым.

Побудь в этой зелени лето,
Ступи на лосиный на след –
И станешь, прозаик, поэтом,
Из мёртвых воскреснешь, поэт.

1940

⁸ На эту тему записи в дневнике 16 авг. 1939 г.:

– В этот бы лес классическую музыку.

– Бетховена?

– Нет, скорей Чайковского или Моцарта. Моцарта на рассвете, когда птицы пробуждаются. А Бетховена в ельник, и чтоб немножко страшно было.

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стёжки,
Красные клёны – расшитый плат,
Гроздь рябины – в ушах серёжки.

Ходит красавица в березняке
В жёлтых сапожках – мягка доро́га! –
С жёлтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнёт рукой –
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнёт другой –
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где ещё есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озёра?!

1944

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О эти дуги над дорогой
В краю синиц,
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много,
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матёрые метели
С землёй месили облака.

И как под тяжестью Вселенной,
От напряжения белы,
То постепенно,
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга –
Лес был неистово красив,
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давлением света
Свисали ветви сосен вниз.
Вершины елей, как ракеты,
Под небом праздничным рвались.

И всюду дуги, дуги, дуги –
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь –
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.
И всюду ходы, переходы,
Валы и рвы зимы самой...

И я –
Сам бог и царь природы –
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный,
Немой.

1962

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Фёдору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь вёрст до небес
И всё лесом
Да лесом;

Где в затонах озёр
Лебединые крепи,
Тундры снежный простор –
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да сумёты по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском –
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мёд течёт
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять –
Рыбы вдоволь,
А всё же
Золотую поймать
Не случалось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

1963–1964

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зелёную благодать –
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
 шуршит листва,
Слышу:
 сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай –
С трёх,
 с четырёх сторон –
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:

Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:
И птицы не так поют,
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!

Святыне не изменю –
Серенькая, да своя,
Души не предаю огню:
Верующий я!

1961

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растёт сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру, –
Лучшей не видано
Во всём бору.

Иглами вышила
Неба треть.

Всем она вышла –
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,

Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь всё для соленья
И всё для варенья –
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя –
Ешь не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счёту нет.

Но топор ссечёт,
И вот он – счёт.

1939

СТВОЛ БЕРЁЗЫ

Вся берёза в молодых серёжках.
Старый ствол её в узлах резьбы –
Словно стены вековой избы
В трещинах,
В волоковых окошках.

Сколько глаз прищуренных и лиц,
Сколько по небу парящих птиц,
Всяких тёмных пятен, завихрений,
Как проталин на земле весенней.

Крепок ствол – поди качни плечом!..
Листья что? –
Их время преходяще,
Облетят – и нет их,
А о нём
Лесорубы скажут:
– Подходяще,
Не уступит дубу нипочём.⁹

1949

ТУЧА

Издадека,
Томясь от слёзной муки,
Играя снежной белизной плеча,
Заламывая молнии,
Как руки,
Тень, будто шаль
По травам волоча,
Она плыла.

Весь мир припал и замер,
Истосковавшись, ждал:
Придёт гроза.
Глядело жито жёлтыми глазами
В её большие влажные глаза.

⁹ Это стихотворение и многие другие помещены в рукописной книге о лесе «Зелёное золото».

Ничто вокруг не вызвало тревоги.
Пред тучей полдень побледнел и смерк.
Вились воронки ветра на дороге,
Несмелые,
И поднимались вверх.

Вдруг расколело воздух чёрным громом,
И хлынули свистящие клинки.
В полях осталась смятая солома,
В садах продрогших –
Яблонь костяки.

1936

ПОЖАР В ЛЕСУ

И день, что ночь –
Почти не рассвело.
Какие-то проезжие прохвосты
Зажгли тайгу –
Кругом в дыму, как остров,
Проснулось беспокойное село.
Бежали звери.
Лопалось стекло.
Земля в лесах коробилась берёстой.

Кольцуясь, огневые языки,
Как чёрные крылатые драконы,
Свистя, взмывали над тайгой зелёной
И с рёвом рвали небо на куски,
И подбирались к солнцу.

Никогда
Ещё в деревне так не волновались,
В дома была наношена вода,
В ушаты, в бочки налита вода.
Баграми в каждом доме запасались.

Лопаты изготовили.
Не мог
Никто глядеть на чёрный дым без боли.
Колхозники с утра сходили в поле,
Тянулись к небу:
– Дождь бы хлынул, что ли!..

Из города разведчик-самолёт,
Гудя, пронёсся в сторону пожара.
На миг вздохнул свободнее народ...
Но лес горел,
И воздух был всё жарок.

И вот в деревню в полночь прискакал
Из сельсовета конник.
Всё правленьё
Сидело в сборе,
Затая волненьё.

Он уговаривать правленьё стал,
Что понимает, мол, –
Народ устал,
Что, может быть, и поворчит селенье,
Но лес-то ведь – народное добро,
И разъяснять,
И убеждать, мол, будем.
Давайте же селение разбудим,
И миром –
Кто с пилой, кто с топором...

Тогда в ограде грохнуло ведро:
Под окнами уже собрались люди.

Все девушки – не только мужики,
Сошлись –
Напрасно было опасенье!
И двинулось ещё одно селенье

В глухую ночь
В раструб глухой тайги.

Каким же будет наше ополчение,
Когда на нас набросятся враги!

Живу в лесах,
Смотрю не первый год:
Любовь к отчизне люди в сердце носят,
Войны не хочет умный наш народ,
Но, кажется,
Здесь каждый камень ждёт,
Когда его врагу навстречу бросят.

1940

* * *

Лес родной,
Лес грибной,
Ты стоишь передо мной
Из-за дальних расстояний
Недоступною стеной.

Если б только можно было,
Разве б в городе я жил.
Я с ружьём бы, любо-мило,
По лесам с утра ходил.

Как войдёшь в зелёный бор,
Затихает разговор.
Вот попробуй не замри,
Коль на ветках глухари.

Не затихни тут, попробуй,
Коли здесь сучок любой,

Куст и холмик смотрят в оба,
Наблюдают за тобой.

У тебя с собой ружьё,
И рука впилась в цевьё.
В этих шорохах и скрипах
Всё внимание твоё.

1949

РОДНИЧОК

Грохот моря слышен издалёка,
Блеск его пугает и слепит.
У воды ни отдыха, ни срока –
Берега гранитные дробит.

А родник осоки не колышет,
Затенён,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться – чтобы разглядеть.

Но вода и в нём стоять не любит,
День и ночь без усталы поёт.
Кто отыщет – припадёт, пригубит,
А припав, не отрываясь пьёт.

И опять придёт, как на свиданье,
И заглянет в холодок, на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блудно́во¹⁰,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это – хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов – приезжай, гости! –
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду,
И если не озеро – пруд,
Повсюду рыбёшку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блудно́ве,
С землёй породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства,
Не как-нибудь,
Тут каждую душу знаю
И чувствую –
В этом суть.

Зимую – по снежным завалам,
Весною – по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

¹⁰ Блудно́во – деревня, в которой родился поэт Александр Яшин.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, –
Я тутошний,
Из Блудно́ва,
И это моя судьба.

1958

* * *

Когда на улице метель,
В избе особенно уютно,
Печь горяча,
Мягка постель,
И спится сладко, беспробудно.

А то соседи подойдут
И до полночи – трали-вали:
Махорку жгут, бухтины гнут,
Как на охотничьем привале.

Мать подаёт на стол горшки,
Картошку, шаньги на подносе –
Всё подбирают мужики,
И хвалят, и добавки просят...

О том, что было – споров нет,
Все пережито, не забыто.
А вот насчёт грядущих лет,
А как теперь там белый свет,
Куда несёт его орбита...

1964

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень –
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж столько было красных ягод!
Не соврём –
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно – ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли?
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора,
Рыжичков,
Чтоб вспомнил о родне?

Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы –
Даже на лугах,
На косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

ГНУС

Мошкара, комары –
Стон, звон, гуд...
Не съедят до поры,
Так с ума сведут.
Это ж самосуд!

Сколько их?
Да не счесть,
Просто – тьма,
Тьма!
Говорят: нечисть есть.
Вот она сама!

Днём – не сон,
По ночам –
Ни в одном глазу.
Я опух,
Одичал,
Сам себя грызу.

Как туман от болот,
Застя белый свет,
Он плывёт – гнус,
Плывёт,
Лезет в уши,
В нос,
В рот,
Просто спасу нет.

Разжигаю костёр,
Больше не могу:
Запалю весь бор!
Всю тайгу сожгу!

Лучше в пекле,
В аду

Бедовать беду,
Чем такой
Надо мной
На земле
Вой!

1963-1964

* * *

Всполошились над лесом воробны,
Разгласили окрест:
«Все! Все!»
Мол, разлётся в бору зелёном
Человек – не поймёшь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пуши,
На лосёнка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлётся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь – живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.

Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А воробы?..
Да ну их к Богу!
Я ж в своём, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу –
Я от карканья не умру.

1958

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднове появилось радио –
Поёт,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
 став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
 вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
 где столько лет я прожил,
Душе моей, навек засватанной,
Ещё дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идёт не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Всё остальное.

1962

ОХОТНИЧЬИ РАЗГОВОРЫ

В.В. Бианки

Не дело, коль станут поэты
О стенку стучать головой.
Давайте не будем об этом...
Что без толку рваться в бой!

Не лучше ли нам о природе,
О птицах поговорить.
О рыбе –
По этой погоде
Пора бы и клёву быть.

Вот жаль, что далеко от дома
Мы ездить на лов должны:
Все в дачных местах водоёмы
Заборами ограждены.

На Талице было неплохо,
Но там ныне химкомбинат,
И рыба почти перedoхла –
Спроси её: кто виноват?

Законы блюдя, охрана
Штрафует завод, что ни год:
Берёт у казны из кармана
И в тот же карман кладёт.

А чтоб рыболовных планов
Не прекращался рост,
Разводим в прудах сазанов –
По двадцать целковых за хвост.

Мы там ничего не наудим,
Вода там мутна для нас...
Но лучше об этом не будем,
Писалось уже не раз.

Поговорим об охоте,
Весна ведь во всей красе.
Когда-то на перелёте
Немало мы брали гусей.

Давайте-ка всей ватагой
Рванём хоть на вечерок
Полюбоваться тягой –
Грешно, коль упустим срок.

А что, глухариних песен
Не слышно?
Или поют?
Ужели ж вконец обезлесим
И мы округу свою?

Не счесть, сколько лесу ныне
Велением мудрецов
Вне плана пошло Украине
По дружбе –
В обмен на яйцо.

Хотя не полней кладовые
В стране от таких процедур,
Мы вышли в передовые
По яйценоскости кур.

И всё под большим секретом,
Не смел бы никто укорить.
А помните, прошлым летом?
Как начали брагу варить?..

Но мы не хотели об этом!
О чём же нам говорить?

1959

ЭКО ДЕЛО!

Дерево пожелтело.
С этого началось:
Что-то в нём задубело,
Сдвинулось,
Надорвалось.

Может – слоёв смещение,
Скрытое до поры,
Как при землетрясенье –
Складок земной коры?

И потекла живица
Лавой
К ногам ствола,
Чтоб янтарём сгуститься;
Может, начало зла

Было в безмерном росте:
К небу вознесено,
Стронцием-90
Дерево облучено?

Или жучки-короеды
Взяли его в полон?..

Сверху валились беды,
Снизу,
Со всех сторон.

Кто-то инициалы
Вырезал на стволе,
Сук в снегопад сломало...
Мало ль какие шквалы
Гнули его к земле!

Жёлтые в хвое пятна –
Жёлтая сыпь в бору.
Поналетели дятлы,
Выстукали кору.

Выдюжит ствол могучий –
Жалко его рубить!
Может, на первый случай
Следует полечить?

Может, лишь отдыхает,
Не умирает оно,
Просто наряд меняет,
Стужей обожжено?

Просто чуть приболело.
Справится –
Не бревно!

Но уже всё решено:
– Дерево?
Эко дело!
Лесу вокруг полно.

1966

СМЕРТЬ БЕРЁЗКИ

Пробивалась берёзка к свету
Из колючего хвойника.
Тонкий ствол, будто след ракеты,
Поднимался под облака.

Кисло пахло гниением,
Тленьем,
Мхом болотным,
Сырой травой.
Редко, редко, как избавленье,
Как надежда на избавленье,
Солнце вспыхивало над головой.

Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась –
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землёй потеряла связь.

Над увядшей её листвою,
Будто волны мёртвой воды,
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуяв чужой беды.

1962

МЁРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Зимой все деревья голы,
В беде и в нужде равны
И стынут, как новосёлы
Палаточной целины.

По цвету, по звону схожи,
Не разберёшь пород:
Сосульки – вместо серёжек,
Кора на любом, что лёд.

Наверное, только птицам
Зимой различать дано,
В каком из них жизнь таится,
Какое гниёт давно.

Но тайны исчезнут в апреле –
Всему настанёт свой срок:
Живые оденутся в зелень,
А мёртвым тепло не впрок.

Кору обдирая с сушины,
Работают дятлы чуть свет,
Прорубятся до сердцевины,
А сердцевины нет.

1964

* * *

Лес поседел от инея,
Бел, как сама зима,
Что ему дюны синие,
Снежная кутерьма!

Закостенев от холода,
Он терпеливо ждёт:
Ранней весной молодость
Снова к нему придёт.

Мне ничего похожего
Не принесёт весна,

Вот почему встревожен я –
Жизнь у меня одна.

Всё невозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем –
И седина навек.

1965

* * *

Бор, казалось, был не широк,
Но вырубил,
И вот,
Ветер, как у полярных широт,
Снег дни и ночи метёт.

Раскинулось – непостижимо уму! –
Поле, позёмкой играя,
Глаза слепя,
И теперь ему
Нет ни конца, ни края.

Где здесь лежали бывшие пути?
Нынче не разобраться.
Поле теперь напрямик перейти
Волки и те не решатся.

А лес продолжают вдали рубить,
С веток крошится иней...
Значит, решили еще углубить
Белую эту пустыню.

1948

* * *

В этом поле замёрзнуть можно –
Снег по грудь,
Никаких примет,
Безнадёжно и бездорожно,
Только ветер свистит тревожно,
Только заячий вьётся след.

На приволье, а как в неволе...
Если б лыжи, но лыжи где?
А кому-то и в этом поле
Хорошо, как рыбе в воде.

1964

ЛЕСОСЕКА

Птицы ещё на гнёздах,
Будто в тепле папах,
Но уже хвойный воздух
Выхлопами пропах.

Вклинились лесосеки
В мир, где перо и пух,
А ведь казалось –
Вовеки
Здравствовать без заварух.

Визг бензопил страшен.
Если бы только он!
Сосны, как в рукопашной,
Гибнут
Со всех сторон.

Чибис машин не боится:
Гром –
Стало быть, гроза.
Но – человечьи лица!
Но – человечьи глаза!

В ночь подышав свободней,
Рябчики,
Глухари
Ждут, будто кары Господней,
Индустриальной зари.

Некуда скрыться,
Нечем
Гнёзда от бед прикрыть,
Втягивай голову в плечи,
Если охота жить.

Взвиться бы к небу
В паре,
Там никаких границ!
Но не парить,
А парить
Май принуждает птиц.

Сжались до неприличья –
Робкие,
Курья стать,
Даже обличье
Не птичье –
Где уж таким летать.

Голодно и морозно.
Всё ж,
Презирая смерть,
Птицы сидят на гнёздах –
Надо ж кому-то сидеть.

Страх изнуряет, треплет –
Терпят всему назло,
Лишь бы птенцы окрепли,
Встали бы на крыло.

1966

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

По опушке рощи,
Около воды –
Вязью по пороше
Свежие следы.

Разбираю почерки:
Вот чей-то скок,
Лисьи цепочки,
Птичий бисерок.

Кривули чьи-то –
Чьи? – не узнать –
Прошвой вшиты
В белую гладь.

Протянула мышка
Тесьму хвостом...
Вязанье,
Вышивка
Гладью
И крестом.

Косачи – крестиком,
Рябчики – тож;
Куропаток шествие –
Понимай, как хошь.

Заячье плетенье --
Смех и грех:
След с оформленьем --
К ореху орех.

Чудо, что творится,
И всё -- на виду:
Не птицы -- кружевницы,
Пяльцы и спицы,
Коклюшки в ходу.

Вот как разделано!
Дивлюсь пестроте...

Всё на снежно-белом
На тканом холсте.

1966

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему герою:
Того гляди, возьму живьём,
А он один в гнезде своём,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьём.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?

А не замечу –
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И – мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний,
Среди птиц – сам, как птица.
Солнце без опозданий
И встаёт, и садится.

Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в трущобе таёжной
Мне, как в детстве, тревожно.

Чёрный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз не моргая
Наблюдают за мною.

Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Всё, что думаю, – знают,
Всё, что делаю, – видят.

Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволине.
Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.

И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.

Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят –
Ну и пусть:
Я же дома!

1958-1967

* * *

Весна – куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днём, как много раз подряд, –
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа, будто озеро.

Хоть на день каждый ручеёк
Сравниться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего –
Всё ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов,
И над рекою рёв гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам? –
Всё извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остаётся недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Вологда
И Ока.

Льдины вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей.

Тронутся – не остановишь –
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сёл.

Грохотом обдавая,
Холодом леденя,
Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу –
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешние воды...

Хлынули бы скорей!

1963

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Всё за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Расселось,
Размокло...
Полны колеи.
По крышам, по стёклам,
По сучьям – ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...

Где нечет, где чёт.
И всякая мерзость
В овраги течёт.

И только всё глубже,
Всё чище вдали
Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаще,
Да в роще
У старых запруд
Всё слаще,
Всё хлёще
Птицы поют.

Всё гуще,
Всё пуще...
И вот, наконец,
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

ТАРУСА

К.Г. Паустовскому

Лежу на краю зелёной земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчёлы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчёлы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчёл
Урвать дарового мёду.
Весь день искал,
Ничего не нашёл:
Непросто теперь набрести на пчёл,
С мёдом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,
Воздух – не надышаться!
А пчёлы...
Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мёд!..
Лежу на земле,
Гляжу в небосвод –
Не на что обижаться.

1961–1962

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

СПАСИБО СОЛНЦУ!

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле –
и всё на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
ещё не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.
У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух – солнце,
кружевная паутина – солнце.

Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире,
Как не Яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика
на Бобришном Угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
– Нет, человек произошёл не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе!

1963

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор – он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил –
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский – как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжелее воз,
Кто больней скрипит от непогоды:
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок –
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка – крыльцо,
Вместо скобы – кольцо,
Жёлоб для водостока,
Даже конёк налицо.

Всё – чему сердце радо,
Всё – для ума и души,
Детство и юность – рядом,
Рябчики
И поляши.
Большого в жизни не надо –
Только сиди
Пиши.

Лётчик нанёс на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать.
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

1962–1963

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ¹¹

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.

В получасе шаганья
От деревни Блудно́ва
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пúстынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть, –
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Чуть труба закурчавит
Дымовой каруселью¹²,
И поэзия справит
Здесь своё новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с Змееедом¹³:
Так отверзнутся уши,

¹¹ Бобришный Угор – редкой красоты место в лесу, высоко над Юг-рекой, где поэт построил домик, чтобы там жить и работать, и где завещал похоронить себя. Книга «Босиком по земле» посвящена Бобришному Угору.

¹² Эти две строфы Яшин написал поверх прежних в авторском экземпляре книги «Босиком по земле».

¹³ В вологодских лесах, на родине поэта, ёжик ест змей. Здесь Змееед упоминается как сказочное существо, наделённое необыкновенными способностями.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу её журчание.
В ней – те же луна, луга, облака,
То же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьём, с бадожком,
Душа и глаза – настезь.

Бродить по сырой земле босиком –
Это большое счастье!

1962

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог,
И сколько б теперь ни прожил –
Ничто для дублёной кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Дресвы не боюсь на тропке...
Все лишние электроточки
Берёт из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Всё злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остаётся в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй,
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зелёные глянут места,
Добру откроется сердце
И совесть будет чиста.

1963

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Это как приближенье
Ветра, воды, песка.
Вдруг возникает движенье,
Неясное пока,
Словно круговращенье
Медленное
 в облаках.
Дикой пчелы роенье?
Шелест березняка?
Может, прорвав ограждение,
Хлынула с гор река –
Стонут от напряженья
Взмыленные бока?
Может, громов рожденье,
Скал прибрежных крушенье,
Слышное издалека?
Ждѣшь,
Как землетрясенья, –
Гула,
Рывка,
Толчка.

Лес пригибает ветви,
Дрогнул небесный свод,
Стѣкла звенят...
А это
Просекою
Сквозь ветер
Поезд ночной идѣт.

1967

СНЕГ

С детства,
С самых первых зим
И на весь свой век,
Как Отчизны сладкий дым,
Полюбил я снег.

Полюбил его покой
И буранный вой.
Снег не мёртвый,
Он живой –
Вихорь огневой!

У него своё лицо –
Запах, вкус и вид.
Звон морозный бубенцов –
Это снег звенит.

Знает вся моя родня:
Из села
Лыжня
Столбовой дорогой в мир
Стала для меня.

Не о вечности грушу –
На земле мой век!
Всё ж, когда умру, –
Прошу:
Схороните в снег,

В его светлой мерзлоте
На Бобришной высоте.

1967

* * *

Что ж ты спишь, ветер,
Куда глядишь?
Хуже всего на свете
Такая тишь.

Сосны, обессилен
От снежных груд,
Руки опустили,
Спины гнут.

Снег вроде дыма –
Пока летит,
Почти невесом,
А невыносимо
Придавит он,

Обломает ветви у ствола,
Обломает крылья –
Будет роца гола,
Одни будылья.

Обломает ветви,
Того гляди,
Покалечит лес,
Что ж ты медлишь, ветер,
Гряди, гряди!
Нагрянь с небес.

1968

ВСЁ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шёл дождь,
небо соединялось с землёй,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.

А городской человек
вошёл в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
– До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто – муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, –
так вот почувствовать,
так до слёз полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
– Всё в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

ЗЕМЛЯ БОГАТЫРЕЙ

*Вспоминаю о войне:
Если б не война!
Сколько бед родной стране
Принесла она.*

*Цветы оборачивались крапивой,
Потопом июльский ливень – гроза,
Лука – трясинной,
Ручей – заливом,
Роса выедала врагу глаза.
Не находил супостат дорог,
Он воздухом нашим дышать не мог¹⁴.*

РУССКИЕ МЫ

*Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Чёрные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Тёмно-зелёной,
Из веток сплетённой,
И оставляю в лесу, в стороне, –
Я не ропщу на дождь на войне.*

*Поле ползём,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.*

¹⁴ Эти строки – заставки раздела «С трёх фронтов» в книге «ЗЕМЛЯ БОГАТЫРЕЙ», изданной в 1945 году и посвящённой героическим морякам Балтики, Волги и Чёрного моря, где воевал Александр Яшин.

Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне –
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады.
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами всё вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Тёплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Топи да будут непроходимы,
Небо нелётным, чёрным от дыма,
В полночь глухую –
Беззвёздным, безлунным,
В полдень – знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сёл, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Всё шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, –
Не так.
Всё было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберётся ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чём других не хуже
Переношу тяжёлый путь, –
Я затанул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой – удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Тёплая и модная.

Чёрная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга –
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристаёт,
Полюбил тебя народ.
За одну шинель
Матроса
В гости девушка зовёт.

В чистом поле и постель,
И шатёр – моя шинель.

Если надо, в жгут свернётся,
На ночёвке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польётся –
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвёшь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведёт меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть, –
Не снимать своих шинелей
Мы почтём за долг и честь.

1941

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А ещё не убран лён.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушубках и в пимах
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мёрзнут – малыши
Надевают рукавицы.

Не спешат с отлётом птицы:
Зёрна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем спят глаза до боли.
На снегу лежат снопы –
Не уходят куры с поля.

Не смиренье – сжатый рот,
Даже вздох – с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленьё.
Трудный сорок первый год...

1945

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпьё – не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да всё одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть Иуда –
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944–1945

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк –
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Как бы грозя неотвратимой карой.

Ещё один – в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над тёмной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутись?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

1942

* * *

Когда бы ты видела этот город –
Дворцы его, парки, шелка знамён
И то, что теперь переносит он:
Разбитые статуи, щебня горы,
Сожжённые кровли, столбы, заборы
И расщеплённый мрамор колонн.

На Невском –
Все памятники победы,
Балконы, мосты и арки ворот –
Всё на дыбы от огня встаёт.
Когда бы ты знала, какие беды
Выносит железный русский народ...

Февраль 1942

ИЗ «ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПОЭМЫ»

*

На углу толкучка,
Замедлен шаг, –
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шалях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет ни мясных, ни молочных –
Нет рядов никаких.
Всё без весов – с руки,
Но взвешивается точно.

Взвешивает рука
Покачиванием –
Наверняка.

Табак продаётся понюшкой,
Затяжкой –
По рублю.
«Триста рублей осьмушка,
Дешевле не уступлю!»

Граμμαми хлеб – не пакетами...
Хлеб и табак в цене,
С серьгами, с самоцветами,
С золотом наравне.

Женщина на чемодане
Мёртвым голосом тянет:
– Салфетку, и кружева,
И котиковую шапку
Меняю на дрова –
На одну охапку.
За бусы и брошки
Хлеба немножко...

Неужель эта женщина –
В трупных пятнах лицо –
Носила нитки жемчуга
И платиновое кольцо?

Что-то вроде творога
Идёт за бриллианты:
– Не дерите дорого.
– Мы не спекулянты.

Два волосатых одра несут
В ржавом ведре жирный суп.

Из какого мяса?..

Из каких круп?..

Его не берут.

– Под суд!

– Под суд!

Здесь на углу, на народе

Хоть с полчаса побудь

И ничего не забудь.

Медленно, медленно ходим,

Чтоб никого не столкнуть.

Боль распирает грудь.

Ольга по рынку ходила

Медленно, с полчаса.

И ничего не купила,

Вслушивалась в голоса:

– Товарищ матрос,

Купи папирос!

– Табак, махорка –

Моё почтение!–

И поговорка,

Как приложение:

– Кури табак,

Бей фашистских собак!

А Ольге нужна зелень

Сосны́ или ели,

Не изумруды и не рубины –

Нужны витамины.

– Веточка ели пятнадцать рублей.

Покупайте веточки ели.

На хвойный настой рублей не жалея,

Чтоб дёсны не заболели!

Соберите иглы в горшок,

ПОТОМ

Разотрите иглы медным пестом,

Залейте остывшей водой с кислотой –

Три части воды, –

И готов настой.

Через два часа настой процедить.

Полстакана в сутки –

Можно пить.

Меняю рояль

На дура́нду,

В придачу инструмент для джаз-банда.

Очень жаль,

Но делать нечего...

В чёрную шаль одета,

Доживёт ли до вечера

Старушка эта?

– Веточка ели пятнадцать рублей...

– Дайте вот эту, позеленей.

У девочки с веснушками

Руки опущены,

Под глазами отёки.

Бледная, испита́я,

Стоит –

святая!

– Томичек Есенина

За жмыха кусочек.

– Есть, есть лоточек

Мучки несееяной.

Солнце не светит,

И снег словно мучка.

Где ещё на свете
Есть такая «толкучка»?

Вдруг загрохотало –
Крышу рванул снаряд.
Толпа не бежала
Ни вперёд,
Ни назад.

За один Ленинград
Всей Германии мало.

Ольга брела под вечер
Домой по тропкам кривым,
Женщины навстречу
Несли в бидонах воду с Невы.
Смотрели, понурясь, львы
Во льду и в снегу по плечи.

*

От берега до берега
По льду через туман,
Как из Америки
Через Ледовитый океан,
От одного материка
До другого материка,
Словно легенда, – в века
С Большой земли – Отчизны –
Пролегла к Ленинграду
Дорога жизни.¹⁵

Не железная – снежная,
Вьюжная, вихревая,

¹⁵ Яшин из блокадного Ленинграда был вывезен по Дороге жизни через Ладожское озеро.

Разметённая, прямоезжая,
Автогужевая.
Не в два следа
И не в три следа,
А во всю ширину озёрного льда.
Через Ладогу,
Будто радуга:
По каждой цветной полосе –
Два, три шоссе.

Не летают вóроны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
Во всю ширину дороги,
В оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли
Идут обозы
И автомобили.
Словно бы неторóпко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядишься – несутся –
Льды метровые гнутся.

Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
В немце все берега,
Идут – нипочём пурга –
Машины, как буера.

Слава вам, шофера!

С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют –
Этих немых ребят
Немцы с пути не собьют.

Если вблизи от дороги
По льду хлестнёт снаряд,

Парень свернёт немного
И догоняет отряд.
Если машину под лёд
Бомба, всплеснув, забьёт,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперёд идёт.

Чтоб ни случилось на свете,
Грузовики идут.
Хлеб и тепло везут –
Их ленинградские дети,
Смерть отгоняя, ждут.

Вечером всё расцвечено,
Фары включаются вечером –
Озеро горит,
Будто подходишь к городу,
Большому, широкоплечему,
А это всё – фонари.

Почти замерзая,
Ходят пикеты.
Небо взрезая,
Взлетают ракеты
С берега где-то.

Вновь огневой налёт,
И стонет ладожский лёд.
Обозначается, хрястнув,
Трещины тонкая нить...

С какой неизведанной трассой
Эту дорогу сравнить?

Она идёт не на полюс,
Хоть часто в снегу по пояс,
Не к сказочным далям путь,
Хоть часто в воде по грудь,

И не на тот свет –
Цены ей и меры нет,
В миллионах сердец – её след.
Всем золотом Лены, Аляски
Не оценить этой трассы.
Величественная, как на Луну,
К городу в плену.

Времени минет много,
Переживём тревогу,
Но будем на каждой тризне
Добром поминать дорогу,
Спасшую столько жизней.

*

Тёплого ветра дошла волна
С моря, со льда залива.
В самое сердце дохнула она,
Кажется, где-то близко весна,
Солнечно, водоречива.

Если б, откуда вдруг ни возьмись,
Голуби полетели, –
Как просияла бы наша жизнь.
Первой сосульки мы заждались,
Первой с карниза капли.

Даль освежённая высока.
Я открываю ворот...
Чувствую, вижу:

весна близка!

Издали к нам плывут облака
Светлые – будто входят войска
В освобождённый город.

1942–1943

БОГАТЫРЬ

Когда сломались и копьё, и меч,
Лишь рукоять осталась от булата,
А всё ещё не утихала сечь,
Схватил былинный витязь супостата

И с ним по полю, как с косой по ржи,
Пошёл, ряды поганных сокрушая:
Махнёт направо – улица лежит,
Махнёт налево – и лежит другая...

Нет, мой товарищ так не воевал.
Но в дни, когда нас повела победа,
Он семь недель под крышею не спал,
Ел на ходу и устали не ведал.

Однажды послан с донесеньем был,
И под обстрелом в снаряжение ратном
Он три речных потока переплыл,
А час спустя уже спешил обратно.

В подбитом танке десять суток мёрз,
В нейтральной зоне, на полоске узкой
И уцелел.
Он высоко пронёс
Былинный бархат нашей славы русской.

Шагая в бой с гранатой в руке,
Он вспоминает дом, лесные гривы,
Флажки меж сосен в мирном городке,
Свои забеги и свои заплывы,

Прыжки через барьеры и в длину –
Всё, что казалось ранее забавой,
Когда ещё не думал про войну, –
И запах трав,
И смех над переправой...

И на привале, при ночном огне
Строчит друзьям, ещё не знавшим боя,
Что хорошо быть сильным на войне,
Что сила – это дело наживное.

1943

ИЗ ПОЭМЫ «ГОРОД ГНЕВА»¹⁶

Сталинградские эпизоды

Начало было страшным для нас

Они пробились сквозь наши ряды,
Всё предавая огню для «порядка».
Они дошли до волжской воды.
И здесь завязалась новая схватка.

У Латашанки
В лесном рукаве,
Нагрянув на вражью мотопехоту,
На автоматчиков в жёлтой траве,
Стальные грохочущие «КВ»
Взялись за работу.

«Катюша», подняв тропический рёв
(Когда воспоём её гнев и ярость?!),
Неудовимая, в дело ввязалась.
Ей гулом труб отзывался ров,
Земля пересохшая содрогалась.

¹⁶ «Поэма «Город гнева» писалась на кораблях Волжской военной флотилии в августе-сентябре – в первый период боёв за Сталинград. <...> Создание поэмы, достойной грандиозной Сталинградской битвы, – дело времени. <...> Автор надеется, что зарисовки, сделанные им в ходе боёв, сыграют свою роль как живое свидетельство великолепного мужества моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта». *Автор*.

Сгубив десятки своих корпусов,
Фашисты хотели дорогой степною
Пройти, не задерживаясь,
Волною.
Но вышла Волга из берегов
И встретила немцев, готовая к бою,
Как их встречали у невских лесов,
Как в Севастополе,
Как под Москвою.

Тогда они,
Вконец озверев,
Метнули на город чёрные крылья.
Будя в сердцах исступлённый гнев,
Выбрасывал неба облачный зев
За эскадрильей эскадрилью.

Фугасные центнеры так рвались,
Как будто падали метеоры.
Деревья с насиженных мест снялись,
Железо и камни летели ввысь,
А люди скрывались в подвалы,
В норы.

Начало было страшным для нас:
Как будто во время землетрясения,
В подъездах, на лестницах свет погас, –
Казалось, нигде не найти спасенья.

Загнав в укрытия мирный народ,
Дворы превращая в сплошные свалки,
Второй и третий сделав заход,
Фашисты стали бросать «зажигалки».

А город – над Волгой,
Под ветром весь,
Он весь – как лента.

И вот, под вечер,
Сначала с окраин метнулась весть,
Что в комнаты начало пламя лезть,
Что дым придавил тесовые плечи.

Потом лихорадка огня прошла
По центру, по белым дворцам,
По бульварам.
Слепящая, взвихренная метла
Очистила берег реки догола
И всё расширяла площадь пожара.

Сгорал тротуар –
Занималась грязь,
Кусты дотлевали –
Песок дымился.
В сады словно осень вдруг ворвалась,
Листва пожелтела.
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.

Народ бежал из подвала в подвал,
В овраги, в щели,
Где воздух не жжётся.
Казалось, по улицам Волга льётся.
Народ за вокзал, пригнувшись, бежал
И, задыхаясь в дыму,
Ночевал
В водопроводных колодцах.

Была эта полночь светлее дня,
Трещали убежища-катакомбы.
И странная мысль навестила меня,
Что враг ужаснётся лавине огня, –
Куда уж тут сбрасывать новые бомбы.

А немец бросал,
Кружил и бросал,
Долбил, поджигал
По часам – аккуратно.
Его не пугали детей голоса,
Через четыре немецких часа
Он, нагружившись, летел обратно.

Стремглав неслась от машин в стороне
Высокая девочка в степь
и редела.

Она от огня убежать хотела:
Не зная, что пламя несёт на спине –
Расшитая кофта на ней горела.

Вот так от рыси олень бежит:
Глаза ему страхом смерти распёрло,
Он лес ломает,
Он весь дрожит,
Он с маху берёт болот рубежи, –
А рысь на хребте у него лежит
И не спеша подбирается к горлу.

Теряя повязки и костыли,
Из бывшей гостиницы «Интуриста»,
Сжав бледные губы,
В поту, в пыли
Больные и раненые ползли
На Волгу,
к воде, от огня,
на пристань.

Какой-то старик лежал на песке
В рабочей спецовке –
Рыбак или слесарь, –
Кровавая ссадина на виске,
Он крепко зажал тетрадку в руке:
И, мёртвый, к борьбе не терял интереса.

За небом следил он,
От пыли седой,
Подвергнутый нечеловеческим пыткам,
Он всем существом своим –
Бородой
И согнутой в локте рукой худой, –
Казалось, указывал цель зениткам.

Зенитки стреляли, стволы раскаля,
По тридцать, по сорок минут без умолку
С бульваров изрытых,
С баржи,
С корабля.
И все мостовые,
Нет, – вся земля
Была в остывающих рваных осколках.

А город, пригнувшись, пережидал,
Когда поредеют над ним самолёты,
Он только со злобой зубы сжимал –
Так альпинисты снежный обвал
Пережидают в расщелинах скал,
Чтоб снова рвануться в небо, в высоты.

Мы молча клялись отомстить врагу
За новое страшное, чёрное дело.
В беззлой душе нашей зло накипело.
Свистело пламя на берегу.
Казалось, в груди моей всё горело. <...>

*

Чадил разбитый ночью город,
Багровым пологом накрыт,
А люди средь гранитных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.

Из щелей выползали дети,
В саду белели тут и там
Пелёнки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.
На табуретке у калитки
Осиротевший старичок
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.
Спеша закончить до бомбёжки,
Вся до бровей в муке бела,
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепёшки
И тут же на костре пекла.
На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар,
В трубу с родного пепелища
Щипцами подносили жар.

А той порой, грозя расплатой
Пришельцам из чужой земли,
Вооружаясь, чем могли,
Мужчины шли в военкоматы,
В партийные райкомы шли.

В час испытаний наши люди
Умеют мужество хранить,
Умеют, зубы стиснув, жить.
Такой народ рабом не будет,
Его не взять, не покорить. <...>

Триста моряков

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Упёрся немец – ни взад ни вперёд,
Ни взад ни вперёд и наши.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ и трупоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вёл полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли – на весу штыки –
К победной, гвардейской славе.

И город всё ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запылённых встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он всё уже знал
И всё-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

Батальон

В землю вращая, стоит батальон,
С трёх сторон окружён.
Даже дубы огнём сметены...
Чем эти люди сильные?..

Кажется, их уже нет в живых.
Всё разнося в куски,
Кинутся немцы с холмов крутых
К ним,
А они – в штыки.

Заново враг начинает бомбить,
Танки спустились в лог.
Но ни ослабить он,
Ни сломить
Нашей пехоты не мог.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка,
Метров по триста во все концы,
А за спиной – река.

Не снарядить ли за Волгу плот?..
Что им рассвет принесёт?
Утром их и ковёр-самолёт,
Верно, уже не спасёт.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать,
Мелкими группами поползли –
По три бойца, по пять.

Но поползли вперёд, не назад –
Пусть и враги не спят! –

По три диска на автомат,
По десяти гранат.

В полночь вышел боезапас.
Снова в штyki: «Ура!»
Да подоспели к утру как раз
Волжские катера,

Да в облаках запели «У-2»,
С неба летит термит.
Ожили люди:
К чему слова?
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними следит.

Вскинули головы и по траве,
Сбросив врага с высот,
Вдаль от Москвы,
Навстречу Москве
Ринулись вперед.

*

Не забудут люди никогда
Тяжкие военные года.

Где-нибудь в ауле, в кишлаке,
На далёком севере, в Блуднове,
Трубку сжав в израненной руке
И нахмутив выцветшие брови,

Человек, седой не от годов,
Говорить начнёт притихшим детям
О военной славе городов,
О блокадах, обо всём на свете.

Скажет гордо медленное: «Да-а!..
Тяжело и голодно бывало.
Хорошо стояли города,
Вражьей крови пролито немало.

Самолёты шли, как журавли,
Строем, клином, будто на параде.
Неизрытой не было земли.
Мы одни лишь вынести могли
По две тысячи налётов на день.

В середине заводской трубы
Целый штаб дивизии ютился.
Генералы глохли от стрельбы,
Командарм с бойцами рядом бился.

Пробирались по ночам к врагу
Штурмовые тройки и шестёрки.
Таял снег от битв на берегу –
В январе ручьи стекали с горки».

Распахнёт тужурку человек,
И блеснёт военная награда –
Гордый и немеркнувший вовек
Свет – «За оборону Сталинграда». <...>

1942–1943

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови –
Донесётся, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Крик петуха на просмолённой крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздолбный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как всё стократ для сердца стало мило –
Брусника в чащах,
Рек голубизна, –
Война все чувства наши обострила.

Просторны тёсом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывёт над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что всё перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров – скорей канаву,

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то,

Справа – в соснах и кустах,
Слева – в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста, –
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа, –
Не коси, сломаешь косу.

Под дёрном и ныне есть
Среди кашки и метёлки
Гильзы рваные, и жечь,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдёт до слуха.

Может быть, ещё огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберёт,
От свинца прикроет собою?..

1943

В КРЫМУ

Земля тосковала по русской речи,
Два года была в огне и в дыму.
Враги, всё живое перекалечив,
Учили её языку своему.

Но грянул суд.
Расстреляв дозоры,
Мы закрепились на берегу.
И, Боже мой, как засияли горы,
Какой по ущельям понёсся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьёт.
Земля, что лежит ещё за холмами,
Зовёт нас к себе, торопит вперёд.

По жёлтому скату,
По кочкам зелёным
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюблённый,
И падаю, радуясь, на траву.

Всё необычно, для сердца ново –
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несёт.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствую:
«Здравствуй, родная земля!»
И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»,
И веселей шумят тополя.

Кричу в озарённые днём просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огонь!»
«Огонь!» – отзываются горы.
«Москва!» – кричу.
Повторяют:
«Москва!»

Земля моя,
В гальках, в зелёных росах,
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты – наша.
Мы снова с тобой – матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперёд!» – кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперёд!»

21 января 1944

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землёю красный флаг,
Далёко сегодня разбитый враг.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка –
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не посёлок, не город она.
Станичка была – огнём сметена.
На ровной поляне щепы одна.

Границы траншеями обведены:
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов

петля

Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно.
С Большою слили её в одно,
И я не увижу её никогда:
Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
А жаль, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог.

Земли обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому вызволять.
И видеть хочется всей душой:
Сольются – настанет же день такой! –
Все Малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой.

1944. Мысхако, Новороссийск

ПОСЛЕ БОЯ

Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу.
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах – не сдуваю песка.
Орёл парит над моей головой...
А я живой!

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И всё зелёное, всё голубое
Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озёр
Мои друзья разложили костёр.
Все живы, ещё один выигран бой.
И я живой.

Орёл всё ниже, всё ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых распластанных крыл.
Всё явственнее шум, всё уже круги,
Вот-вот налетит – глаза береги.
Темнеют когти и клюв кривой...
Но я живой.

Пропала вялость, исчезла усталость,
И я опять напрягаюсь весь:
Как тяжело в боях ни досталось –
А сила не тронута, крепость есть.
От сердца к пальцам прошёл огонь,
Слежу за разбойником: «Ой, не тронь!
Узнаешь сейчас, поплатясь головой,
Что я живой».

1943

ПОДРОСТКИ

С утра отобрали покрепче коней.
Ребятам годков по десять, не боле.
Поручено было: за восемь дней
Заборонить озимое поле.

- Забудьте о доме, о сладком сне,
На фронте жильё – блиндажи и землянки,
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле – взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное, нет ни конца ни края.
Таким представлялся ребятам путь
На запад – от Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось: вовсе луны,
Совсем на свете луны не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища... Что такое?
От шума листвы, от крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до стуж и дождей,
Пока ещё ветры не налетели,
И если жалели кого – лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях, вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая...
И всё им казалось:
Они прошли
С боями от Волги и до Дуная.

1944–1945

КЛЯТВА

Над горной вершиной ветер свищет,
Птица-орлица добычу ищет.
На склонах тёрн – торчат корневища,
Дуб над бездной
Стоит, как железный.
На вершине воздух чище,
Небо синей,
Роса холодной,
С вершины земля видней.
На вершине клятва верней.

Давай поклянёмся, мой друг.
Взгляни, какая страна большая,
Родная, – не видно конца и края!
Лицом повернёмся на юг:
Перед тобою – снег по хребту,
А ниже – всё в зелени, всё в цвету.
С юга вершина освещена.
Пусть будет клятва верна.
Пусть будет, как солнечная сторона,
Наша любовь ясна,
Такая же светлая и молодая,
Как родина, –
Без конца, без края.
Клянись!

*

Поворотись на север,
Там, за увалами, льны и клевер,
Ольховые рощи,
Сосновые чащи,
Начала рек широких, журчащих,
Там васильки и разрыв-трава.

Там Москва –
Всему голова.
Там Вологда, где мы с тобой роди́лись,
Где жить учились;
За домом, у тына,
Не виноград – рябина.
Среди вековых лесов заводы,
Глядятся трубы в озёрные воды.
А дальше тайга,
Зыбуны по пояс,
И льды, и снега –
Полюс.

Не забывай о родине,
О нашем роде –
О сильном, честном, прямом народе.
Не забывай
Наш суровый край,
Люби в лесах родниковую воду.
Не забывай:
Жить с народом – служить народу.
Клянись!

*

Восток сам
Повернулся к нам
Восходом ранним,
Хвойным дыханьем,
Оленьими сопками,
Верблюжьими тропками,
Путями великими,
Песками топкими,
Трущобами дикими.
Необозримый, неиссякаемый,
Ветрами солёными обвеваемый,

Издrevле богатый
Зверем рогатым,
Пухом и мехом,
Кедровым орехом.
Лучами в тумане
Весело, молодо
Сверкнули грани
Горного золота.

Европа и Азия в силе и славе
Соединились в одной державе.
Держава Советов!
На свете нету
Другой земли такой великой,
Другой семьи такой многоликой.
Не знаю лугов заливных цветистей,
Полей необъятней, садов плодородней,
Плотин величавей, гудков голосистей,
Народа пытливей и благородней.
В годину войны
За нашей спиной
Сибирь поднялась живою стеною,
Поднялся Урал из-за облачной сини,
Всеи мощью своеи подпирая Россию.

В былое взгляни:
Если трудно было –
Мы миром вставали и солнце всходило.
Врагов на копьё и меч принимая,
Народ стоял против орд Мамаю,
Тевтонские рыцари, шляхтичи, шведы
Бежали от нас, забыв про победы,
И пёстрые полчища Наполеона
Склонили пред нами свои знамёна.
Всегда наша правда торжествовала,
Как солнце с востока всегда вставало.

Входи же хоть каплей в громаду потока,
Песчинкой,
Снежинкой в вихри с востока,
Лучом в сиянье,
Искрою в пламя,
Строкою в песню,
Узором в знамя.
Пусть солнце братства
Несёт народу
И радости жизни,
И свет, и свободу.
Ему поклонись!
Пред ним поклянись!

*

На Запад повернись.
Там кровью политы земли наши,
Там взорваны станции,
Насыпи скрыты,
Сады сожжены,
Города разбиты.
Пришла кровавая смерть от заката
С рогами на тёмной каске солдата.
В дыму столкнулась со сталью сталь...
До крика каждую травку жаль...

Мы в дом чужой с кистенём не ходили.
Добру учились,
Добру учили.
Но если смерть пришла от заката,
Знакомо и нам ремесло солдата.
В боях наша сила зрела и крепла,
Заря росла из крови и пепла.
Опять на запад ведут дороги –
К Берлину.

Дойдём до вражьей берлоги.
Дойдём!
Отомстим за горе, за слёзы,
За наши заводы,
за наши берёзы...
Сегодня мы от костров храним
Культуру, которую миру дали
Москва и Афины,
Париж и Рим, --
Которую мы от рожденья чтим, --
Мы ныне совестью мира стали.

Возьмёмся за руки
От моря до моря.
Против смерти,
Против горя
Станем твёрже,
Глянем строже,
На тлен, на гниль
Запрет положим.
За новый век
В двадцатом веке!
За ясность рек,
За свет в человеке!
За ветер свежий
Со всех побережий!
За счастье века,
За *Человека!*

*

Нам с тобою долго жить,
Свято любить,
До смерти дружить,
Много видеть, сделать много --
У нас с тобой большая дорога.

Не забывай о горной вершине,
О неоглядной шири.
Не забывай и грома раскаты,
И медленный, долгий подъём:
Тёрн рос по всему каменистому скату.
Мы шли тернистым путём.
Неси с собою клёкот орлиный,
Держи мою руку в дорогах длинных –
Любовь нам дана не на смерть, на жизнь.
Ни в чем,
Никогда
Не сходи с вершины.
Клянись!

3 октября 1943, 1946. Вершина Бештау

9 МАЯ 1945 ГОДА

Только вчера ещё – стужа, грязь...
Утром – вдруг синева,
Словно под солнце перенеслась,
В небо взвилась Москва.

Что за рассвет!
Солнечный свет,
Почки на тополях;
Грохота нет и разрывов нет,
Светится вся земля.

Белыми стаями лебедей –
Лёгкие облака.
Солнечный свет в глазах у людей,
В солнце – знамён шелка.

Праздник Победы в нашем доме.
Твой это праздник, народ!

Каждому встречному руку жму,
Встречный меня поймёт.

Да, незнакомых сегодня нет,
Запертых нет дверей,
Нас единит животворный свет
Родины богатырей.

9 мая 1945

МИЛОЕ МОЁ ГОРЕ

Вытянулась семья –
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.
Стал не сильнее я –
Ещё ранимее,
Ещё уязвимее.

Думалось:
Что ни год,
Мне будет легче,
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.

Но годы идут, идут –
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.

Опять зачёты сдаю,
Дрожу понемножку.
Перелицовываю свою
Ношеную одежду.

Историю с дней Петра
Зубрю снова:
История –
Стара,
Пособия –
Новы.

Не труд – глагол prospрягать.
Трудней и серьёзней
Заново перемогать
Опасный возраст.

Я как в огне, на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.

Что за дружки у сына? –
Не было б худа.
Письма пришли – откуда?
Сразу три дневника –
Только ль причуда?

Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решён ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живёт?
Из-за кого страдает?

Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И всё –
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья –
Милое моё горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот –
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живёт, –
Вечно!
Из года в год! –
Страх потери.

Вдруг да опять война –
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Всё отнимет.

1965–1967

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Это все-таки удивительно,
И это надо видеть самому!

Подсолнухи поутру,
Как армия на смотре,
Поворачиваются –
Все, решительно! –
К солнцу,
К маршалу своему,
И глазами его едят,
Разодетые на парад,
И почтительно
За ним следят.
Это один квадрат.

А вот другой полевой квадрат.
Тоже в рост
К солдату солдат.
Как защитные плащ-палатки,
Листья с плеч свисают до пят.
В каждой складке
Шинельные скатки –
Туго скрученные початки.
Кукурузы зелёный отряд.

Это пехота-царица,
Границы её необъятны.
А кругом
Клевера, пшеница –
Другие цветные квадраты,
Иные цветные пятна.

Эх, полюшко,
Поле боя!..
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны,
В землянках, в ходах сообщений, –
Они нам навек даны.

За жёлтую кромкой жита,
Где есть и ячмень и овёс, –
Зелёная полезащита,
Линии лесополос.

В тени этих редких рощ
Приметы далекой схватки:
Окопы, как швы на палатке,
Да партизанские скрадки,
Да блиндажей остатки
Ещё и сейчас найдёшь.

А между дорог незнакомых,
То вытянуты,
То круглы,
Скирды прошлогодней соломы –
Это уже тылы.

И водный рубеж – река,
Без переправы пока.

Ах, полюшко, поле боя,
Над головой облака...

Какая-нибудь неделя –
И сдвинутся с мест войска.

1967

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

ПОЛЕ

О, поле, поле!..
Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдёшь.
Рожь лежит: не ветром укачало –
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озёрных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Жёлтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, жёлтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звёзды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим – бушлаты нараспашку:
– Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придёт – возьмёмся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941. Деревня Алексеевка

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косоногого,
В старый slopeц изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном доме –
Издали встретят четыре берёзы, –
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слёзы?

Всех увидеть,
Обо всём расспросить,
Полям пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

* * *

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травую луговой,
Переполнились озёра
За селом водой живой,

За ночь выгнало побегу...
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, всё селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

НА ОСЕННИХ ДОРОГАХ

Спелой ржи золотистым цветом
Славно русское «бабье лето».

Сколько лучиков у колоска,
Каждый светит и каждый греет.
От соломенного пояска
У людей на душе теплеет.

По просёлкам на большаки,
К ближним станциям, даже ночами,
Мчатся с хлебом грузовики
Под брезентовыми чехлами.

За обозом обоз идёт,
Ветер листья метёт по следу.
На вокзалах попутных подвод
Ждут вернувшиеся с Победой.

Рады воины порожнякам.
Любы им и леса и тропы.
Едут с песнями – из Европы,
Из Маньчжурии – по домам.

На порожних мешках сидят,
Зёрна свежие пробуют «на зуб»,
На родные поля глядят –
Сладко сердцу, отрадно глазу.

Пусть обозы скорей идут,
Их не только солдаты ждут.

1945

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье, как сбор назначен,
Только скатерку постлать.
В каравай, ещё горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастёрке
С краю сам большак сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

– Ну, – сказал он, – по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдаёт земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,
Всей своей семье и славы,
И здоровья посулил.

И ещё промолвил слово:
– С хлебом горе не беда! –
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

ДОЖИНКИ

Течёт, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей –
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берёз, осин,
Порою дождик капает,
И льёт,
И моросит.

Рябиною, брусникою
Несёт от всей земли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле
Да река ещё,
Как небо, широки...
Овса несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Всё убрано машинами, –
Нет слов, они в чести, –
Обычаи старинные
Всё ж надо соблюсти.

Одетые с игопочки,
Серпами стар и млад
Последние метёлочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вострую,
Проворствуй у межи,
Со всеми вместе горсть свою
На пояс положи!

И загадай желание,
Какое поважней...
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чём мечтается...
Замечено давно:
Всё сбудется,
Всё станется,
Что тут загадано...

Дожали всё как следует,
И вот сошлась толпа
У «гостыи» –
У последнего
Овсяного снопа.

Большой – в нём с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почётом понесли.

1948

* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Всё-таки на селе
Все мои корни.

Там, среди лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Всё на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес, и поле.

Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведёт
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму,
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждёт и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

ПШЕНИЦА

Что за пшеница,
Нельзя надивиться!
Как раскустилась,
Уже колосится!

В степь на восходе
Люди выходят –
Светятся лица:
– Что за пшеница!

Доброй работой
Не грех похвалиться,
Дед разошёлся –
Не остановиться.

Стала молодица
Опять молодиться:
В поле что праздник –
Как не нарядиться!

Парню-новосёлу
Шепчет пшеница:
Самое время
Нынче жениться.

Хочется со всеми
Счастьем поделиться,
Чтобы узнала
И наша столица.

Нашей пшеницей
И солнце гордится.
Вечер настанет –
Не хочет садиться.

Вечер настанет –
Людям не спится:
Всё ли готово?
Скоро косовица.

1954

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошёл по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как серёжки,
Тронешь берёзку – она встрепенётся
И засмеётся,
До слёз засмеётся.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонёчку,
По серебрянке.

Дождь по пшеничному полю пронёсся –
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело.
И в семицветых его воротах
Звёзды блеснули на самолётах.

1955

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень – пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая, дивиться буду –
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В тёплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится – люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,

Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуюсь новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождём изобильным –
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий – смелым,
А слабый – сильным.

Пусть не кичится начальник властью,
Помнит, что он – лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит...

И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

* * *

Всё к лучшему...
В колхоз доставлен хлеб.
И выдан денежный аванс по книжкам.
Стрекочет в праздник кинопередвижка,
Опять поднялся спрос на ширпотреб.

Пришли бульдозеры в разгар весны
На торфоразработку –
Может статья,
И наши земли за год возродятся:
На севере они истощены.

То в Липове, то в Пермасе¹⁷ шанга́ –
Так здесь зовут картофельную брагу.
Шанга не пиво,
Но сбивает с шагу
И так же заливаает берега.

А я опять готов писать стихи.
Вот только жаль –
Здоровья меньше стало:
Не пью шангу, как пиво пил, бывало,
Да ночью спать мешают петухи.

1958

* * *

Прости меня, мама,
прости, что пусто в твоей избе,
а я это вовремя не заметил.
Прости, что я не заметил, что ноги твои отекли,
что пальцы на руках скрючило от работы.

Прости меня, поле, за неурожай, за пустоши.
Прости меня, моя родная земля,
я рождён здесь для того, чтобы видеть
и обо всем рассказать другим,
а я долго на всё закрывал глаза.

Пока ты жива, мама, есть у меня дом родной
и Вологодчина для меня – родина.

1958

¹⁷ Липово, Пермас – деревни, расположенные рядом с родной деревней Яшина – Блудново.

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже – бабушка, бабка,
а для меня всё – мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
а для тебя всё – парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня
иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дроги,
а летом сани,

и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет всё равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя – куда я поеду? –
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

1964

ТОПЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
ясно и жарко –
Я это вижу с улицы тёмной, –
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая, словно домна.

Стоят за челом чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых клеёнкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетках,
Соль в солонках
И чёрные чугуницы.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,
Заранее скручивает сигарету,
По-старому –
козью ножку.

Дети с ложками – стайкой к посуде:
Еда с парком,
духовита.
Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком –
Пора на работу!

1962

ХЛЕБ СОЗРЕЛ

Хлеб созрел.
Обвисли плоды.
Степи жёлтые. Небо синее.
На привале вместо воды
Апельсиновый сок.
Мы в Румынии.

Я с комбайнёром на борозде,
Как с дружком-земляком, беседую:
Уваженьё к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Он, как бог, стоит
В полный рост,
На ладони зерно разглядывая,
А зерно течёт вроде звёзд
Промеж пальцев
Живой прохладюю.

Всё мне близко здесь, всё сродни,
Душу радуют дни погожие:
И волненья у нас одни,
И заботы,
И думы схожие.

Руки к жёлтым ручьям тяну
И горжусь,
И хвалюсь пшеницею,
Будто я у себя – на Дону,
На Кубани, –
Не за границею.

1961–1964

* * *

Я не верю, что земля устала.
Запахами осени полны
Все её амбары и подвалы,
По авралу
Вычищены и подновлены.

Вся она в колосьях и в початках,
В клубнях,
В гроздьях,
В ягодных кистях.
Грядки распирает от достатка,
И сады от спелости хрустят.

Лопаются с треском, как от жара,
Сумочки,
Коробочки,
Стручки.
Бродит в бочках раннее маджари,
На дрожжах вздымается опара,
В кладовых растут мешки муки.

Если бы не гнило, не терялось
Всё, что получаем от земли,
Не червям, а людям доставалось,
Никогда б земле не уставалось,
Урожаи только бы росли.

Нет, не истощилась,
Не устала,
А до желтизны оголена,
Начинает весь свой путь сначала –
Снова принимает семена.

1967

ХЛЕБ-СОЛЬ

Едва под дождём и солнцем рачительным
Иголки выбьются из земли,
А мы уже говорим почтительно
О травке об этой:
– Хлеба пошли!

Потом на тока́х, как шатры кочевничьи,
Холмы вырастают –
Из края в край,
И люди добреют,
И песни девичьи
Хватают за сердце:
Урожай!

О корочка хрустящая!
Соль зернистая!
С каким торжеством из свежей муки
Пекут в деревнях караван душистые,
Блины,
И шаньги,
И пироги.

Хлеб-соль – всему голова! – повторяется.
Когда у страны закрома полны –
Сильны мы,
И всё у нас получается,
Сбывается всё
От Земли до Луны.

1964

СВЕЖЕЙ ВЫПЕЧКИ

С пылу,
С жару,
С поду,
С ходу –

Свежей выпечки
Хлеб народу.

Будто свадебные,
Пудовые
Пироги подовые,
Пышки и плюшки,
Батоны и сдобы,
Бублики и сушки –
Разламывай,
Пробуй!

Из муки мелкомолотой,
Чисто просеянной
Шаньги жёлтые,
Будто листья осенние.

Спасибо сердечное,
Поклон особый
Тебе, моя сельщина,
Вам, хлеборобы!

Из вашей муки
Калачи продаются
И в домах пирожки
Жарятся
И пекутся –

С грибами,
С морковью,
С капустой –
Чудо!
А главное – с любовью,
А главное –
Повсюду.

Ешьте на здоровье,
Добрые люди!

1965

ВСЯ ЖИЗНЬ НА ВИДУ

Весна по всем статьям хороша!
В лесу и в саду
Вся жизнь на виду,
Все краски в цвету,
Все соки в ходу,
Весной любая живая душа
Ликует и свищет в свою дуду.

В рыбачьей избушке,
В птичьем гнезде,
В просвете шатра,
В проёме окна –
Дыхание неба, голубизна.
Весна – это люди на борозде,
Ракеты на старте –
Тоже весна.

Её порожденье –
Цветы на лугах,
Надежда в глазах,
Кумачи на домах,
Её продолженье –
Сено в стогах,
Плоды на возах,
Хлеба в закромах.

Все силы,
что скрыты были в зерне,
Бродить начинают
В квашне,
В вине.
И тем она людям мила вдвойне,
Что нет ни конца, ни края весне.

1960–1963

ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ!¹⁸

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, ещё волок да
Ещё волок –
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой проточной бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конём соловым, со лошадкой.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева её хоромы вплетены,
У светёлки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку всячину коклюшками плетёт:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот...¹⁹
Пусть припомнит, как поу́тру по росе
Мы с ней путали-мотали валансьен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живём мы здесь в колхозе, что посеяли.

¹⁸ В 1960 году Александр Яшин издал книгу «Тебе, любимая!», посвящённую Вологде.

¹⁹ Названия вологодских кружевных изделий (Примеч. А. Яшина).

Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живём, мол, нонче, Алексеевна.
И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живёт дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря, воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днём конца рассказам нет:
– Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живёт!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
У Насти,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру – салют!»
Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935–1936

ДОРОГОМУ ЮБИЛЯРУ (К 800-летию Вологды)

Нашей столицы сестра и ровесница,
Пусть она ширится, пусть она светится,
Пусть кружевами и песнями славится,
Маслом и мясом –
Наша красавица,
Льном-долгунцом,
Штабелями сосновыми,
Хлебом и сталью, машинами новыми.
Пусть будут люди, дела её молоды –
Древней и новой любимой Вологды!

27 сентября 1947

ЛЕНОК

Ещё травы сверкали росой –
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец.
Уж я сеяла лён-долгунец.

Лёг пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями – в лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лён,
Но не чист, не богат, не длинён,
И в дождливый, в ненастный денёк
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зелёным речным берегам,
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок.
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь, и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилёк,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Всё как сон – не проснёшься никак...

Нет,
Было так!

Выспели да выстоялись золотые льны,
Жёлтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

Лён заводу сдали,
И в конце зимы
Ткани из Красавина получили мы,
Шитые обновы –
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берёт мороз.

А какие шали –
Жарки и легки!
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931–1935

ЛЁН²⁰

Ластоцьки ещё не кружат в полях,
На небе ни оболотька, пот на траве,
Спит, как убитая, вся земля –
А мы уже на льнище обе-две.
Дали нам по кофтоцьке – в бабоцьку шёлк,
Ситцю нам дали – всё хорошо.
Только на загон – ну хоть не ходи! –
Я рву по сотне, она – впереди.
Что, баю, за цюдо, как быть-стать?
Стала я приглядывацьцё, стала примецять.
Как да что да – стою на том.
Пять снопов нарву и опять – как, что.
Взяло за живое, жить не даёт.
День прошёл, два прошло, три –
И вот
Стал-таки праздник на моёй стороне:
Она даёт десять,
Я – вдвойне,
Она нарвёт сотню,
Я – полторы.
Но вижу: не лады у нас с той поры.
Говорю подружке:
Форс-от брось!

²⁰ Стихотворение – начало поэмы с местным колоритом – диалектом, который, скорее всего, редакторы сняли. Так говорили в деревне поэта. «Мы окаем, цокаем и чокаем», – писал поэт об особом говоре своей родины в автобиографии «О моих корнях».

А моя подружка и дружбу врозь,
Песен со мной заодно не поёт,
Цяю со мной со тех пор не пьёт.
Что ты, баю, дуешьсё, злишьсё всё,
Что ты, баю, парощка, сердишьсё?
А она молчит, словно враг на век,
Словно бы скуцает. Цюдной цёловек.
Только по ноцям, вижу, жжёт огонёк,
Ну, думаю, баба, ну и думок.
Думаю, отробили – плещё в плещём,
Только после стали мы отцитыватьцё.
Вывалили мой из предбанника лён,
Старики побрякивают: лён, как лён.
Привезли Овдотын – мой на смех:
Лён у Овдотьи, что тебе снег.
Щупом перещупывают каждый сноп,
Лебедь длинношея – каждый сноп.
Я к подружке: как говорю?.. Что за ленок?
Сколько суток вылежал? Сколько мок?
А она смеётся: – Форс-от брось!..
Надо, грит, напрок выстилать не врозь.
У меня не злость, грит, к тебе была...
И, как бывало, к себе повела.
Чаем поит меня, с мёдом поит,
Книгу показывает: – Вот, говорит.

Наша Овдотья всегда одна,
Наша Овдотья во всём видна,
Бабы от нас и до Чухломы:
Как, грят, Овдотьюшка – так и мы.
Нашу везде она линию гнёт.
Чуть не под силу – книгу возьмёт.
А с книгой Овдотье всё нипоцём,
Выберем Овдотью, – справитцё.

1937–1938

АВДОТЬЮШКА

Ночь темна и звёздами богата,
За селом опять костёр горит:
Рожь – в сусеках, яровина сжата,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Рано спать Авдотьюшка ложится,
Только смеркнет над деревней свет.
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодёжь танцует, веселится...
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району варят пиво.
Друг у друга девушки гостят.
Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят – синий шёлк с отливом,
Для любой – гармошка нарастят.

Ничего Авдотьюшка не знала.
Обряжала не свои дворы,
Столько горюшка нагоревала,
Что хватило б на десятерых.

Не любилося, даже не плясалося...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да чтоб всё вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
«Попойте малость,
Ожила Авдотья – шире круг!»

Вот она какая на народе!..
Но былую не воротишь стать.
И болит спина – опять к погоде...

А девчата ходят в хороводе –
Никакой погоде не унять.

1939–1940

СКАЗОЧНИЦА

До глубокой старости
Дожила сердешная –
Не видала радостей;
Душу сказкой тешила.

Сказки полуночные,
Времена досельные...

...Реченьки молочные,
Берега кисельные.

Запасаясь на годы,
Из лесов низинами
Носят чудо-ягоды
Полными корзинами.

За горами-кручами
В старости не старятся,
На пески сыпучие
С неба звёзды валяются.

Есть в стеклянной будочке
Золотые бабочки.
На хрустальном блюдечке
Наливные яблочки.

Эта всяка всячина,
Самобранки-скатерти
На замки висячие,
На запоры заперты.

И хранят их чёрные
Силы несусветные...

Есть ли тропки торные
В те края заветные?..

Где жила – не ведала,
Что вокруг – не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

В ноченьку кромешную
Убивалась старая:
«Приюти мя, грешную,
Господи, устала я.

Оборви постылую
Жизнь.
Желаю малого...».
И Господь могилою
Бедную пожаловал.

Гроб сосновый сделали,
В лес дремучий вывезли,
Под берёзы белые
Крест сосновый вынесли.

Смертыньки выпрашивала,
Чтоб спастись от бремени...

Дожила б до нашего
Золотого времени!

Новыми бы сказками –
Не про ведьм и лешего,
Новыми побасками
Ты внучат потешила.

1938–1940

ВДОВА

Матери моей

– Ох, не тень от тучи на луга легла,
Да не чёрный ворон на пень-колоду сел, –
Опустилось на мою на бедную голову
Горе великое, печаль-кручина.
Я возьму своих малых деток-сироток,
Я пойду, поведу их в широкое поле,
Я посею в поле своё вдовье горе.
Поливайте, детки, землю слезами!
Пусть взойдёт наше горе чёрной чернобылью,
Чёрной чернобылью, горькою полынью.

То ли случилось что,
То ль на обед
Вышли соседи, –
А было не рано, –
Страшно ей стало:
Ветер в трубе,
Пусто и холодно,
Словно в избе
Вымораживают тараканов.

Кукла безногая на полу,
Веник, что труп,
И печка не греет.
В красном,
Рубленном в лапу, углу
Хозяин семьи лежит –
Коченеет.

– Не пойти ли мне, горящице, по сырой
земле,
По сырой земле да из края в край,
Ох, из края в край да от окна к окну?..

Да не от вдовьих ли слёз мать-земля сыра?
Не от слёз ли горька на лугах трава?
Ох, сыра земля да от вдовьих слёз.
От сиротских слёз мурава горька.

А стекаются слёзы со всей земли
В речки малые да в реченьки быстрые,
И сливаются слёзы во Двину-реку,
И впадают те слёзы в море Белое,
В океаново море глубокое,
Где впадают, там не мёрзнет вода,
Корабли ходят там целый круглый год
По солёным вдовьим да по сиротским слезам.

А на дворе снаряжали коней
И в лес за пихтой,
И на кладбище.
Пять заправил, колхозных парней,
Молча сколачивали домовище.

Бабы ухаживали за скотом
И видели в окна:
Авдотья рыдает,
Воздух хватает запавшим ртом,
Злое солёное горе глотает.

– Ночь надвигается...
Как я теперь...
Ставни б захлопнуть. –
Да в голос...
Да в слёзы...

Пол даже стонет,
Дверь стонет...

В дверь
Входит с соседями предколхоза.

– Вы соседи мои, соседушки,
Не о горе ли моём вспомнили?
Закатилось солнце ясное –
На земле не стало света-пламени.
Мой хозяин-заступник покинул меня –
Всё добро моё и всю жизнь унёс.
Мне от вас ничего не надобно
И просить мне у вас больше нечего.
Расколись, земля, пересохни, река!
Не пахать мне, не сеять и воду не пить.

А председатель усом шевелит,
Брови старается сжать построже,
Но не идёт к нему хмурый вид:
Трудную жизнь председатель прожил.

– Авдотья Григорьевна, не реви,
Авдотья Григорьевна,
Мы поможем.

Взгляд подняла, безутешный взгляд.
– Где ребятишки? – спросила глухо.
– Старших отправили в детский сад,
Младший сидит у моей старухи.

Ты не одна, говорю,
Не реви!
Трав мы не ниже,
Воды не тише.
Хватит у нас отцовской любви
Не на один пяток ребятишек!

– Плачешь, Овдотьюшка?! –
Деверь вошёл, –
Полно!..
Сейчас соберутся бабы,
Избу помоют

И что там ещё...
А ты на чайшко ко мне зашла бы.

Много ль усопшему надо земли?
Много ли в горе участия надо?..
Смотрит Авдотья – свои собрались,
Свои по селу,
Свои по бригаде.

Словно б от сердца и отлегло,
Вышли на улицу.
В облаке пыли
Голубь бродил, приспустив крыло,
Шли по деревне автомобили.

1936-1937

* * *

У ворот в цветах и лентах лошадь.
Заждались девчата за избой.
Ты бы взял гармонику, Алёша,
Ту, что с зеркалами и резьбой.

Ту, с которой на море не зябли, –
Шумную,
В четырнадцать басов.
Мы возьмём твои топор и грабли
И поклажу заберём без слов.

Отвалили бы да затянули:
«Партизаны брали города», –
Травы бы колени подогнули,
Хлынула бы на берег вода,

И берёзовое мелколесье
Зацвело б, как яблоневый сад...

Захвати с собой, Алёша, песню,
Чтобы сердцу подпевала в лад.

1936

МОСКВА - ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей Север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И всё больше узнаётся мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонёк,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулёк.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озёр,
Наконец – подъём за поворотом,
И пошёл густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дóма я!
На всё гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.

Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновлениям животворным –
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним всё –
Нежным и просторным,
Добрым словом *Вологда* зову.

Дóма я!
И сердце бьётся с силой.
Мимо, мимо – за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия –
Эти вот родимые места.

1958

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ И СЫН»

*

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти, –
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Прямиком на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

1937–1938

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ²¹

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьёт.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки – головки горят,
Брошка на ковте, пуговики в ряд,
Цветики на ковте...
Добёр наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьёт,
В ров за деревней набит сумёт,
Снег повсюду – не видно дров,
И вóвки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревёт...
А девка на лавке верёвку вьёт,

²¹ При чтении акцентируется «в». Звука «ф» в стихотворении нет – особенность произношения в некоторых районах Севера (Примеч. А. Яшина).

Верёвку вьёт да припевку поёт,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся, на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду –
На эту верёвку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью статью,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревёт,
Девка на лавке верёвку вьёт.

1935–1936

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Я на Кокшеньге-реке
Жил, как в сказочном мирке:
Там ещё следы видны
Новгородской старины.
Сарафаны гарусные,
Кофты многоярусные,
Говор хмелен, как вино:
«Ну да ланно, всё онно...»
Там кокошники-борушки
Не упрятаны в ларцы,
А у сношки и старушки
Над бровями, как венцы.
Что ни дом – в резьбе,
Как вышит,
По коньку на каждой крыше...

Но предметы старины
Далеко не все нужны.

Смяты древние устои
На болотах и в тайге.
Ставят люди днепрострои
На реке на Кокшеньге.

По плотине ходит дед –
Бригадир.
Он, правда, сед,
Но силён ещё,
А лет
И семидесяти нет.
«Водяным» его прозвали,
Вместе с ним ночей не спали,
У него и борода
С завихреньем, как вода.

В три колхоза дали свет.
Ах, какой же праздник ныне!
И, довольный, по плотине
Генералом ходит дед.
Говорит:
– Ну, в добрый час!
Вижу, сделано неплохо.
Ведь от Кашина до нас –
Это, милые, эпоха!
Омута черны,
Но свет –
Вот он! Сто коней в турбине.
Чертовщины и в помине
В глубях не было и нет!
По дешёвке молотьба,
И размол, и всё на свете.
До чего ж умно, соседи,
Наша строится судьба!

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится –
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждёт со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлёт стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдём пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы –
Они из мёртвых могут воскрешать.
Котомки сами просятся на спины,
Уже сквозь стены проникает свет...

Далёко где-то зацвели рябины
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

* * *

Для меня любые расставанья
Не смертельны,
Даже слёз не лью.
Если письма есть – и расстоянья
Не страшны, хоть и люблю семью.

Но когда я к отчему порогу
Две весны подряд не загляну,
Никакие письма не помогут
Сохранить мне в сердце тишину.

Все болезни сразу подступают,
Душит одиночество в углу.
Вот когда ночей не досыпаю,
На погоду зря кладу хулу.

Тянет в край, где я родился, к детству,
В ягодные мшистые места,
Где тайга с деревней по соседству
И угар от прелого листа,

Где, преображаясь год от года
От людских бессонниц и забот,
Северная, средь лесов, болот,
Наша нелукавая природа
Всея Отчизной для меня встаёт.

1948

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моём,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными – озёрные затоны,
Неслыханными – птичьи голоса,
Невиданными – каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И, уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То всё неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой –
На родину мою.

1953

ТВОЯ РОДИНА

Всё испытала, всё превозмогла –
Года тяжёлых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» – мы говорим о ней,
Даём присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Берёзки, речки, ширь её полей.

А все ли помним
И всегда ль
 о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А – люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И – далеко,
 чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас
В тепле, в участье,
В братском добром слове.

С любим ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далёкой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник – пусть не близкий,
Безвестный пусть, –
 в беде, в нужде какой,
Спешి ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебной запиской.

Спеши на выручку, других зови, –
Пусть не найдётся душ глухих и жёстких!
Без этого к чему слова любви

О родине,
О речках,
О берёзках?

1956

* * *

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе –
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы –
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь – колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки –
Молодёжная танцплощадка,
А для школьников – Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:

Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже, --
Больше разницы никакой.

1958

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку,
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта,
И течёт, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер – циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули –
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счёт обид не ставил,
Всё ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слёзы, Юг-реку!

1958

НОВОЗЕРО

Вот и я побывал в раю –
Оказалось легко и просто:
В Белозерском лесном краю
Обнаружился Сладкий остров.

Так случилось, что ныне он,
Как заброшенный заповедник,
Не распахан, не заселён
И зверьём покинут последним.

Плоский, будто грибной пирог,
С невысокими берегами,
Заберись – и живи, как бог,
Не водись с земными богами.

Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на земле война?
Где, какое оно – лихолетье?

Только крыльев утиных свист,
Только звон зари глухариной,
Небо ясное, воздух чист,
Пахнет рыбою да малиной.

Пусть местами вода мелка,
Но как небо ясное глянет –
Отразятся в ней облака:
Глубже моря озеро станет.

1960

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело –
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.

В крошке-сторожке,
В сарае ли –
 помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде –
Всё-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были,
И смётливы,
Неприхотливы,
Непривередливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «Победах»
И «Волгах» – где уж там! –
На велосипедах
Катали девушек.

И у Матрёшек
Вместо серёжек –
Серпы и молоты,
А вместо брошек –
Значки наколоты:
Ценилось не золото, –
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики?
Гордились ребята
Будёновкой рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге.

Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах до чего же
Глупы и молоды!

1967

НАСЛАЖДЕНИЕ В ВЕРНОСТИ

Даже если замучила,
Даже если наскучила,
Столько всё-таки прожито
Вместе...
Столько пережито уже.

Это – как верность родине,
Деревне верность своей,
С её некрасивым именем,
С грязью непроходимую,
С запущенными сенокосами...
И всё же –
Нету её красивей.

Это – как верность Вологде.
Жил я там в холоде, в голоде,
Спал на газетах в редакции
С «Красным Севером» в изголовии.

Сколько б ни худославили
Меня,
Облыжно ни обвиняли,
Всё тянет на Юг-реку,
На Кубену,
Всё – называю родиной.
Родная, не покидай!

1967

ПОРА И МНЕ

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На жёлтом огне.

Ветер рвёт их и мечет,
Расстиляет холсты,
На кустах, будто свечи, –
Щеглы,
Клесты.

Лён темнеет на стлищах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу – медведь.

Даже мыши-полёвки
Спешат,
Гнёзда вьют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,

Ближе к тёплым лиманам –
От морозов и вьюг.

Что ж, у всех своё.
Вижу,
Пора и мне.
Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

1964

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

* * *

*«А и где мне спелых зёрнышек
Весной набрать?
А и где найти мне, девушке,
Душевных слов...»*

Сло́ва-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось,
Чтоб любого проняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь
И даёт не кто-нибудь.

Что там ни загадывай –
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова всё старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой?
Ягодой?
Ласково, но только
Не такое надо бы.

Долей облюбванной?
Светиком?
Касатиком?
Тоже не по-новому,
Не его касательно.
Дролечкой?

Державушкой?
Золотком? Всё дешёво:
Не такая славушка
У мово хорошего.

Девушек поспрашивать бы, –
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых.

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться,
И слова заветные,
Может, сами скажутся.

1936

* * *

Шла я нынче за́имкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайняка
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Ёлочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Хоть и непонятные,
Но уж так красивы...
Слушала да пятилась,
Свету не гасила.

Я сноровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

* * *

Жизнь – ожидание.
Светлеет день,
Растёт трава,
Несётся ветер мимо.
В знакомый мелкохвойник деревень
Забрёл я снова в поисках любимой.

Здесь ворковали голуби.
Листва
Шумела,
В полночь громыхали грозы.
Здесь вымолвил я первые слова
И первые под вечер пролил слёзы.

Учился радость понимать, нести
Высоко песню,
Укорять и спорить,
И обвинять,

И говорить: «прости».
Бродил в лесу и в полевом просторе.

Здесь я свою любимую искал
И не нашёл.
Цвела полынь – забота.
Но вот освоен первый перевал –
Я роюсь в старых письмах и блокнотах,
В открытках,
В снимках...
Да, я был любим!
И образ твой в кольце волос вихрастых
Становится всё больше дорогим,
Как тёплое, родное слово «здравствуй».

В кругу друзей,
В кругу своих ребят
Непонятое в прошлом
Прояснилось.

Жизнь – ожидание.
Я жду тебя, –
Хочу любить – что раньше не любилося.

1934

ЛЮБОВЬ

Я вновь почувствовал, что я в плену
всё той же властной, безрассудной силы,
воспетой в тысячах поэм,
с которой
я был знаком не раз в былые дни,
которую по простоте душевной
и, верно, по доверчивости к людям
я именем красивым называл.

Она кидалась кровью мне в лицо,
гнала искать нехоженые тропы
и там, наедине,
рыдать и петь.
И я, измученный
и окрылённый ею,
приниженный
и обоготворённый,
о смерти думал,
но и жить хотел.

И, бормоча признанья на ходу,
понятия о времени теряя,
я замедлял движение трамваев,
смешил народ.
Так было.
А теперь...

Теперь, заметив по смятенью сердца
приход напасти старой,
удручённый,
я забиваюсь в угол и молчу,
и, как бывало, божеством её
не называю,
не рифмую с кровью.

1937

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВЫЕ ПИСЬМА»

Елене Христофоровне Первенцевой

1

Как целина в цветах весны,
Как берег моря в белой пене, –

Все адреса земли полны
Моими письмами к Елене.

Пусть эти письма не дойдут –
Ты всё равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

1936

8

Тяжело остаться одному.
Столько лет прошло – тебя всё нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живёшь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1939

* * *

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугунах не отстучали
С каланчи, знакомой искони, –
Он ушёл один в тоске-печали,
Голову на росстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

Как решётка, тын стоял поодаль.
Сквозь решётку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поётся?
Не судите:
Даже на пиру
Всё порой кому-нибудь взгрустнётся;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937-1939

ОЛЁНА

Что ни праздник, – на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выражены,
Парни с ними выдержанны.
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян –
И Олёна пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олёны сарафан
Всех нарядней, краше.
Для неё поёт баян,
Про неё поёт баян,
Про Олёну нашу.

У Олёны кофта – сад,
Пуговки – росинки,

Бусы – ягодки висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шёлковые кисти.
Поглядишь – горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один учёный
Из района.
Приглянулася учёному
Олёна.

Говорит: – Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то, – говорит, –
Знать, мамашин!

Достоянье старины,
Бисер-жито.
Старый Север! – говорит, –
Интересный, – говорит, –
Пережиток.

А ему Олёна прямо
И сердито:
– Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаким наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нём и внучек.

И чему таких учёных
Только учат?! –

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олёна нарядна!

1936

МЕТА

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущяя безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаваньё,
Ножиком на ёлочке
Памятку оставил мне.

– Зарастёт, – сказал он мне, –
Штормы не помилуют:
Не прийти мне к гавани,
Не увидеть милую.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я:
Сущяя безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.
Море океаново,
Даль-дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит?
Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу ёлочку?!

1936-1937

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черёмухе солнце засветилось.
Только на берёзе ни одной-единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зелёных, по углам клеймённых,
Склеенных и связанных...
Каждое – подарок...

Мне одной ни писем, никаких открыток.
Неоткуда, не от кого...
Ветер веет пылью.
Выйду за околицу – всё вокруг покрыто
Горькою полынью, чёрной чернобылью.

1937

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шёл к подружке парень вечером
За реку
По лаве перекошенной.
Сапоги скрипучие на нём,
Поясок малиновый, неношенный.

Шёл и думал:
«Встретит, прибежит,
Изловлю весёлую за лапушки...».
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновой.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину.
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную.

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На́ берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянёт реку, горюшица:

– Чтобы этим жёлтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица,

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под клёнами...

Если б жёны нас любили так,
Нас водою не разлить бы с жёнами.

1939–1940

* * *

*Злате Константиновне
всё и навсегда*

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода! –

Как солнечный свет, как живая вода
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико,
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это всё теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?

1946

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна.
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашёл дорогу
Даже из ста дорог.

К девятиглавому змею
Я бы просёк пути.
Даже из рук Кощея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала –
Тут ни при чём вода:
В сердце ты мне запала,
Мне – не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им подстать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

* * *

Как часто я срываюсь с высоты,
А ты меня ведёшь, не уставая,
Как часто мну побег и цветы,
Дороги ездовой не замечая.
Прости меня, любимая, за то,
Что не во всём твоей мечте я равен
И часто, поражённый слепотой,
Хочу того, чего хотеть не вправе.

Прости за страх, что порождал, за ту
Неровность в нашей жизни, за упрёки,
Когда терял я веру в чистоту, –
За жёсткий голос и за взгляд жестокий.

Прости за то, что не хватает сил
И половину тяжестей на плечи
Твои, родная, я переложил...
Но видно, жить я не умею легче.

1948

* * *

Ты и Россия для меня одно.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?
В твоё ветрам открытое окно
Глядится небо и не наглядится.

Пройдёшь по снегу – и растает снег,
В глубоких лунках травы прорастают,
Черёмухи у затенённых рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь – зацветут цветы,
Взгрустнёшь – росой покроются долины.

Вся – сказка ты,
Вся – сновиденье ты,
В сиянье дивном – вся запев былинный.

В какой бы дом далёкий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поёт весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжёлый час обрёл твоё участие
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Всё небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
В душе тобою всё озарено, –
Любовь моя верна и нерушима.

1943–1944

ОХОТНИК

Пред девушкой похвастать
Охотник ничем не мог.
Какие его богатства! –
В тайге лишь он царь и бог.

Сводить бы её за мёдом
За свежим,
От диких пчёл, –
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашёл;

Вдвоём глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружьё
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, всё твоё!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, всё может быть,
О чём охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И – к девушке
На свету.
– Пойдёте в бор на прогулку? –
Она сказала:
– Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостика, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

– Смотрите, какие выси, –
Кричал он, – стена стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы – за моей спиной.

В сузёмах, в черничной чаще,
Без устали мчась вперёд,
Он стал забывать всё чаще,
Что девушка с ним идёт.

А чуть собака взбrehнула,
Охотник, взведя курки,
Понёсся, как ветром сдуло,
На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам –
Не под руку, где уж там! –
Она едва поспевала
Бежать за ним по следам.

Не меряны километры,
Несчётно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила –
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
– Ну как, денёк по душе?

Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костёр,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор –

Издалека
Сначала...
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

1950–1954

СУДЬБА

Злате Константиновне

А мы с тобой всегда вдвоём –
И в Вологде,
И на Алтае,

В лесах, в степях;
Где ни бываем –
Одними чувствами живём.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень – не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье – и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе всё равно повсюду.

1954

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастая издали –
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных вьюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;

Ещё не выходит из берегов,
Но рвётся,
Но бьёт волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь –
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звёзд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу –
Опущены крылья,
Развёрнут хвост,
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плёсам плыву.

Все ухищренья ума не впрок.
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришёл мой срок.
– Сдавайся, сдавайся! – кричит весна.

Сдаюсь! –
Мне ещё не тысяча лет.
Сдаюсь! –
Восхищённо руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958–1959

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Всё не хватает
В жизни чего-то.

Днём не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,
Как удавалось
В седьмом
И в десятом –

До онеменья,
До ослепленья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

С утра в бору –
Зачем, не знаю –
Мну старый ягодник, траву
И повторяю, повторяю
Свое пытлиное «ау»!

Слух напряжён,
И сердце бьётся,
Я словно чуда жду в глуши:
Быть может, кто-то отзовется
На музыку моей души.

1964

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть – безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не звать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед –
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На её вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,

Пахло б морем – море,
И землёй – земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную –
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костёр лезть?
Мы ещё посмотрим,
Время есть!

1962–1964

ТОЛЬКО ЖИВИ!

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада, –
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной,
Что за беда – холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись своим видом недужным,
Просто – живи!

Нет, не зазря растрочена сила,
Всё отдала ты заботам любви,
Всё, что имела, –
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной –
Живи!

1959

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Как славно,
Как дивно
В апрельском бору!
Костёр над обрывом –
Присядем к костру!
Раздольно,
Разливно,
Заздравно,
Зазывно.
Мы как на пиру
У весны на юру.

Размывно,
Разымчиво –
Вот она ширь! –
Не половинчато,
Не в полдуши.

Напевно и мощно,
Как чудо из чуд,
И денно
И ночью
Птицы поют.

Под вечер морозит,
Звездится ледок,
Ломается озимь
По краю дорог.
До самой опушки
Поля забеля,
Снежной мерлушкой
Обшилась земля.

А ночи,
А ночи
Средь елей и пихт!
Хоть нет их короче
Для тех, кто не спит.
Для тех, кто сидит
У мокрых раки,
За удочкой,
 чуть различимой,
Следит.

Не то – косачей
Ожидает на ток,
На взгорок
Меж ёлок,
На бугорок.

Ах сколько ночей
И я спать не мог!

Весенние ночи,
Рассвет, словно дым,
Их нету короче
Для тех,
Кто любим.

1966-1967

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешённостью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю, и в аду.

А ни вздоха, ни жалоб –
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла

1959

РАЗЛЮБИЛА ЖЕНА

Разлюбила жена...
Я давно подозревал,
что она уже разлюбила,
и всё же принял это
как вероломство –
так было.

Этого мне еще не хватало:
жена разлюбила!

Но всё-таки что же это такое:
невезение
или доброе предзнаменование?
Свобода или новая кабала?
Войны объявление
или ее окончание?
22 июня или 9 мая?

Живу, ничего не понимая.
Горевать мне
или торжествовать?
Ревновать
или благодарить Бога?
Ни себя, ни её не могу понять.

Жизнь остановилась.
Комната моя захламлена,
как после отступления оккупантов.
Ружьё не чищено с прошлогодней охоты.
Лыжи стоят в углу –
не тянет ни в лес, ни в поле.
На столе горой неразобранная почта.
Стеллажи с книгами забиты пылью,
как заброшенная пахота сорняками.
Кто знает, завтракал ли я сегодня?
Который день забываю побриться.
Не работается,
не спится,
не дышится.
Не пишется!

Вразуми, Господи, что же это такое:
набор высоты
или стремительное пикирование
к земле,
в землю?

А, может быть, это и есть
состояние невесомости?..

Когда-то я был спокоен за свои тылы –
шёл,
наступал,
отражал атаки!
Разлюбила жена.
Теперь и тылы мои не обеспечены.
Предательство мерещится всюду
и не даёт покоя ни днём, ни ночью.

Я беззащитен,
как открытый город.
Даже самолюбие не подымает головы.
Тихо и пусто вокруг,
как до сотворения мира.

1967

ЕСЛИ Б ТЫ ПОДАЛ ГОЛОС...

Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?

Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады –
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.

Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,

Душа бы моя боролась,
Отчаянью не поддалась!

И этих сомнений му́ка
Не выросла б до небес...

Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала –
Лес!

1962–1964

СВОЁ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи, как дым.
Ты меня в город, домой зовёшь,
Ждёшь, как отходника.
С возом каким?

Груз мой – корзины да пестери,
Не из-за моря –
Своё добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил – в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,

Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людям на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло, –
Свыкся.
У всякого свой удел.

Всё-таки что-то произошло:
Тучи, как дым, и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.

1967

В КОНЦЕ ПУТИ

Пашни, поженьки, перелески,
Как в кино скоростном, летят.
В окнах мечутся занавески,
Будто выброситься хотят.

Для последнего перегона
Вместо дымного паровика
Встал в упряжку к мокрым вагонам
Чёрт с рогами,
В броне бока.

Отшатнулся состав в испуге,
Напружинился, задрожав.
К проводам подлетели дуги,
Словно вожжи в руках зажав.

И – пошёл!
Мимо людных станций,
Без стоянок,
Скорей, скорей!

Визг железа,
Да стук дверей,
Да мелькают протуберанцы
Электрических фонарей.

И чем ближе конец дороги,
Дом, семья, –
Тем сильней, больней,
Тем неистовой гром тревоги
На путях
И в груди моей.

А потом,
Будто с крыши голубь,
Крылья складывая на лету,
Я с вокзала валюсь, как в прорубь,
В суматоху и суету.

1966

* * *

Когда все силы на исходе
И стылость осени в крови,
Ещё сильнее год от года
Потребность в жертвенной любви.

Чтоб кто-то ждал тебя весь вечер,
Осатаневшего от дел,
Клад руки ласково на плечи,
Отогревал, кормил, жалел.

И хоть уж ясно, что не можешь
Свершить, о чём всю жизнь мечтал,
Тебе с годами всё дороже
Слова признанья и похвал.

1962

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мечтал один остаться.

И остался.

Живу один.

Чего желать теперь? –

Справляй победу,

Не считай потерь...

Но где же всё,

чего я добивался?

Опять никто ко мне не постучался,

За целый день никто не постучался!

Никто!

Никак!

Хотя б не в душу –

В дверь...

1967

ЧЕГО ЕЩЁ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?

Я видел большую воду –

Апрельский разлив и спад,

И как журавли в непогоду

Домой под обстрел летят.

Свободна

И судоходна,

Как Млечный Путь, широка,

Река, будто пену, к сходящим

Накатывает облака.

Луга заметает илом,

Бьёт брёвнами кручам в грудь...

Позднее ей не под силу

И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклёвывалась игла.

Подснежников появленье,
Берёзовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рождением новейших звёзд.

Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Всё видел:
Весну и осень,
И зиму – во льдах, в снегу...
Всё в памяти берегу.
Чего ещё сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

* * *

...Подари, Боже,
Ещё лоскуток
Шагренево́й кожи.

И женщины, женщины
Взгляд влюблённый,
Чуть с сумасшедшиной
И отрешённый,
Самоотверженный,
Незащищённый.

Еще хоть одну,
С её миражами,
Большую весну
С журавлями, с ветрами,

С её полноводьем
И полногрудьем,
С разнопогодьем
И многотрудьем.

Еще сверх счёта
Прошу у Бога
Одну охоту,
Одну берлогу.

А там и до осени
Недалёко,
До златоволосой,
До кареокой.

А там...
Прихватим зиму
Неукротимо.

А там посмотрим.

1967

ВИЛЬНЮС

По суткам в городе чужом
Мы бродим, как в безлюдном доме,
Пока ни близких, ни знакомых
В нём для себя не обретём.

Всё не родное, не своё,
Как в том волшебном спящем царстве.

Кому кивнёшь при встрече: «Здравствуй!»,
Кого расспросишь про житьё?

А появляются друзья:
И даже камни оживают,
И нам легенды поверяют –
Она у каждого своя.

Душой стремясь во всё вникать,
С друзьями ходим не сутулясь,
И начинаем замечать
Названья площадей и улиц.

До слёз волнует старина,
Веков прославленных руины.
И с древней башни Гедимина
Нам башня Спасская видна.

А если вдруг в счастливый час
В какой-нибудь светлице древней
Очнётся спящая царевна
И подарит улыбкой нас, –

Тогда всё в городе чужом
Становится навек бессмертным,
Мы именем её пресветлым
Всё, что полюбим, назовём.

21/IV-1968. Больница

* * *

Если бы знать нам, что завтра
его не будет,
по-другому мы относились бы к людям –
к любому, как к своему родному, –
разговаривали бы по-другому.

Когда говоришь с другом,
помни: быть может,
это последний
разговор с ним,
последний день его жизни...
Последний раз его видишь...

Помни: завтра может его не быть.
Ты навсегда потеряешь его...
Спешి любить,
жалеть и любить.

1967

* * *

Счастливы однолюбы,
Они что единоверы:
Душа не идёт на убыль,
Чужды ей полумеры.

Раз навсегда влюбиться –
Это, ни мало ни много,
В жизни определиться,
Выбрать свою дорогу.

Что полюбили с детства,
То навсегда любимо –
Свято моё наследство,
Свято и неделимо.

1968

О ПОЭЗИИ

ДВАДЦАТЬ ТРУДОДНЕЙ²²

По бульвару чавкая калошами,
Чувствую: весна пришла на старт,
Радостная,
Терпкая,
Хорошая –
Мой двадцатый водопольный март.

Ручейки, журчащие дорогою,
Свежесть первой зелени в саду
Заставляют вспомнить очень многое,
Перепробованное на ходу.

...Переписанных, переименованных
Сотни строф в пути сошли на нет.
Прожито,
А может быть, растрчено
Двадцать крепких
Полнокровных лет.

Не найти для горечи названия.
Всё ж я горд, что не стою на дне...
Но страна в актив за все дерзания
Ставит мне лишь двадцать трудодней.

Все надежды на весну положены.
Ты рассказываешь не спеша,
Как апрельским ветром омоложенный,
Откровенней начинал дышать...

²² Это стихотворение написано Александром Яшиным в двадцать лет и напечатано в его первой книжке в Архангельске – «ПЕСНИ СЕВЕРУ».

«Дни перегорали от накала,
Ночи в тополях брели без сна,
Песней боевой голосовала
Каждая весёлая весна.

Запашистая цвела малина;
Сердце билось,
Не сменил пока
Рассудительностью семьянина
Необузданность холостяка.

А потом затихло слов звучанье.
Всё смешалось.
Сны обнажены.
Холмогорки тихое мычанье –
Теплота воркующей жены».

Я иду сводить счета со стужами,
Затхлость комнат зимних скинуть с плеч,
И смотрю на отражённый лужами
Твой зелёный аккуратный френч.

Для тебя молчанье непростительно.
Если вышел неудачный ход –
Словно стих плохой, покой мучительный
Зачеркни и смело двинь вперёд.

Бесконечные шумят потоки,
Развела весна цветной баян,
В небе дымчатом плывут высоко
Жаворонок и аэроплан.

Признаюсь – я тоже сделал мало:
Дни прошли в сонливой мишуре.
Словно под дождём располоскало
Двадцать отрывных календарей.

Потому-то в ледолом весёлый
Так хочу работать и любить,
Чтоб стране моей,
Чтоб комсомолу
Больше песен звонких подарить.

Чтоб и девушка меня любила,
Шла со мной наперекор стихий,
Ободряла, двигала, будила
На борьбу, на стройку, на стихи.

И в колоннах
В первый праздник лета,
Чтоб в моём лице, взойдя на вал,
Комсомольца –
Мало! –
И поэта
Секретарь горкома поздравлял.

1933

ВЕРШИНЫ²³

Раздвинув горизонт страны,
По склонам разметав туманы,
Над всей землёй вознесены,
Стоят вершины-великаны.

Леса ещё в густой росе,
Дороги еле проступают,
А уж они во всей красе
Под солнцем утренним сияют.

Под вечер
Рощи в тишине,
Долина сумраком одета,

²³ Стихотворение первоначально было посвящено Пушкину.

А там на пиках, в вышине,
Ещё полно дневного света.

Сродни нам в этой крутизне
Стремленье к вечной новизне.
Вершины ветер не колышет.
Над ними небо словно выше,
Светлей тона,
Грома грозней.

На них откуда ни смотри –
Всё рядом вздыбленные кручи,
Где вихри оползней, как тучи,
Где между скал орёл парит;

Всё близко.
Руку протяни,
Шагни – и, кажется, утонешь
В их освежающей тени
И снегу наберёшь в ладони.

На расстоянье, как рассвет,
Мы их окидываем взглядом...

Таков стоишь и ты, поэт:
Всё близко, сколь ни минет лет,
Всё наш
И неизменно рядом.

1939

* * *

Мне надо так глядеть вперёд,
Чтоб горы тьмой не застигались,
Чтоб рябь в глазах от тьмы забот
И шум в ушах не замечались.

Чтоб никогда среди бурь и вьюг
Мне не утратить дара слышать:
И сердца собственного стук,
И как в бору деревья дышат.

Мне надо всё преодолеть,
Чтоб песня впредь не затихала,
Не замирала б жизнь, а смерть
Чтобы моим бессмертьем стала.

1944

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое, жёлтое темя,
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты – не дни,
Но время под нашим началом:
Стечёт песок – часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалишься, будто мёртвый, без слов,
А утром поднимешься – жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придёт:
Друзья наготовят тёсу,
А смерть тебя, как часы, повернёт, –
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

* * *

Илье Сельвинскому

Мороз расписал оконные стёкла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусной работой поблёлка
Резьба по кости, по берёсте резьба.

На тёмном стекле, что на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звёзды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти взглядишь.

Тоскуешь о море –
Увидишь море,
О доме тоскуешь –
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угоре,
Четыре берёзы под самым окном.

Грустишь, что навек расстался с любимой, –
Глаза её хлынут в сердце твоё,
И станет она ощутимой и зримой.
А ветер, а вьюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной её.

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша стою перед ним...

Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим всё,
Что найти хотим.

1939

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врывается шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мёртвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Как будто разгадка уже близка:
Вот, кажется, несколько солнечных линий –
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке вздохнут берега, расступаясь,
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна,
Журча, как живая...

Но краски не светятся, память молчит,
И время с утра уходит без проку.
А в роце по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом.

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари,
Так сияет улыбка сына.

Так дерево крепнет от вешних смол,
Поля молодеют, дождями омыты...

«Нашёл! За палитру, за кисти!..
Нашёл!»

И хорошо, что окна открыты.

1936–1937

НА ВЗМОРЬЕ

Всё побережье в пене, в прибое,
И сосны у края воды шумят.
Под вечер море не голубое,
Оно многоцветное, как закат.

Все краски, мыслимые на свете,
Густые тона небес и земли
На волны, которые поднял ветер,
Узорными радугами легли.

Всё разворачивалось, колыхалось,
Играло огнём до самого дна.
Менялось небо – и море менялось,
Перенимая его тона.

Казалось до этого всё возможным,
А тут ни конца и ни края нет.
– Зачем не поэт я? – сказал художник.

– Владеть бы мне кистью! – вздохнул поэт.

И музыкант на тонкие руки,
На руки свои взглянул тяжело:
– Я знаю лишь звуки и только звуки,
А тут еще запахи, свет, тепло...

А море назло как стукнет да грянет
Всей мощью своею, во всей красе –
И вспомнить заставило об океане,
О беспредельной вселенной всей...

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им завтра идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши,
А снова
Остаться с нею наедине.

1953–1956

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу – волны, сверху – сад,
Идут нарядные матросы
В атаку,
словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг,
И, не приняв морского боя,
Бросая всё, сдаётся враг.

Ночная тень на вражьих касках,
Над бескозырками – восход.
Всё ж разбирался автор в красках...

Но злость,
Но гнев меня берёт.

Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Людская кровь лилась рекой.

Трудом опасным и тяжёлым
Война была для нас для всех,
И самым смелым и весёлым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветистой раме,
Насквозь бы он его прожёл.

1954

* * *

Не пишется!
Зачем молчу,
Какой у моря жду погоды?
Хлеб есть задаром не хочу –
Он слишком дорог для народа.

Счастливым дар не на года
Даётся
И не в одолженье,
Не для забав и развлеченья,
А навсегда –
Со дня рожденья
Для непрерывного труда.

И коль его не сохранить,
В обыденщине раствориться –
Не то же ль самое, что спиться?
Кого тем можно удивить!

Жизнь праздная не для меня...
Есть вдохновенье и в привычке.
Итак:
С сегодняшнего дня
Ни дня без строчки,
Без странички.

1957

* * *

В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.

Смешное влеченье!
И что за мученье –
Писать сочиненья
До отупенья?

Что – счастье? Что – тленье?
В чём жизни значенье?
И нужно ли людям
Такое служенье?

С большим запозданием,
Как испытание,
Настал мой период
Исканий, метаний.

С тоской безысходной
Лечу, как с откоса,
В свой мир переходный
Проклятых вопросов.

И труд, коим рано
Увлёкся я слепо,
Мне кажется странным
И даже нелепым.

1959

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влечение, –
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен учёный – прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Всё как болезнь.
А есть ли лечение?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать –

И в свой черёд
Всё образуется, боль пройдёт.

1959

* * *

Как избавиться от лени?
На душе темно.
Никаких стихотворений
Не пишу давно.

Нету силы, нету воли,
На подъём тяжёл.
Как заброшенное поле
Мой рабочий стол.

А уже уходят годы
И не молод я.
Словно перед непогодой,
Тяжело, друзья...

1946

* * *

От кустика да к кустику,
По ягодке, по кисточке –
В корзине полно.
По рыжику, по груздику –
Ведро наложено.
Недаром осень прожита,
Зима не страшна.

По слову, по присловию,
К словцу словцо –

И вот стихотворение,
И книжка налицо.
Поэма есть,
И новая
Почти завершена –
И жизнь прошла не попусту,
И смерть не страшна.

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу –
Он всё равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных роц:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души –
Всё равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнёт, то пруд –
Та же голубизна.

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши – тетерева,
Летятина – дичь,
Пересмешки – молва,
Залавок – подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики – снегири;
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретёна.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей – полку под потолком,
Клюкву – журавлихой...

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

ПЕРЕГРУЗКА

Вся жизнь в перенапряжении,
Порой до потери чувств,

Даже сквозь серый поток анкет
Может пробиться свет.
Но если покоя на сердце нет,
Что может дать поэт?

Тут не до мелких личных обид.
Страшно, что над строкой
Молча с ножницами стоит
Столоначальник твой.

Не горячась, не вступая в спор, –
Что ему песня, стих! –
Ставит отметки: «слабо» и «хор»,
Режет: «от сих до сих».

Прост, как булыжник,
А – сила в нём,
Твёрд вездесущий перст.
Только зачем он?
Он-то при чём?
Вахту в поэзии мы несём,
Нам этот вверен пост.

Сами ответим за стих любой, –
Служим не за деньгу, –
Сами дадим надлежащий бой
Истинному врагу.

Только бы фальшь не была в чести –
Мёртвых не будет фраз.
Только бы правду-матку в пути
Не потерять из глаз.

Не оглушал бы хвастливый звон,
Не ослеплял бы дым,
Не превращали б в пустой закон
Всё, что зовём святым.

А недоверие душит нас.
Что за нелепый взгляд,
Будто поэтам на каждый час
Требуется наряд.

Время прорвать этот чёртов круг,
Преодолеть недуг.
Если заказ – то из первых рук,
Только из первых рук,

Только народом вдохновлены,
Песни пойдут в народ.
Дерево тоже из глубины
Соки свои берёт.

1956

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Что за лес, если в нём не страшно,
Ни волков, ни медведей нет!
Даже пень с клеймом и покрашен,
Никаких особых примет.

Всё расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено,
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выслан подход к реке.

Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом рудные горы,
Строевых пород сосняки,
Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер – быть бурелому,
Гром ударит – потопу быть.
Если в лес не ходить из дому,
Душу где свою отводить?

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Хоть не часто, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

1953–1954

ЛИТИНСТИТУТУ

Будь славен, институт, за то,
Что за твоей скамьёй писали
И Симонов, и Михалков...
И все мы
Товарищами по оружию стали.

И пусть не ставятся в вину
Тебе ни «Раки» Михалкова,
Ни скороспелки С. Смирнова,
Ни Долматовского стихи –
То не твои грехи.

Чтоб выходили не деляги,
Не ловкачи, не рифмачи,

А работяги –
Труду и честности учи,
Честь смолоду блюсти учи.

1953

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Как много великих,
Какие все видные:
Не лица, а лики,
Фигуры солидные.

Чиновное воинство,
По рангу – достоинство,
Зарплата – по должности,
Ум – по возможности.

Но лишь появляется
Хозяин поблизости, –
Куда что девается:
Любой пригибается,
Снижаясь до низости.

1 мая 1958

* * *

Как часто мы голосовали
За отлучение друзей
И не кричали, а молчали
О непричастности своей.

Как мы преступно мало знали,
Да что скрывать – боялись знать.

Пойми теперь, когда нам лгали,
Когда мы сами стали лгать.

Нередко до самозабвенья
Себя старались убедить,
Что, видно, наше поколенья
И не должно иначе жить.

И вот пришло как наказание
За благодушье многих лет
Привычкой ставшее молчанье –
Страданья горше в мире нет.

Да нарастал, как ветер с моря,
К бездумной праздничности строк
Читательских аудиторий
Неотвратимый холодок.

1956

* * *

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошёл подвал –
С казённым слогом всё не уживаюсь.

Опять пришлось с людскою маетою
Столкнуться в министерских коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный ворох,
И не мирилась совесть с немотой.

А всё, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принёс к своей любимой на порог,
А чем она, родная, виновата?

Ещё в передней грянула гроза –
Попробуй сладить с этим раздраженьем! –
И добрые, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чём не провинившегося друга.

1958

ВАШИ УСПЕХИ

Вы знаете, что у нас за плечами!
А что у вас за плечами?
Вы пальцы сосали,
Вас в люльках качали,
Когда фашисты в дома к нам стучали
Железными сапогами.

В те годы рифмы своеобразные,
Не в меру лиричное слово
Воспринималось
как неприличие,
А местоимение личное –
Как посягательство на основы.

Теперь вы – глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умашённые,
А мы – эпигоны,
Мы консерваторы,
У нас и рифмы традиционные.

Ну что ж, приму ассонансы и лесенку,
Только бы знать, что это не суетность,

Что вы не спасуете,
Не перелицуетесь
И против своих рядовых ровесников,
Чего б ни стряслось,
Не проголосуете.

История делает то, что следует,
И мы ни ей, ни вам не помеха.
Но не считайте своей победою,
Только своею,
Ваши успехи.

1964

ЖЁЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Памяти М.М. Денисова

Я сочиняю стихи про жёлтые листья.
Падают листья в речку,
...в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка – овечка – местечка...
дорогу – логу...»
А сенокосы
по речке Козловке
снова

Снег заметает.
Опять – ни скоту, ни Богу.

Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озёрам осоку серпами жали,

Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...
А заливные луга
кругом
стоят, как стояли.

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» –
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про жёлтые листья...

1963

* * *

Душа замкнулась от обиды,
Былой доверчивости нет.
Такие повидал я виды,
Что сходит год за сотню лет.

Шпыняли душу не за дело,
Над непохожестью глумясь,
И всё, что в ней цвело и зрело,
Со злобой втапывали в грязь.

Но с каждым днём сопротивленью
Насилью грубому росло.
Ожесточенье –
Не смиренность –
Ко мне спасением пришло.

Приняв молчанье как забрало,
Уйдя в себя на много дней,
Душа ещё богаче стала
И благородней,
И сильней.

1960

* * *

Когда душа поранена,
Непросто боль унять,
Непросто северянина
Оттаять, раскатать.

Давно друзья по правилам
Живут – вся боль прошла,
Моя лишь не оттаяла
Душа – не отошла.

1958

ВЕСЕННЯЯ БОЛТОВНЯ

С зимы о весне мечтаем,
Живём, как в волшебном сне,
Болтаем,
Болтаем,
Болтаем
О ростепели, о весне.

А стужа –
Она крепчает,
Всё толще на речках лёд,
И ветер, свистя, наметает
Сугробы у наших ворот,

До самых высоких окон,
До чердаков,
До крыш.
А до весны далёко,
Далёко –
Не разглядишь.

Деревья сгибают плечи
Под тяжестью снежных глыб,
Клестам пробиваться нечем,
И воздуха нет для рыб.

Солому с сараев срываем –
По норме скоту корма,
И всё болтаем,
Болтаем,
Что не навек зима.

А только весна наступит,
Сломает,
Растопит лёд –
Вода забурлит, как в ступе,
И тоже
Болтать начнёт.

1963

РОГАТЫЙ ПЕГАС

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет –
Как дояр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр –
Терпенья

Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И ну – давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижую дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи –
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова,
То приглушённо,
Едва, едва.

Большой надой –
Молоко с водой,
Строка жидка,
Говорят:
От быка!

А чуть запустил,
Нечасто дою,
Кричат:
Присушил
Строку и струю.

Корова,
 рога
До земли клоня,
Как на врага
Глядит на меня.

Вот-вот в бедро
Шибанёт ногой,
Свернёт ведро,
Разольёт надой..

Косится,
Бычится
Рогатый Пегас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

1968

* * *

Как ни продвигаемся вперёд
К процветанью, к благосостоянью,
Поддыхает вологодский скот
От простейшего недоедания.

Заросли кустарником лога,
Сузились медовые покосы.
А уж мы ль не брали за рога,
Мы ль ребром не ставили вопросы?!

Не осмыслив мудрой глубины
И величья начертаний новых,
Так же всё наивны и грустны
Милые покорные коровы.

Рацион мой тоже не богат,
Но пока не оскудел здоровьем,
И не каждый день меня доят...
Всё ж глаза не веселей коровьих.

1957

И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

Мы выехали утром налегке
В леса, в луга
На Кубене-реке.

Чтоб время понапрасну не терять,
Свои желанья ограничив строго,
Я никаких пейзажей по дороге
На киноплёнку не хотел снимать.

Но лёгкий газик скоро сел в пути:
Просёлки наши тем и знамениты,
Что в сушь – разбиты,
А в дожди – размыты,
А в общем – ни проехать, ни пройти.

Свирепо взвыли два грузовика
И тоже сели рядом:
Точка! Пробка!
То ль озеро по курсу, то ль река,
А справа – топко,
Да и слева – топко.

Страдая с шоферами заодно,
Полезли пассажиры под колёса,
Гремели цепи,
Обрывались тросы,
Чего не встретишь ни в одном кино.

И мне бы только не терять минут,
Снимать, снимать – такие люди рядом!
Тут было всё:
И мытарство, и труд,
И смех, и грех, –
Сценария не надо.

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я? –
Не могу об этом не думать.

В тёмном зале кино,
если экран не кривое зеркало, –
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,

над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя всё-таки радуюсь:
значит, сердце моё не зачерствело,
душа у меня живая,
я – человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу –
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра Божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня ещё не было –
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны –
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и ненаписанные,
незарифмованные,
ненапечатанные,
ещё не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки Вселенной.

А поэт – вроде приёмника.
И если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,
он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир – поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приёмником,
чутким,
многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век, –

приглушена одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

УТРЕННЯЯ ПОЧТА

Не позёмка ночью
Снегу намела –
Утренняя почта
Посреди стола.

Отбираю срочную –
Что душе мила.

Всё делю поровну:
Важное – в стопу,
Остальное – в сторону,
Как щепу.

Будто свежая щепа –
Письма по избе,
Но от каждого – тропа
К чьей-нибудь судьбе.

Рубят лес там и тут,
И щепа летит,
И со всех концов идут
Письма, полные обид.

Открываю в чью-то жизнь
Дверь – рву конверт:
«Поддержи, заступись,
Защити, дай совет!..»
Добрый дай совет!

Просят жёны и мужа
Укрепить семью!
- А нельзя ль иметь, друзья,
Голову свою?

От влюблённых вороха -
Их не перечесть.
Главным образом, в стихах -
Даже рифмы есть.

Если б сам не писал,
Сам не грешил,
Я бы что-нибудь сказал
Им от души.

1968

* * *

Я обречён на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел
свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешёвом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждёт меня, не знаю,
Живу, не как хочу

И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троепёрстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

1966

* * *

Мне верить надо
В кого-то,
Во что-то,
Чтоб жить без оглядок,
Жить без расчёта.

Мне надо верить,
Надо!
Надо!

В любые двери
Входить без доклада.

Мне неохота
С землёй расставаться:
По сердцу работа –
Чего ж опасаться?

Я просто птица
На тонкой ветке,
Хоть тоже в зверинце
И тоже в клетке.

Но всё же птица.
И мне с заземленьем
Не примириться
Ни на мгновенье.

1967

* * *

С сединою да с лысиной
Примиришься с трудом.
Сколько книг не написано,
Разве скажешь о том.

Всё, что в небо закинуто
К звёздам –
Видит весь свет.
А о прочем не принято
Сообщать из газет.

Наши мысли и чаянья,
И бессильные сны,
И немое отчаянье –
Никому не видны.

А предчувствие страшное
Часто мучает зло:
Может, самое важное
То, что впрок не пошло.

И напрасно растрачены
Столько сил, столько лет,
Кровью сердца оплачены
Книги те, коих нет.

1959

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

... Дописать или оборвать –
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день –
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва,
Поседела моя голова.
Но вдвойне даётся трудней
Заключительная глава.

1967

* * *

Так же будут юноши писать
И стихи, и прозу,
Так же будут ветры задувать
И трещать морозы.

Всё, что пело, будет впредь
Так же петь,
Достигая роста...
Просто можно зареветь –
До того всё просто.

Так чего же мне желать
Вкупе со всеми?
Надо просто умирать,
Раз пришло время.

1968

ГРАНИЦЫ ДУШИ

* * *

Я родился в тринадцатом году.
Нет, не в избе и даже не в постели,
А на гумне, в углу, на холоду,
Но в золочёной был крещён купели.

Мы жили впроголодь, в чаду, в грязи,
Лучиной прокопчённые, в коросте,
Но иногда отец домой с погоста
Нам в позолоте пряники возил.

Жизнь – беспросветная нужда.
Всё где-то понемногу золотилось.
Мать приучала верить в Божью милость,
Отец твердил, что горе – не беда.

11/XI-1948

ГРАНИЦЫ ДУШИ

А душа у меня есть.
И у неё своё зрение,
и свой слух,
и память,
и свой сказочно богатый мир,
а это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды.

Зрение души удивительно –
и оно тоньше ультрамикроскопов,
сильнее любых локаторов.

Она видит в пространстве
и во времени,
проникает в глубь веков,
заглядывает в самоё себя.

И слух у души
совершеннее морских эхолотов –
слышит душа музыку вечности,
голоса цветов и трав,
их рост и дыхание.
А память души – это граничит с чудом.

Берегите душу,
раздвигайте её границы,
расширяйте её полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

1964

* * *

Мы с детства верили примете,
Что в миг, когда звезда зажглась,
В какой-нибудь избе на свете
Душа святая родилась.

Мы не одну за годы эти
Зажгли звезду.
И, как должно,
Считают люди по примете,
Что много душ на белом свете
За эти годы рождено.

Пусть, как хотят, о чуде судят –
Мне надо верить, чтобы жить:
Что их и в детстве не застудят,
И взрослых не дадут сгубить,

Что души их не искалечат,
Любовь к добру не заглушат,
Не иссушат живой их речи
И права думать не лишат.

1959

* * *

Мать Божья, не обессудь,
По церквам я Тебя не славлю,
И теперь, взмолившись,
Ничуть
Не юродствую, не лукавлю.

Просто сил моих больше нет,
Всех потерь и бед не измерить,
Если меркнет на сердце свет,
Хоть во что-нибудь надо верить.

Ни покоя давно, ни сна,
Как в дыму живу, как в тумане...
Умирает моя жена,
Да и сам я на той же грани.

Разве больше других грешу?
Почему же за горем горе?
Не о ссуде Тебя прошу,
Не путёвки жду в санаторий.

Дай мне выбиться из тупика.
Из распутья, из бездорожья...
Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты, Мать Божья.

1958

* * *

Мы неполной жизнью живём
И неполною грудью дышим,
В полуголос песни поём,
Даже письма с оглядкой пишем.

До чего ж мы были просты
С нашей верою беспросветной,
С нашей преданностью несусветной,
Доходившей до слепоты!

Зарубцуются ль в сердце моём,
В слабом сердце
Рваные раны?
Мы двойною жизнью живём,
Потому и стареем рано.

1958

ИСПОВЕДЬ

Я много писал про охоту,
Рассказывал больше того
Про зорьки в лесах, на болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
И совесть велит:
«Не таи,
Держи ответ на народе
За все прегрешенья свои!»

Наверно, нельзя не стыдиться,
Но надо ж и правду любить:
За всю свою жизнь
ни лисицы,
Ни волка не смог я убить.

Хвалился,
А всё же к победам
Касательства не имел.
И что говорить про медведя –
Косули не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытьё,
Как верят одни лишь поэты –
И в том оправданье моё.

1958

ПАМЯТЬ

По вологодскому Заречью
Бродил я вечером,
Как вдруг,
Счастливый кто-то
мне навстречу

Метнулся с криком:
– Здравствуй!.. Друг!..
Забыл?..

– Да нет же! – отвечаю
И что-то мямлю про года,
А сам мучительно гадаю:

Где с ним встречался
И когда?

Лицо знакомо.
Голос тоже...
И как неловко стало мне,
Когда припомнил, сколько прожил
Я с ним в окопах на войне.

А то еще – оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Всё чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять – пробел...
Но из неё не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел, –

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал всё, что сделать мог.
И обижал,
И обижался.
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья, –
На свете горше нет суда.

* * *

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе – о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чём не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

* * *

Как от огня, от себя бегу.
Ожесточенье калечит душу.
Вот и писать уже не могу,
И ничего – ни читать, ни слушать.

В близких увидел всю фальшь до дна.
Как это мог я с ними годами

Рядом сидеть за бутылкой вина,
В залах торжественных за столами?..

1958

ДУША

Странно:
Дышим – идёт парок.
Говорят: душа показалась.
Как я этому верить мог –
Неужели ж только парок?
Не такой душа представлялась.

Улетучилась,
Не уберёт –
Ничего в груди не осталось.

Пустота,
Хоть шаром покати,
Только рёбра торчат, как стропила.
Отчего ж не легче в груди?
Что в ней всё-таки раньше было?..

1966

* * *

Осенью засыпает вода:
Холодна становится и темна.
Много ли из-под льда
Видит и слышит она?

А ослепнет человек,
Долго ли помнит во мгле

Под ледяною корочкой век
Краски на небе и на земле?

Душа тоже слепнет.
И что ж?
Мутной, как водоём,
Всё ей порою вынь да положи
Память о светлом, о былом,
О назначенье своём.

1964

* * *

Не хочу озлобленья!
Озлобленье, как старость:
Меркнет воображенье,
Пригибает усталость.
Духоборов всё меньше,
Крохоборов всё больше...
Где оно, вдохновенье?
Что от счастья осталось?

1965

ИСПЫТАНИЕ СЛAVOЙ

Что такое героичество?
Всем присущее свойство,
Иль оно – исключенье,
Редкий дар,
Вдохновенье?..

Прославляем отважных,
Юных,
Седоволосых –

И встаёт перед каждым
Много сложных и важных,
Очень личных вопросов.

Все ль живущие вправе
Помечтать хоть украдкой
Об успехе,
О славе,
Как считается, сладкой?

Иль она навещает
Тех лишь, кто и не тщится,
Даже не помышляет
К ней хоть раз приобщиться?

Просто –
Люди как люди:
Дышат полной грудью,
Не сгибаются – ходят,
Смотрят – глаз не отводят.

Просто –
В море, на суше
Честно родине служат,
Не мельчат свои души,
А случится что –
сдюжат.

Ну, а мы с вами – что же?
А все прочие – хуже?
Может, случай похожий –
Тоже что-то заслужим.
Неужели не сможем?
Неужели не сдюжим?

Разве в этом желанье
Схоже что-то с забавой?

Не профессия ж, право,
Героизм,
Не призванье...
Только есть замечанье:
Всех трудней испытаний
Испытание славой.

1960-1961

ОГОНЁК

Светлячок во мгле –
Огонёк в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка –
Сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонёк,
огонёк –
Свет в моей груди.

1962

ПЕРЕХОДНЫЕ ВОПРОСЫ

К.Г. Паустовскому

А в чём моя вера?
Опора?
Основа?
Кого для примера
Братъ –
Снова Толстого?

С ружьём зачехлённым
Без дела до осени
Томлюсь,
Окружённый
Пустыми вопросами,

Конечно, проклятыми,
Конечно, немодными,
Давно – боролатыми,
И всё – переходными.

«Любить своих ближних?
Трубить славу жизни?..»
А если не любитя?
А если не трубитя?

«О слабых заботиться?
За сильных тревожиться?..»
А если не хочется?
А если не можетя?
А если в судьбе у меня бездорожица?

Не новую повесть
В душе перетрясываю:
«А может быть, совесть
Понятье внеклассовое?..»

«А может, всё пошрое,
Фальшивое,
Гробоное,
Продажность
И ложь
Не назовёшь
Пережитками прошлого?»

Какой мерой мерится
Моя несуразица?
И в Бога не верится,
И с чёртом не ладится.

1966

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чьё сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушёл,
От хвори ушёл,
От смерти ушёл –
От себя не могу.

1959

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Я с детства привык к василькам,
К полдневному их сиянию,
К их форме
И содержанию,
К соцветиям
И стебелькам.

Я их собирал в овсах,
Как звёзды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек на волосах.

Легки,
Мотылькам сродни,
Как часто в стихотворении
Друзьям заменяли они
Лирическое вдохновение.

Мне памятни и венки
С их влажным благоуханием,
Когда начиналось гадание
На берегу реки...

Я с детства любил васильки.
Но вот
Довели до сознания,
Что это же
С о р н я к и.

С тех пор я вхожу в овёс
Без прежнего к ним обожания...

Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

1967

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, всё, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смута сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол – не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста –
Что на костёр шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
– Годен! –
Запишут мне.

1965

ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,
А ночью
В лесу,
Когда тени густы,
В груди появляется вдруг пустота,
Как перед прыжком
с большой высоты.

Летит листва.
Куда уж там летит –
Её по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь всё реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги всё те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упрёков?
О как мне будет трудно умирать!
И никаких
 нельзя
 извлечь уроков...

1966

* * *

Дай Бог,
Мой Боже,
Ещё лоскуток
Шагреневой кожи.

А мне уходить.
Не хочу уходить!
Дай мне, Боже,
Ещё пожить.

А мне
На переформировку,
 переподготовку

Продли мне, Боже,
Командировку
на этом свете,
на этой планете.

А там готов на любую.

1968

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным:
«С добрым утром!»,
«Добрый вечер!»,
«Доброй ночи!» – говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдём –
Не любо, что ль,
Поклонясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»,
«Хлеб да соль!».

Не от тяги к суесловью,
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью
Пожелание здоровья,
Пожелание добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь
По привычке скажет:
«С Богом!»
«С Богом!» – тоже «В добрый путь!»

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым – в любви согласья,
Долголетия – пожилым.

Рыболовам,
Звероловам –
Тёплой ночи у костра,
И – богатого улова,
И – ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стае журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим:
«В счастливый час!».

И живётся вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь на земле.

1968

В НЕСМЕТНОМ НАШЕМ БОГАТСТВЕ...

* * *

В несметном нашем богатстве

Слова драгоценные есть:

Отечество,

Верность,

Братство.

А есть ещё:

Совесьь,

Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

1957

ЧУДЕСА

Мир чудесами удивляем

И сами,

глядя в небеса,

Как будто слов других не знаем,

Почти с испугом повторяем

Одно и то же:

– Чудеса!

Но на какое-то мгновенье

До каждого доходит вдруг,

Как откровенье,

Как прозренье,

Что это ж – наших рук творенье,

Всё это дело наших рук.

В сосновом бору,
В берёзовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Мы видим не всё со своей горы,
Чудес неоткрытых ещё немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

О ПОГОЖИХ ДНЯХ И ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

Когда мне трудно дышится
и кашель,
подобно миномётному обстрелу,
гнетёт к земле, –
последствия войны! –
когда врачи ничем помочь не в силах,
в груди и слякотно и непролазно,
как в бездорожье, –
я стараюсь вспомнить
о днях погожих,
светлых и сухих,
а их в году бывает больше всё же,
конечно больше,
чем промозглых дней.
И любопытно:
вдруг слабеет кашель,
продует бронхи свежий тёплый ветер,
как будто две таблетки антастмана
я проглотил
иль подышал в бору,
на родине,
где мы живицу гнали...

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх, –
бывает всё! –
я вспоминаю о хороших людях,
о тех, мне близких
и не очень близких,
а просто повстречавшихся в дороге,
о людях с чистой совестью бойцов,
которых больше всё же на планете, –
конечно, больше! –
чем приспособленцев,
чем карьеристов и самоснабженцев,
бесстыжих болтунов и графоманов, –
и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется ещё пожить на свете,
полюбоваться небом и землёй.

1966

ЖЕЛЕЗНЫЕ БАЛКИ

Устал или болен, не знаю,
но трудно,
трудно дышать, не закрыв глаза:
яркие краски душу таранят,
песни любимые надоели,
встречи с любимой не веселят.

Глаза закрою – изводит грохот,
он нарастает со всех сторон,
кажется, взяли тебя с постели,
словно цыплёнка из-под наседки,
и просто швырнули на тротуар.

А то ещё хуже, ещё нелепей:
вообразится вдруг, что в окно
с улицы, с ходу,
гремя на стыках,
стёкла дробя,
не один – с прицепом
прямо в комнату прёт трамвай.

Нет,
не житье в коммунальной квартире, –
странно, что так называли её, –
свары, наветы...
И это коммуна?
До полуночи ругань на кухне,
и за столом мне покоя нет.

Голову ломит,
дрожат колени,
если бы мне побыть одному:
выключить радио на неделю,
дверь – на крючок,
на двери – записку:
«Выбыл...» –
и жить, как барсук в норе.

...Полноте, что со мною случится!
Нет ни безверия, ни обид,
даже не болен,
устал – и только,
как устают железные балки
от непрерывного топота ног.

1939

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЁМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:

- Давай, любимая, обед!
Дружок пришёл ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход... –
И расторопная жена
По комнатам снуёт.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт –
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет – на круг...
– Ну вот мой дом, моя семья.
Смотри! – хлопчет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вокруг стола
Под люстройю стоят.

Гора игрушек:
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклист
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок –
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

– Ну что ж, всё правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живёте!
Где ж семья?
– Да мы, дружок, одни.

– Как так одни? А дети где? –
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
– Мы без детей живём,
Работы много, – говорит, –
Спокойнее вдвоём.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так – порядок, тишина,
Всё на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоём – какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось – и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Её мне стало жалко вдруг.
– У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом –
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своём дому,
На земле родной,
Землёю жить –
И не знать её, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы – ручей...

Самых праведных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встаёт перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время своё берёт?
Добреет и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведёт непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство –
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всём
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,

Доверчивым и невыспренным,
Простым,
Как с самим собой?

1959

ОРЁЛ

Из-за утёса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушёл за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была –
Для перепёлок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орёл упал,
Но средь далёких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Они вошли
И сели в три ряда
В заранее намеченном порядке.

Стол под сукном.
Трибуна.
И вода.
По краю сцены – зелень,
Как на грядке.

Посёлок майским воздухом дышал,
И в клубе праздник начался весенний.
Но чем шумнее становился зал,
Тем лица их
Бесстрастной
И надменной.

Мы знали всех, сидящих за столом, –
Как говорится, нашенские парни:
Директор леспромхоза,
Агроном,
Начальник почты,
Мастер с сыроварни...

Но к нам они вошли из-за кулис
И – что случилось? –
До смешного строги,
Теперь на нас смотрели
Сверху вниз:
Ни дать ни взять –
Всеведущие боги,

1959

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Одного на пленуме сняли.
Про него говорит народ:
– Лишь кампании знал, авралил,
Не заглядывая вперёд.

Был другой секретарь – учёный,
Очень добрый...
Теперь говорят:
– Для такого, как наш, района
Не учёный нужен – солдат.

Дали третьего.
Что же третий?
Этот, видно, бывал в беде.
Не сидит ни дня в кабинете, –
Где он ест и ночует где?

За речами в карман не лезет,
Не бросает на ветер слов.
Только – круто берётся, резок:
Наломает, наверно, дров...

Что же мне говорить, поэту,
К делу как отнестись любя?
Верно, надо б на месте этом
Хоть на час представить себя.

Мы судить и рядить охочи,
А случись, о чём говорил,
Сам, конечно, не спал бы ночи.
А каких бы дров нарубил!..

Обижался бы,
Не умея
Защитить себя от молвы,
И все ямбы мои, все хорей,
Верно б, вышибло из головы.

1958

ЕЩЁ О СОБАКАХ²⁴

Наверно, тысячелетия
Собак приучали люди,
К добру приучали, к охоте,
К пастушеству,
К постромкам.
Я верю в собачий разум.
Но как мне понять овчарку?
Слепого повиновенья
Я ей не могу простить.

По воле Двадцатого съезда
Закрыли на острове лагерь.
Охрана и заключённые
Отправились на целину.
Оставшихся без работы
Собак списали по акту
И передали колхозникам –
Пускай стерегут дома.

Овчарки легко освоились
На новом рабочем месте,
Привыкли к тихим хозяевам,
К сухой и постной еде,
С детьми играли в пятнашки,
Рычали порой на прохожих,
А никого не кусали –
Учёные были псы.

Но вот в молодёжный праздник
Собрался народ в колонну –
Ребята знамёна вздымали,
Девчата несли цветы, –

²⁴ Стихотворение написано под впечатлением от пребывания на Новозере, где в старинном Кирилло-Новозерском монастыре была открыта тюрьма. Позже её закрыли на время.

И лагерные собаки
Все привязи оборвали
И заняли, как по команде,
Свои боевые посты.

Идёт колонна на площадь
В весенних цветных нарядах,
А по бокам, ощерясь,
Собаки службу несут:
Попробуй выйти из строя,
Упасть или оступиться!..
И смолкли в колонне песни,
Веселье сошло на нет.

Я ненавижу овчарок,
Способных загрызть человека,
Они одинаково служат
Крестьянину
И палачу.
Овчарки – псы, не собаки,
Не волкодавы – волки...
А может, по-человечьи
Их следует пожалеть?

1964

БЕССОННИЦА

Кто он – мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не потушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбуждён?
Может быть, за всю жизнь впервые

Из столицы направлен он
На далёкую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новосёлов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.
А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежно-бел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блёстках шёлковые подтяжки.

Громыкает вагон,
Будто вскачь –
Не по рельсам –
Поезд несётся...
Может быть, мой сосед – «толкач»,
А «толкнуть» не всё удаётся,

И от мелких забот,
От хлопот
Даже за полночь нет спасенья?
Может, совесть его грызёт?
Иль спешит он на важный слёт
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети –
И едва припадает к подушке,
Как встают на его пути

Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти –
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
– Вы бы, право, ложились спать! –
Но молчит сосед,
Как не слышит.

За окном мелькает луна.
Спутник мчит по своей орбите.
Что ещё вам?

Чего хотите?
Доброй ночи!
Спокойного сна!
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колёса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...

Ой, как многим людям у нас
По ночам ещё плохо спится.

1958

СИВЕРКО

Дует сиверко.
Вечереет.
Скот под окнами месит грязь.
Овцы зябко и нудно блеют,
Будто жалуются, жалеют,
Что погода не задалась,
Осень рано подобралась.

И коровы мычат натужно,
А могли бы и помолчать:
Стали в стойло, жуйте дружно –
Всех подоят.
О чём мычать?
И рогами стучать не нужно.

Или короток день осенний –
Не набили травой боков?
Им бы в ясли охапку сена!
С визгом лезут собаки в сени,
Может, чуют близость волков?
Тьма сочится из облаков.

А ещё беспокойней свињи.
Петухи кричат невпопад...

Надо воду слить из машины:
Ночью, верно, выпадет иней –
Подозрительно красен закат.

1964

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на небо, на поля,

И – восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Всё та же земля.

А деревья-то зелёные!
А в озёрах
Вода в цвету.
А в воде, что стрелы калёные,
Листья длинные,
Заострённые,
Оголённые,
Опушённые...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростёртые,
Тучи, радугами подпёртые,
Камни скал в корнях витых.
Видно, скалы тоже не мёртвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,
Непарадную,
Неоглядную?..
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному –
Будто завтра конец всему.

ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо не дозрело,
Так сказать, уцелело.
Но курица не горевала
И парить больше не стала,
Судьба одного цыплёнка
Её не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгребала.

Что же это девятое
Яйцо –
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.
Вот ведь какое дело!
Ещё не цыплёнок – тело
Цыплячье,
В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышать и жить хотело.

Я стал –
Сначала несмело –

С жизни чуть тёплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мёртвые скорлупинки,
Как плод живой от поседа.
А будет ли победа?
Ох, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке.
Секунды решали дело.

Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыплёнка,
Я положил его в тряпку,
Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На тёплую печку.

И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил! –
Спасибо, Боже! –
Забился, закопошился,
Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыплёнок.
Ах ты, мой соколёнок!
Орлёнок ты мой!
Милёнок!
Родимый ты мой, рожёный,
Я – крёстный твой наречённый.

Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошёл в сторонку,
Счастливый до умиления,

До слёз,
До вдохновения,
Как Бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыплёнку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыплёнку,
Но – жизнь!
Без преувеличения.

22 мая 1966. Вырыпаево

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу, –
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех её изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за всё отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Также в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую всё глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,

Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

НОВОГОДНЯЯ ПОЧТА

О простой переписке
Не тревожусь сегодня.
От далеких и близких
Почты жду новогодней.

Дело не в поздравленьях,
И картинки не новы,
Дорожу завереньем,
Что, мол, живы-здоровы;

Что в трудах и заботах
Дни текут, как и прежде,
И, согласно расчётам,
Крепнуть нашей надежде;

Мол, желаем того же
Вам
И вашему роду...

Многих писем дороже
Эти –
К Новому году.

Есть они –
И легко мне,
Нет их –
Я не спокоен:
Почему друг не вспомнил?
Может, горе какое?

Может, что-то случилось?
Чьё-то сердце разбито?
Отзовись, сделай милость,
Позвони,
Аэлита!

Велики ли расходы!.. –
Только авиамарка,
А для Нового года
Нет дороже подарка!

Нет бесценной подарка –
Почтальон у калитки.
Как задравные чарки –
В доме к сроку открытки.

Пусть же хлынут лавиной
Телеграммы и письма,
Как шипучие вина
И как добрые мысли.

Пусть овеют порошей
Наши с вами застолья.
Новый год,
Будь хорошим,
Люди этого стоят!

1966

ВОТ О ЧЁМ РЕЧЬ

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
– Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Всё можем:
Мы молоды
И всё – впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на севере,
В торосах почти,
Чего б ни посеяли –
Всё будет расти.

Всё можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чём речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперёд указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дому
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешённо и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень понятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили –
Много ль надо ей добрых примет?
Лишь бы в срок петухи голосили –
И повсюду со мною Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюблённых,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнажённый
Стал казаться зелёным.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И берёзки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки? –
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над берёзовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры, и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижёры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

СТИХОТВОРЕНИЯ И СТРОФЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ

ОГОРОД

(Из юношеского архива А. Яшина)

За говорливую рекою,
На берегу, где всё цветёт,
Зелёной пенистой волною
Блестит на солнце огород.

Всё в удивительном порядке:
Вот дыня жёлтый греет лоб,
Поднялся на горбатой грядке
Зелёным тенетом укроп.

Бобы, вытягиваясь тесно,
Стручками спелыми шуршат,
На грядках задремал чудесно
В лучах разнеженный салат.

В рядах, как будто на параде,
Вдали запенилася вновь
В кудрявом трепетном наряде
Пушисто-свежая морковь.

На солнце помидоры рдеют,
Качаясь, словно бубенцы,
И в парниках уже желтеют
Рассыпанные огурцы.

Когда я бегаю порою
На берега прозрачных вод,
Люблю смотреть, как за рекою
Здоровьем пышет огород.

В душе пьянительная свежесть –
Луч веселящего огня,
Расколыхавшаяся нежность
Шумит в волнах кругом меня.

Воспоминания рядами
Переливаются кругом:
– Я сам лопатой и граблями
Взрыхлял горячий чернозём.

Прошла упорная работа,
И всё так хочется любить.
И даже солнце мне охота
На эти грядки посадить.

Пускай его в момент рассвета
Томят лирические сны.

На огороде – спелость лета,
На сердце – нежный цвет весны.

Примерно 1928–1930

ТОВАРИЦУ

А.С. Куваеву²⁵

Милый, милый, задушевно нежный,
Верный дружбе неизменный друг!
Я тебе с любовью безбрежной
Посвящаю пламенный досуг.

Пусть поэта пламенные строчки
Сыплют нежность в памяти твоёй²⁶.

²⁵ Александр Куваев – друг Яшина по Никольскому педтехникуму.

²⁶ Твоёй – местный диалект.

Кудреватой радости денёчки
Ты мне дал, дружище дорогой.

Помни, помни. Дни настолько бойки...
Благодарности в груди полно –
Ты, когда я задыхался в койке,
Улыбался мне через окно.

Скоро, скоро время нас разлучит,
Но разлука дружбе не конец.
Кто же может нарушать созвучье
Бьющих в такт друг другу двух сердец.

У обоих дух такой мятежный,
Разве можно нам расстаться вдруг?
Милый, милый, задушевно нежный,
Верный дружбе неизменный друг.

21/XII-1928

НИКОЛЬСК

Есть маленький городок на Севере,
Картофельной славен ботвой.
Там нынче помешаны на Асееве –
Боготворят его!

Но там вырос я
С рыжиной на темени –
Косил траву,
Набирался огня,
Топтал крапиву в садах,
И со временем
Там, верно, поднимут на щит меня.

Молитвы и слёзы мои не впрок,
Да разве молитвы меня спасут,
Но кто же возьмёт мои боли в толк,
Кто чёрный ворон,
И где тот волк,
Что мне живой воды принесут.

1939

* * *

И в мороз не холодно,
И в лесу не голодно,
Если только милый рядом, –
И в жару не оводно.

1939

* * *

Платье шёлковое сшила –
До весны не износить.
Дорогого заушила –
Будет знать, к кому ходить.²⁷

* * *

У оконного наличника
Девчонка плакала,
С разгоревшегося личика
Живица капала.

Молодица-деловица...

1939

²⁷ Рядом приписка: «Сам сочинил. Во! 26/VIII–39 г.»

* * *

Стихи об урожае, весенние:

Падает снег на поля,
Синих сугробов немало –
Стёганные одеяла,
Чтобы спокойнее отдыхала
Наша земля.

8/II-47

* * *

Зима была вьюжной,
Весна была дружной.
Всё важно, всё нужно.

8/II-1947, ожидание урожая

* * *

Узка, как грядки, полоса,
Куда ни глянь, стоят леса.
И не услышишь гóлоса
От колоса до колоса.

И каждый колос спину гнёт,
Того гляди, сломается,
Того гляди, зерно прольёт. –
Напрасно пахарь мается.

Соломка редкая жидка,
Наплачешься, настонешься
Из-за мякинного куска.
А по весне – нужда горька –
И кулаку поклонисься.

1947

* * *

В этих бы комнатах с мамой жить
Тихо и радостно,
Всё готово.
Мама б варила, топила жир,
Штопала, шила.
Ни грязи, ни дыр.
Мне бы одно – управляться со словом.

1939

* * *

Ещё не успев перейти за порог
Отеческий, я уже много узнал
Радостей всяких, надежд и тревог.
Угрюмый, коряжистый говорок,
Как разжурчался ты,
Как просиял.

Неразговорчивый заговорил,
Словоохотливый замолчал.

Другой вариант стихотворения:

Ещё не успев перейти за порог
Отеческий, я уже много успел
Узнать всяких радостей и тревог.
Таёжный, угрюмый, родной говорок,
Как разжурчался ты,
Как просветлел.
Неразговорчивый заговорил,
Словоохотливый замолчал.

1937

* * *

Одиноко...
Только поле, только луг,
Да озёра, да болота,
Ни одной души вокруг.

* * *

Кабы я писать умела,
Написала б на луне,
Чтобы каждую минуту
Дроля думал обо мне.

* * *

Друзья, живём мы небогато...
Друзья, покамест небогато,
Не в изобильи мы живём,
Нередко рыжие заплаты
На пиджаки и брюки шьём.

* * *

И враг не слаб и не глуп.
Его шапками не закидаешь.
Не надо горлопанить.
Будем суровы и скромны.
Сильный не кичлив.
Кичливы были паны.
Сталин знает силу врага.
Будем готовы ко всему.

9/II-40

* * *

А мне Москва не легко далась:
Из тундры в берестяных сапогах
Я шёл пешком в осеннюю грязь
К её святым берегам.

1947

* * *

Чтобы этот снег
Шёл без конца,
Чтобы этот ветер
без конца дул,
Я не заслону
от пурги лица.
Я не повернусь –
до конца дойду.

15/XII-45

* * *

Нет, легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным иезуитом,
Чем с жилотделом.

* * *

Мы уже встречаем Новый год,
А в Америке ещё нет.
Он, конечно, и туда придёт,
Он от нас туда придёт.
Мы уже с историей идём нога в ногу,

А Америке ещё искать дорогу.
Отстаёт Америка от нас.

1 января 1947

* * *

«Правда» звонит: напиши, поэт,
Чтоб в каждом слове слеза дрожала,
А у поэта слов нет.
Дайте выплакаться сначала.

1947

* * *

Чёрный снег и чёрные грачи,
А вокруг – от неба до земли
Всё поёт, бульбулькает, журчит
И курлыкает, как журавли.

1947

* * *

Сейчас в вологодских трущобах
Хрустит под подошвою лист
И воздух прозрачен, просторен и чист.
Влюблён я в те дебри до гроба.

* * *

Река моя, где я родился и рос:
От плёса к плёсу,
За плёсом плёс...

* * *

Когда есть вода – весь мир
Кажется и глубже, и шире.
Смотришь в воду,
Что в небо смотришь.

* * *

Хорошо на диво море.
Выйдешь к берегу, к волне:
Горе есть – исчезнет горе,
Радость – вырастет вдвойне.

А к тому же, если ветер
Да суда буравят гладь...
Есть ли что-нибудь на свете
Морю синему под стать?

* * *

Взморье.
На дюнах песчаных
С детства любимый сосняк.
Солнышко из тумана
Не выберется никак.

Зернистый песок в наносах
Настолько уплотнён,
Как будто бы землесосом
Намыт в этой шири он.

Катись на велосипеде
У края, где плещет вода.

Как жаль, что долго не едет
Любимая сюда.

* * *

Положи мне на голову руку.
Хорошо, что ты врач, мой друг:
Не одну душевную муку,
И телесный лечишь недуг.

Может, жизнь доживать с тобою...
Припади же к моей груди,
Чтобы сердце моё перебоев
Не давало больше, –
Следи.

1945

* * *

И в лесу соревнование,
Недосуг народу спать,
Только песни нет,
С дыханием
На ветру не совладать.

Дали ухают и ахают...
Минет день – ещё одна
Полосою ляжет вспаханной
Вековая тишина.

Ноябрь 1948

* * *

Это был знаменитый пир
Даже для здешних мест,
И если не на весь мир,
То на весь лес.

Так он радушен – русский хмель, –
Если уж пить так пить!
Я рад был каждую сосенку, ель
За стол с собой посадить.

1948

* * *

Проклятое косноязычье! Снова
Я не сумел произнести ни слова.

А как всё ясно было в голове
И хорошо до самообольщенья.
Услужливо вилось воображенье:
Шла фраза к фразе, как глава к главе,
И только по предательски волненье

Всё нарастало.
Бледность по лицу
Уже ползла, уже рука дрожала,
И самому мне скоро ясно стало
Что приближаюсь к жуткому концу
До выхода задолго, до начала.

Да, что это такое!
Я в боях
Так не робел, как в зале, на народе,
И это заиканье, этот страх
Как будто и с годами не проходит.

24/XII-1948

* * *

Мне бы крылья, чтоб взлететь,
Мне бы голос, чтоб запеть!
Крылья есть,
И голос есть,
А чего хочу – невесть...
Душу надо окрылить,
Этих крыльев не купить.

1949

* * *

Для начальников могу писать я речи,
Их они читать с трибуны будут,
Но стихи взвалю себе на плечи.
Не начальникам они нужны, а людям.

1957

* * *

Мне надо через всё пройти,
Всё испытать:
Покой и бой.
И не утратить
Желанья жить,
Желания писать, любить –
Не потерять охоты человеком быть.

1957

* * *

Поэзия!..
Вряд ли припомню,
Когда это всё началось.
Поэзия! Как нелегко мне
В голодной деревне жилось.

1958

* * *

Боже, как много в мире красивого.

* * *

Да, я не продаюсь, не покупаюсь:
Весь плоть от плоти сын своей земли, –
И разве мы, под танками взрываясь,
Самосожженцев осуждать могли?..

1958

* * *

Нелегко наперёд загадывать,
Страшно клясться и обещать,
Но клянусь:
Ничего не откладывать,
Даром времени не терять –
И стихи и прозу писать.

1958

* * *

– На Колыму?..
– Давай на Колыму!
– Или в Норильск?..
– Да хоть в огонь и воду! –
Одно лишь твёрдо надо знать ему:
Что будет польза от того народу.

1958

* * *

За всё отвечать настала пора:
За то, что когда-то я промолчал,
За то, что кричал во весь рот ура,
А караул не кричал.

1958

* * *

Безудержное хвастовство и ложь, –
А разве это не одно и то ж?

1959

* * *

Трудно быть в бою солдату,
Смерть уже смотрела в лицо,
Но в решительный миг гранату
Он успел рвануть за кольцо.

И упав под берёзой белой,
Он шептал про себя: – Живой!
А в душе всё светилось и пело.

* * *

Десяток лет
И два десятка
Спокойствия и тишины,
А я,
Как та вдова-солдатка,
Всё не опомнюсь от войны.

1959

* * *

Дай разок пройдуся с косой,
Лишь сниму ботинки,
Чтоб, как встарь, ногой босой
Чувствовать травинки.

Другой вариант стихотворения:

Дай пройдуся разок с косой,
Но сперва сниму ботинки,
Чтоб, как встарь, к ноге босой
Липли влажные травинки.

* * *

Нас по утрам будили птицы,
Шум сосен освежал.
Умывшись ключевой водицей,
Мы на покос артельный шли.

* * *

Давно обходимся без Бога:
Чего просить?
О чём молить?
Но в сердце веры хоть немного,
Наверно, надо б сохранить.

1958

* * *

Настежь открытая миру душа,
Как ты была чиста, хороша!

1958

* * *

И я нередко с совестью не ладил
В угоду прихоти и плоти ради,
И мне, наверно, надо бы поныне
Грехи свои замаливать в пустыне.

1958

* * *

По грязи, по снежным завалам,
Чтоб зной души остудить,
Всю жизнь сюда пешедралом
Мне суждено бродить.

1958

СТИХИ ПРО ДЕРГАЧА

Он полсвета прошёл пешком,
Чтоб сюда подоспеть к весне.
К речке с лужком, с бережком
В нашей негромкой стороне.

Потому что здесь его дом,
Здесь он вылупился из яйца,
То же самое и со мной –
Каждой весной
Хоть пешком да поспеть сюда.

1961

* * *

Сегодня в Блуднове – Николин день, –
Гости, столпотворение.
А мне надо высидеть свой трудовень –
Написать стихотворение.

Хожу, как священник,
Из дома в дом,
Пивом и брагой чествуют.
Вырвался вот...
Но – поют, поют под окном,
Мешают.
А, может, содействуют?

Хромки да венки. Цветные мехи.
Пиво – и всё, что следует...
Девушек лучшие женихи
Плениют велосипедами.

Только что грузовик привезли
Новенький, из Великого Устюга,

И вот уже Вася шофёр в пыли,
Упившись, лежит под кустиком.

А у девчат – выраженья лица,
Бусы – цветные горошинки,
Шёлком подкладочным жгут сердца,
Если б ещё и кокошники.

Парни затеяли драку,
Сбросили пиджаки,
Но всё для того лишь,
Чтоб посмешней, наверняка
Сняться,
Попасть на киноплёнку.

Всех снимаю,
Радуги, а не парочки.
Мне – экзотика,
Им одно –
Будут ли фотокарточки.
Мне сарафаны больше нравятся.

22/VI-1958

* * *

За границу тоже не ездук,
Я родился при социализме,
А в душе прорва всякой дряни:
Запустенья, мерзость, пережитки – чьи?

* * *

Берёза уживается с сосной.
Всё в наших рощах дико и прекрасно.

Считают: мрачно в стороне лесной.
У нас в краю и солнечно, и ясно.

Теперь жалею – мало я писал
О нём, неповторимом, многолесном,
Не то, чтоб красоты не замечал,
Боялся, что не будет интересно,
Что всё давно известно повсеместно.

1962

РАННИЕ РАССВЕТЫ

Великое устье Юга-реки,
Великий Устюг – отчизна поэтов,
Далёкие милые огоньки,
Холодные краски ранних рассветов.

Не покидая родного угла,
Имели мы всё, в чём нуждалась юность:
Так Сухона Волгой для нас была,
Яиково²⁸ – горным хребтом тянулось.

В глубокие тёмные колеи
Боялись ли мы когда оступиться?
И в Вологде есть свои соловьи,
Свои журавли и свои синицы.

Не критики нас за руки вели –
Учителя хвалили сурово.
Давайте ж поклонимся до земли
Раисе Ивановне Шируновой!²⁹

²⁸ Яиково – микрорайон города Великий Устюг.

²⁹ Р.И. Ширунова – одна из любимых учительниц Яшина.

Мы воспевали метели и снег
И верили каждой светлой примете,
Что не было,
нет
и не будет вовек
Важнее стихов ничего на свете.

1959

* * *

Тебе со мной – беда.
Не знаю, будет ли легко,
А скучно – никогда.

1958

* * *

В многообразии бытия
И мы для кого-то несовершенны:
У каждого свой шесток во вселенной,
И правда своя,
И кривда своя.

1959

* * *

Наивные! Знать бы заранее,
Какой мы берём обет!
Немыслимей испытания
На свете, наверно, нет.

И сколько бы мы ни силились,
Должна была правда всплыть,
Что мы не такие красивые,
Какими хотелось быть.

1959

* * *

В тот день у друга на могиле
Мы многое обговорили горького (шутили, решили),
Одно думали, на одном стояли,
И разногласий не было.
Но вот – один согнулся, смолк, озлоблен,
Другой, как жил, так и живёт,
Третий пошёл на верха, обласкан, бронзовея, – подачки.
Лишь я один донине, как тот неопытный певец,
чего-то ищу, о чём-то грущу.
И ризы влажные сушу³⁰.

30/VII-59³¹

* * *

Пути поэзии трудны,
И всё ж мы за неё в ответе –
Кому-то и стихи нужны,
И я не зря живу на свете.

1959

³⁰ См. стихотворение А.С. Пушкина «Арион».

³¹ Из дневника А. Яшина: «Стихотворение о том дне, когда мы впятером были на могиле Фадеева».

* * *

Я бы мог сочинить
не один том
И построить бы смог
не один дом.
Только дело в том –
кто поселится в нём,
Кем прочтётся и как,
что далось трудом...

1959

* * *

А я пишу стихи,
Которым
Увидеть свет не суждено:
Замыслы, размах – роман в стихах...

1960

* * *

Листья разные –
Жёлтые, красные,
Резные, фигурные,
Огромные...
Миниатюрные.
Зори ясные...

1959

* * *

Вода живая,
Дождевая
Шумит, дороги заливая.

1959

* * *

Много планет, а Земля одна,
Солнце – одно навеки.
Только одна на всю жизнь дана
Родина человеку.

1959

* * *

Река невидна, неказиста,
Неширока и мелка,
Только песок зернистый,
Какая уж тут слава.
А это, оказывается, исток.
Это же ВОЛГА.

1962

* * *

Хотелось жить везде –
На Севере, в Крыму.
И возводить дома,
И землю обживать.

17/IX-1966

* * *

Завтра лететь в Архангельск.
Архангельску:

Здравствуй, родина,
Что ты думаешь?
Чем живёшь, расскажи сынку.
Не таи, скажи.
Я тебя не узнаю.
Город мой родной,
Как замороженный стою
Над Двиной.
Волнуюсь, будто на свидании.
Первая моя любовь, Родина моя,
Родина моих стихов³².

Изъездил всю страну,
Много увидел,
А то, что было рядом,
Всё как-то не доходило до меня.
Не видались десять лет.
Вам, живущим здесь,
Не понять меня.

1964

* * *

Спокойно и ровно
Любить не умею.
Любовь моя –
Словно
Гиря на шею.

1961

³² «Родина моих стихов» – первая книга стихов Александра Яшина «Песни Северу» вышла в г. Архангельске в 1934 году.

* * *

Я снова влюбился в свою жену,
И – ничего, кроме радости.
Опять за собою везде тяну,
Дарю ей цветы и сладости...

1963

* * *

Всё во имя совести,
Всё во имя чести.
Всё – от первой повести
До последней песни.

1963

ДЛЯ СТИХОВ

Жестокая двуликая эпоха,
Два лагеря, два мира – их и наш,
Порядочность и подлость, бесчестье,
Есть относительность и абсолютность,
Продажность и неподкупность,
Безбожие и вера, смех и грех.
Но доступно это и понятно не для всех.

Есть простодушие и преступность,
Есть простота и подлость –
Продажность...
Неподкупность и коррупция,
Раствление, перерождение,
Есть мир и антимир...
Как хорошо в лесу.

1964

* * *

Держите высоту,
Когда её набрали, –
За вечных льдов черту
Не все шагнуть дерзали.

На этой высоте,
Когда взялись за дело,
Держите в чистоте
Своё лицо и тело.

1965

* * *

Ведь, кажется, не боюсь ни черта.
Но есть темнота,
И у той черты
Вдруг сердце захватывает пустота,
Как перед прыжком с высоты.

Как неизвестность она черна,
Та темнота, куда я попал,
Как будто космическая глубина,
Где ни концов никаких, ни начал.

3/1-1960. Конаково, остров рыбаков

* * *

Юбилей мой прошёл не отмечен,
Засекреченным,
Даже без вечера, –
Но друзьями он был замечен,
Стало быть, и жалеть о нём нечего.

1963

* * *

Трофеями торчат
На складах неликвиды,
Писатели молчат,
Строчат же инвалиды...

1966

* * *

Скучный и злой, наверно, был
Тот, кто надел мундир,
«Мёртвой природою» окрестил
Весь этот добрый мир.

Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.

1962

* * *

И пусть парадоксально
Звучит,
Но так сказалось:
Так мало жить осталось...
Согласен быть опальным,
Но только бы писалось.

* * *

Люблю выходить из лесу
К поезду, к насыпи, к линии...

Весь в росе...
Может, кто-то махнёт рукой.
Поезда идут -
Дачный, дальний, другой какой.
Вдруг мне кто-то махнёт рукой.

1966

ТИМОНИХА

Деревни - как сказания,
В длину и ширину.
Уже одни названия
Плотны до основания,
Что сруб -
Бревно к бревну.
Тимони́ха, Лобани́ха,
Тетери́ха, Печи́ха -
В них что-то есть от Пале́ха,
От песни тихой.
И все - по кромке берега
На Сохте неглубокой,
Извилистой, негромкой,
Затянутой осокой.
От этой речки быстрой
Любого мужика
Вводи в Совет Министров,
В Политбюро ЦК.
А я живу в Тимонихе
У Васи у Белова...
Там избы, словно бабы, -
Добротны и плотны,
А бабы, словно избы, -
Степенные.
Коли не Колотиловы,
То уж Колоколёны:

На песни волокнистые,
На сказы – мастера.
Тимониha, Тимониha,
Домов, наверно, пять.
И некому в Тимонихе
Домов пересчитать.

1966

* * *

Решишься,
надумаешь
уйти из леса –
ещё грибок:
из жизни
вычеркнется,
ещё одна радость.
А осень всё глубже,
Грибов всё меньше.

Только захочешь вернуться домой,
А под кустом гриб,
И снова с корзиной будто с сумой
Ходишь по роще,
Как от окна к окну.

* * *

Художник нарисовал картину:
Осенний лес, сырая земля,
Охотника с собаками,
А ему говорят: пахнет красками,
А не осенью.
Значит, картина не удалась,
Художник рвёт её.

22/X-1966

КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ³³

Восход.
Взвилось, забрезжило –
Косящий глаз, и хвост по ветру,
И пламя дня...
А у меня
Перед глазами опять стоит
«Купанье красного коня».

Над лесом зубчатым, как пламя,
Проклюнулось начало дня.
Опять стоит перед глазами
«Купанье красного коня».

В закате неба половина,
И снова языки огня.
А у меня в глазах картина
«Купанье красного коня».

Неповторимо яркий почерк,
Всё красное: трава, пески...
Лишь чёрный глаз коня из ночи
Да волны синие реки.

22/Х-66

* * *

Художнику Корбакову

Какая она - вода?
Сиреневая? Зелёная?
Прозрачная?
Затенённая?

³³ Стихотворение навеяно впечатлением от картины Петрова-Водкина «Купанье красного коня».

Холодная, как слюда?
Спокойная и бездонная?
Иль – целина взрыхлённая?
Плугами?..
Да как когда.
А лес, он какой?
А лес?
В нём страхов полно и чудес.
Каким он живёт настроением
С рассветом и в затемнении?
Вот белый холст, просторный, незаписанный.
Ни линии, ни точки, ни мазка.
Что будет здесь и от чего зависит?
Быть может, речка потечёт?
А может быть, поэт стихи прочтёт?..

1967

* * *

Посмертно награждать спокойней:
Не начудят, не подведут,
Как посвящать стихи покойным, –
Не бросят и не предадут.

1967

* * *

Нужны не обряды дружбы,
А дружба до самых основ,
Не праздничная, не по службе,
Не ради красивых слов.

1968

* * *

Не человека – цыплёнка спас,
И то в душе Воскресение,
Просветление,
Хорошее настроение.

* * *

Я живу на сосновом, на гривистом,
На обрывистом берегу,
Где поют соловьи так залиvisto,
Что и в полночь спать не могу.

1964

* * *

Запой, соловушка, запой
В подлеске
За моей избой.
И пусть поэзия моя
Достойна будет соловья.

1964

* * *

Затянуло пашню,
Словно заводь илом.
День мой, день вчерашний
Мусором забило.

1966

ВСТУПЛЕНИЕ

Я столько лет ни строчки не писал,
Мечтал о большой поэме,
Как мечтают в юности
О большой дороге,
О большой любви,
А не было не то что темы,
Чего-то не хватало, а чего,
Сам не могу сказать.

И вот пришло она или оно,
То самое, о чём мечтал давно.
Заволновался так, что
Могу ночей не спать,
Не посещать кино.
А я робею:
Не одолею!
Может, одолею.
К кому взывать о помощи?
К жене или к Богу?
Дай Бог здоровья!
К чёрту заседанья.
Сажусь!
Давай, жена, мне кофе и кефир.

22/II-1965

* * *

Это молодость или старость?
Не стихает жажда любить.
Потому ль, что мало осталось
Мне на этом свете пожить?

НАД КРУТИЗНОЙ

Измученный, издёрганый,
изломанный,
перекрученный,
кривой, корнями
измочаленный,
в изнеможении, в напряжении
цепляюсь корнями за
почву каменистую из
последних сил.

* * *

В щели жизни моей
Задувает ветер,
А щелей с каждым годом больше,
И они всё шире,
И ветер уже не просто сквозит,
А воет и свищет.

1964

* * *

Снова чёрная полоса –
Жизнь мутна,
будто море в бурю;
Чёрный след
через леса...
Небеса
Не балуют лазурью.

1966

* * *

На вторую свадьбу к дочке не пойду,
И одной довольно на мою беду.
Новых соискателей в доме не приму,
Пусть живут, где смогут, –
Не в моём доме.

1967

* * *

Хорошо, когда не спится
Не от хвори, не от горя, а от счастья.

* * *

Все ушли,
Я опять один.
Только письма да папиросы,
Да всё то, что оставил сын...
И всё те же вопросы, вопросы.

1966

САШЕ

Не распускайтесь, листочки,
Не доверяйтесь до срока,
Ещё до весны далёко
И обожжётесь жестоко.

10/V-67

* * *

Каждому в жизни что-то дано.
Много ли, мало ли –
дано на всю жизнь.
Это – привычное.
Это – своё.
Так и твоя любовь:
она – как свой дом,
как здоровье своё.
И ведь в голову не придёт,
что дом может сгореть,
а здоровье сойти на нет.

* * *

Сплю на овчине,
Прикрыт овчиной,
Себя самого
Зову молодчиной.

1966

* * *

Поэт не может быть спокоен,
И счастье не для него.
Он вечный схимник, мученик, воин,
Самосожженец, он – самоед.
Сам себе каторга,
Сам себе тюрьма и ссылка,
Сам обвинитель и прокурор.
Сидят судьи, спинки с гербами.
За что судите,
Мало ему ещё своего суда?

Январь 1966

* * *

Борок впереди
Такой незнакомый,
А только войди –
И будешь, как дома.

1968

* * *

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Освети ты землю-матушку,
Обогрей нас, добрых молодцев.
Пахарей, косарей, рыбаков.

Свети, свети, солнышко,
Не закатывайся.
Люби, люби, девушка,
Не закаивайся.

1960

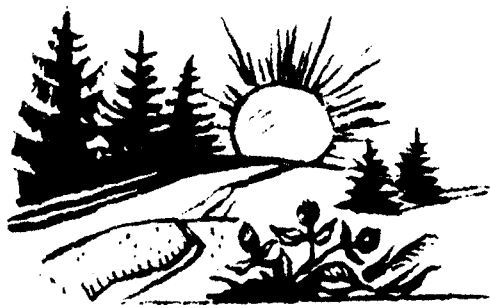
* * *

Ой ты, Русь, моя Русь, –
Ноша невесомая!
Насмеюсь, наревусь –
У себя дома я.

1967

ПРОЗА

ЖУРАВЛИ

Сила слов

Были в детстве моём и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе.

Когда с полей убрали хлеб, поля становились шире и светлее, чем прежде, горизонт отодвигался куда-то вдаль. И над этой ширью и золотом появлялись треугольники журавлей. Для детей это время птичьих перелётов всегда празднично. Мы выбегали из домов, неслись за околицу и кричали вдогонку журавлям:

Журавли, журавли,
Выше неба и земли
Пролетайте клином
Над еловым тыном,
Возвращайтесь домой
По дороге прямой!

Или много раз повторяли, приплясывая, одни и те же слова:

Клин, клин журавлин,
Клин, клин журавлин!

Птицы шли по небу ровно, спокойно, красиво.

Но находились озорники, которые не желали добра птицам, хотели расстроить их порядок. Бывало, какой-нибудь босоногий заводила вдруг вопил истошным голосом:

Передней птице
С дороги сбиться,
Последнюю птицу –
Вицей, вицей.
Хомут на шею!
Хомут на шею!

Или:

Переднему – хомут на шею,
Заднему – головешку под хвост!..

И часто журавлиный треугольник неожиданно начинал ломаться, птицы, летевшие сзади, рвались вперёд либо уходили в сторону, а вожак, словно испугавшись, что он остался впереди совсем один, круто осаживал, делал поворот и пристраивался в хвост колонны. Мы удивлялись силе наших слов, визжали от удовольствия. Но кто-нибудь из взрослых давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

Клин, клин журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнивались.

И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди, затяжные, упрямые, начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету недоставало даже в полях, и утром, и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость пронизала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню, на луговую отаву. Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам. Где же бабье лето? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах?.. Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели...

Но вот выдался солнечный денёк. Потом другой, третий... И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно жёлтые. Как-то утром, проснувшись, моя дочка глянула в сад на засверкавшую осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закужилась и листва в воздухе, облетели осинки, бе-

рѣзки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и откуда ни возьмись на опушку рощи выступили вдруг ёлочки.

А солнце с каждым днём становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглянет, как начнёт наводить порядок – не налюбуйешься, не нарадуешься.

Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Всё-таки взяла осень своё и на этот раз: появились над полями птички треугольнички. Станным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Всё устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить да жить, а вот улетают.

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу – нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту.словно самолёт пронёсся близко, – завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребятишки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал, правда негромко, почти про себя, но всё-таки вслух шептать слова, которые знал с детства: «Клин, клин журавлин! Летите не сбивайтесь, домой возвращайтесь!.. Путём-дорогой! Путём-дорогой!..»

И вот уже выправились журавли моего детства, угомонились их вполоснённые голоса, и, благодарные, полетели птицы всё дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путём-дорогой.

1954

СЛАДКИЙ ОСТРОВ

КОГДА МЫ УЕДЕМ?

Мы не знали, куда едем, какой такой необитаемый Сладкий остров вдруг обнаружился в Белозерье и как мы там будем жить. Думалось – едем дней на десять, не больше. Отдохнём, половим рыбку – и обратно. Почему-то представлялось, что этот остров находится вблизи Кирилло-Белозерского монастыря, куда в своё время не раз наезживал Иван Грозный, где отбывал ссылку патриарх Никон; либо этот остров около другого архитектурного памятника русской старины – Ферапонтова монастыря, в котором ещё и поныне живы фрески гениального Дионисия.

Казалось даже, что Сладкий остров находится на самом Белом озере. Но на Белом озере никогда не было и сейчас нет никаких островов.

Сладкий остров мы нашли в не менее примечательных местах – на Новбозере. И не там и не таким, каким представляли его по рассказам. Обычная история: сколько ни читаешь, сколько ни слушаешь о чём-нибудь, а когда сам увидишь и испытаешь – оказывается всё не так. Северные сияния видали на картинках, все видали, и читали о них много, все читали. А, уверяю вас, они совсем не такие, какими вы их себе представляете. Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представления о войне, пока я на ней сам не побывал. Зато, побывав и в огне, и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передает состояние человека па войне.

Итак, мы переправляемся на лодках из деревни Анашкино на Сладкий остров сначала в большой компании. Почему остров этот называется Сладким? Всегда ли, для всех ли он был сладок?

Местные люди рассказывают, что вблизи острова Сладкого, на острове Красном, процветал в своё время Новозерский монастырь. О красоте его можно судить по сохранившимся до наших дней крепостным стенам, которые вырастают прямо из

воды, и по остаткам церквей и прочих монастырских заведений. На каком бы берегу Новозера люди ни находились, на низком, болотистом, где собирают клюкву и морошку, на лесистом ли, высоком, где грибы и малинники и всякая боровая дичь, – отовсюду, конечно, видны были золотые луковки куполов и далеко по озёрной глади разносился медный гул и звон с высокой колокольни – «малиновый звон». Красного острова, по существу, не было и нет – не было ни клочка голой, не огороженной камнем земли. Просто посреди озера вознёсся к небу сказочный град-крепость, будто один расписной волшебный терем, подобие которому можно найти лишь на самых замысловатых лубках и древних иконах. Он был весь «как в сказке» и в то же время был на самом деле, существовал, красовался.

А на примыкающем к монастырю, тоже небольшом, но совершенно плоском и очень зелёном островке господствовало и процветало православное купечество. В престольные праздники, особенно в дни Тихвинской, здесь работали и лавки, и палатки, и лотки, бродили шумные коробейники – шла оживлённая торговля. Купить можно было всё – от заморских шалей и полушалков до детских пряничных петушков.

Но особенно славились новозерские базары сладкими винами и сбитнем. Что такое сбитень, выяснить точно не удалось. Это какой-то безалкогольный горячий напиток, приготовленный на патоке или подожжённом мёде со специями, с пряностями. Может быть, это нечто вроде кока-колы или наших ситро и лимонада. Продавали сбитень, как и всё другое, с шуточками-прибавочками: «Сбитень горячий пьют подьячие; сбитень-сбитенёк пьёт щеголёк!» И верно, горячий сладкий сбитень любили все, от старого до малого, сладкие леденцы и пряники тоже.

Христоробивым чадам, только что приобщившимся к святым тайнам и отведавшим сладкого причастия, не менее сладкими казались и русская горькая, и сивуха. Большие народные гулянья с торжественными обрядами и недолгие пиры скрашивали нелёгкую крестьянскую жизнь – в престольные праздники, на миру, она казалась порой и обильной, и сладкой. Потому будто бы и остров этот стали звать Сладким. Так рассказывают старые люди.

Позднее оба острова были использованы для других надобностей. А сейчас монастырская крепость пустует. Летом в её стенах сторож Сергей Фёдорович, колхозник из деревни Карлипки³⁴, заготавливает сено для своей личной коровы – это его собственное угодье, и тут никто ему не указ.

Опустел и Сладкий остров. Догнивают на корню и рушатся берёзовые аллеи. Догнивают и разваливаются всевозможные постройки, постепенно исчезает разное мелкое имущество. Всё оно не бесхозное, всё где-то зарегистрировано, занесено в книги, но бывшим хозяевам оно теперь ни к чему, а передать его тем, кому оно необходимо или может пригодиться, они не удосужились. Вероятно, когда все служебные помещения, жилые дома и прочие постройки догниют, а имущество будет до конца расхищено, – всё будет просто списано по акту, как непригодное. Так у нас часто ведётся.

Поговаривают, что после этого на Сладком острове будет строиться дом отдыха леспромхоза или Вологодского отделения Союза писателей, либо колхоз организует здесь крупную утиную ферму.

Первое, что нас поразило на острове, – тишина.

Приехали мы туда поздно вечером, и это особенно усилило впечатление удивительной устойчивости, неколебимости всего, что нас окружало. Воздух был неподвижен, вода тоже. На Новозере даже ряби никакой не было, не только волны, разве что иногда рыба всплеснёт. Деревья стояли на земле прочно, ни один листочек не вздрагивал. Свистели утиные крылья, да гудели, пели, звенели комары. Комариный писк воспринимался как вечный шум в морской раковине, как пение самой земли. Он не нарушал тишины, а только подчёркивал её. Ночью вокруг озера запели петухи да где-то далеко-далеко вскрикивали журавли.

Эхо отзывалось на всякий звук. В горах эхо, кажется, присутствует всегда, оно не исчезает. А здесь эхо – гость нечастый,

³⁴ Карлипки – так местные переименовали новое название своей деревни: «Имени Карла Либкнехта», не в состоянии выговорить его. По старому она называлась Кобылино.

и потому, когда оно появляется, с ним хочется разговаривать, дурачиться и детям и взрослым.

– Какой цветок вянет от мороза? – кричит почтенная мать семейства. И радуется, когда эхо отвечает ей: «Роза! Роза! Роза!»

– Что болит у карапуза? – озорно вопрошает отец.

«Пуза!»

Ах, до чего весело, до чего остроумно!

И вдруг эхо замолчало. Почему?

Старший сын едет за молоком, и в вечерней тишине плеск вёсел разносится по водной глади и повторяется многократно. Это тишина. Что может быть дороже тишины на свете?

Посмотрите кинокартину «Встреча с дьяволом» – люди, побывавшие в кратерах действующих вулканов, утверждают, что самое большое в мире достояние – тишина. Я понимаю их. Я живу в большом городе.

Тишина осталась и утром, и на весь день и уже казалась непреходящей. Утром по берегу из деревни Карлипки в деревню Анашкино и дальше к деревне Артюшино – центральной усадьбе колхоза «Заря» – проходила грузовая машина с молоком, только одна грузовая машина – вот и весь шум, а хватало его на весь день. След машины отмечался скорей не шумом, а пылью. Пыль, как дым, клубами поднималась над лесом вдоль берега озера и долго-долго не рассеивалась. По пыльному следу хорошо было видно, где проходит дорога, все изгибы, все неровности её.

Но до Сладкого острова не доносилась и эта пыль. Здесь воздух был абсолютно стерильным. И потому так ярко горели здесь закаты и восходы, тысячекратно повторенные в воде. Весь остров просвечивался, вода была видна отовсюду, и он всю ночь сиял в огнях снизу доверху – летние ночи здесь очень коротки. Не успевал потухнуть закат, как рядом с его кострами возникало зарево восхода.

– Когда же мы спать будем? – радостно и встревоженно спрашивали мы друг друга.

Для детей наших, питомцев большого города, всё казалось особенно диковинным и волнующим.

– Как? Это и есть белые ночи? Значит, мы уже на Севере?

Мы облюбовали один из домов, заняли половину его, нанесли в комнату, предназначенную служить спальней, свежего сена, расположились и сказали себе:

– Десять дней мы здесь проживём. Это уже ясно. Сможем ли только уехать отсюда через десять дней?

Новый быт складывался сам собой. Мы стали ходить сначала в трусах и майках, потом только в трусах. Затем перешли к плавкам, чтобы лучше загореть. Под конец кое-кому и плавки показали лишними. Умывались мы в озере, завтракали на берегу озера прямо у костра. Купались по нескольку раз в день. Обыкновенные пластмассовые мыльницы нас перестали удовлетворять, и мы заменили их створчатými ракушками. Любой кусок мыла на перламутре казался совершенством. Зубы продолжали чистить, но неохотно, – вероятно, надо было заменить простой зубной порошок святым озёрным песком.

Миша мыл руки в озере и удивлялся: не скрипит.

– Почему-то мыло не смывается? – спрашивал он.

– Потому что здесь вода очень мягкая.

– Как это мягкая?

– Не могу тебе объяснить, – в свою очередь, удивлялась мать. – Наверно – ласковая!

– А, понятно! – удовлетворялся Миша.

Конечно, легко сказать: завтракали, обедали и ужинали на берегу озера, прямо у костра. Но ведь скатерти-самобранки у нас с собой не было. Не захватили. Значит, кто-то должен был разжигать костёр, готовить завтраки, обеды, ужины, мыть посуду. Кто же? Конечно, мать. Мать и на озере оставалась матерью. Отдыхала ли она сама – трудно сказать. Но нам казалось, что она больше всех довольна, что приехала сюда. Она ликовала. Она во всём находила что-то прекрасное и радовалась не одним закатам и восходам. Она сочиняла сказки, сочиняла сказки для всех. Отец, конечно, писать не смог: здесь было слишком хорошо, и это ему мешало. Ему всегда что-нибудь мешало: слишком хорошо – плохо, и слишком плохо – нехорошо. А мать мыла посуду в озере и радовалась: как хорошо – оказывается, и в озере вода течет. Полоскала с мостика наши платки и майки и говорила:

– Удивительно как быстро и легко прополаскивается!

Теперь я понимаю, почему в русских городах, где есть уже и водопровод, и ванны в квартирах, женщины всё-таки предпочитают полоскать бельё в реке, на речке. В Вологде у причалов стоят новенькие обтекаемые катера, теплоходы с канала Москва – Волга, по асфальтированным улицам носятся сверкающие лаком и никелем автомобили, а на берегу реки, напротив педагогического института, вологодские хозяйки, как и восемьсот лет тому назад, с мостков, с дощечек полощут свое бельё, выжимая и перекладывая его с левой стороны на правую, с правой стороны на левую. Складывают его в плетёные корзины и на коромысле уносят домой. Попробуй после половодья не навести мостки в срок – поднимут бунт! Зимой они полощут его в прорубях, обставленных вокруг зелёными ёлочками – от метелей, а потом развешивают на морозе на верёвках. Вот и становится бельё белоснежным и попахивает ледком, морозом. Как хорошо!

Мы радовались всем маминым радостям и на многое смотрели её глазами. Интересно было, когда она вдруг замечала в жизни, в природе, что-то такое, мимо чего мы проходили, не обращая на это внимания. Она часто заставляла нас как бы прозревать.

– Обыкновенная лебеда, а тень от неё богатая, узорная, как от диковинного цветка...

Узнала от рыбаков мать, что лещ – рыба мирная, но хищная, питается насекомыми, червяками, любит жить в траве, в хвоще, а растёт быстро и достигает размеров необыкновенных. Силища у этого водяного вегетарианца страшная. Посмотрела мать на леща, подняла золотистого, влажного, чешуйчатого великана и сказала:

– Вот, ребята, озёрный лось. Заходит он в камыши, как лось в осиновую рощу, питается травкой, личинками, червячками, сам никого не обижает, а его все боятся. Озёрный лось!

– Это надо записать, – сказал папа, – может, пригодится.

Серебристую плотву мама сравнивала с сыроежкой. Сыроежка – гриб вкусный, но портится быстро, легко крошится, белая гребёночка её снизу шляпки осыпается. Плотичку тоже надо немедленно чистить и варить или жарить, не то загниёт. А чуть переваришь – вся разлезется, есть станешь – костей не оберёшься. Некрепкая рыба, что и говорить.

– Записать надо, это интересно: плотичка что сыроежка. А ведь похоже! – восхищался отец, отдавая должное маминой наблюдательности.

Мы купались ежедневно и утром, и днём, и вечером, а почувствовали всю прелесть лишь после того, как выкупалась в озере мать и, выкупавшись, повернулась к озеру и поблагодарила его, а затем наклонилась к воде и поцеловала её. Она сказала:

– Когда купаешься, плывёшь – всё тело пьёт воду.

– Это правильно, – сказал отец, – это надо записать.

А Миша сказал:

– Не понимаю, почему папа писатель, а мама не писатель.

– Что ж, сынок, бывает и так. У нас это бывает, – согласился отец. Он не обижался. Кажется, он думал так же.

ЩУКА

За месяц до отъезда из Москвы папа начал готовиться к рыбной ловле, и у нас не стало денег. Зато появились спиннинг в чехле, удочки в чехлах, садок для рыбы, сачок, наборы всевозможных лесок, поливиниловых и хлоридных жилков, разных блёсен, в том числе даже для зимнего подлёдного лова (это в июле-то!), глубокомер, разные грузила, поводки, карабинчики, колечки, корбочки – чего только там не было! Приобретены были и резиновые рыбацкие сапоги-бродни, с голенищами, которые подвязывались к ремню.

– Чем же я вас кормить буду? – говорила мать, обозревая всё это снаряжение.

– На этот раз кормить буду вас я, – убеждённо заявил отец. – Рыбой!

И вот началась ловля.

Уселся отец на берегу, разложил всё своё хозяйство, опустил садок в воду, закинул удочки – нет рыбы. Посидел он с часок, свернул удочки, перенёс всё добро в лодку и выехал на середину озера, к тресте, – так называют здесь озёрную траву: хвощи, камыши. Слышал он, что где-то около травы на середине озера проходит каменная гряда, на которой хорошо берёт окунь. Об-

любовав местечко, отец опустил якоря – кормовой и носовой (это были шестерёнки от какой-то машины и обыкновенный кирпич). Закрепил лодку на месте и опять принялся за работу. Нет рыбы! Тогда он решил сменить червей: слышал, что окунь любит красных червей. Вернулся отец на берег, разыскал глинистое место, накопал красных червей – загляденье, а не черви, один к одному! – и снова принялся за лов с неослабевающим азартом. Ключуло. Вытащил несколько окуньков, каждый сантиметров на десять в длину, с трепетом опускал их в садок, но скоро заметил, что в садке окуньков нет. Оказалось, что ячейки садка таковы, что сквозь них легко проскальзывает и более крупная рыба.

Многое из закупленного отцом рыболовецкого снаряжения оказалось либо ненужным, либо непригодным. Но каждое утро он вставал на заре и снова отправлялся на рыбалку, как на службу.

– Плохо я сделал, что барометр с собой не взял, – сожалел он уже не в первый раз. – Вот посмотрел бы, и знал, куда на сегодня садиться надо.

Отец от кого-то услышал, что рыба меняет места в зависимости от атмосферного давления: высокое давление – рыба стоит на мели, на солнцепёках; понижается давление – она уходит на глубину. Конечно, без барометра какая рыбалка! Да и крючки казались неподходящими – и великоваты, и не острые, и цвет у них не тот. Вот если бы раздобыть где-нибудь крючки норвежские, или чехословацкие, или датские – вот это крючки! Для таких и наживка не обязательна. А есть ещё крючки с искусственными червями – класс!

- Папа, возьми меня хоть раз! – попросился как-то Миша.
- Тебе же скучно будет.
- Я тоже удить буду.
- Клёв плохой.
- Надо же мне учиться.

Удочка у Миши маленькая, полутораметровая, а у папы составная трёхколенная и с катушкой; леска у Миши грубоватая, белая, поплавок простой пробковый, крючок мушечный, а у папы леска цвета воды, поплавок с колокольчиком. Червячков

своих Миша положил в спичечную коробку, а у папы черви в мотыльнице с отверстиями на крышке.

Измерил папа глубину озера, закинул свой автомат, вытянул ноги в лодке, положил в рот мятную лепёшку, сидит посасывает, на поплавок поглядывает, ждёт – не клюнет ли. Нет, не клюёт! Закинул Миша свою хворостинку у самой лодки, потянуло его поплавок – течением, что ли? – под лодку, потом лёг поплавок набок, испугался Миша, не зацепило ли, дёрнул и потащил по воде что-то большое да тяжёлое – и удочка дугой. Папа вскрикнул, схватился за сачок, и если бы не сачок, не поднять бы леща в лодку. А лещ оказался здоровый, золотистый, шириной в две Мишиных ладошки. (После взвесили – килограмм шестьсот граммов). Миша визжит, папа чуть не плачет от радости.

– Как это я успел вовремя сачком подхватить! Если бы не я, нипочём бы тебе, сынок, леща не вытащить на такую удочку.

– Ой, спасибо тебе, папочка! – кричит Миша. – Сейчас я всех вас рыбой буду кормить.

Три дня после этого папа не брал с собой Мишу.

– Мешает он мне! – говорил он.

Мама подумала и сказала:

– Кажется, мы и недели здесь не проживём.

Но папа не сдался, не покинул острова раньше времени, страсть его не остыла, только оставил он удочки и взялся за спиннинг.

Ловля на спиннинг забрасыванием с берега и с лодки удачи не принесла, хотя были перепробованы на авось десятки блёсен. Тогда отец решил использовать спиннинг в качестве дорожки. При этой ловле важно удачно выбрать блесну и установить подходящую скорость, с которой нужно тянуть эту блесну за лодкой, чтобы игра блесны напоминала игру рыбки. По-видимому, для каждой блесны скорости движения должны быть разные.

Поначалу отец сидел за вёслами сам, и по этой причине, только по этой причине, щуки не шли на блесну. Тогда он пригласил за вёсла старшего сына.

– Сколько полагается распускать лески? – спросил Саша.

– Я сам не знаю, сынок. Попробую побольше.

Спиннинговая катушка раскручивалась бесшумно и быстро, и почти все пятьдесят метров жилки скоро были спущены за борт. Результат сказался немедленно – щука попала на дорожку. Это могла быть только щука – рывок был мощным, катушка, поставленная на тормоз, затрещала сильно и нервно и не перестала трещать, пока отец не взвыл: «Назад, назад!» – а Саша не дал задний ход. Вёсла скрипнули, вода забулрила, последние метры жилки размотались, удилище на мгновение выпрямилось, напряжение его ослабло, а потом дёрнуло снова, и оно опять пригнулось к воде.

Отец встал в лодке во весь рост.

– Наконец-то попалась! – торжествовал он. – Миленькая, не сорвись, миленькая, не сопротивляйся! Саша, гребь назад, роденький, назад!

Лодка стала подвигаться в обратном направлении, жилка ослабла, и отец начал сматывать её, то ускоряя, то замедляя вращение катушки.

– Только бы не сорвалась! – молил он. – Главное сейчас – не натягивать сильно, чтобы щуке губу не порвать. Или за что она там зацепилась? Ведь бывает, что щука не берёт блесну, а просто идёт рядом с ней и играет, и якорёк прихватывает её. Бывает, даже за живот или за спину зацепит. В этом случае всё решает мастерство спиннингиста. Вот опять дёрнула, вот потянула!.. – переполошился он. – Только бы не сорвалась! Ну и щучка, я тебе скажу, сынок, ну и экземплярчик! Вот опять потянула. Гребь сильней! Знать бы только, крепко ли она взялась?..

Отец, по-видимому, совершенно отчётливо представлял себе, как огромная щука хапнула блесну, с остервенением сжимающая сверкающий металл в мощных челюстях, рвала и метала и подвигалась навстречу лодке, как стальная торпеда: вот-вот взорвётся, что-то тогда будет... У него выступил пот на лбу, лицо его было испуганным – и, кажется, он не так боялся, что щука сорвётся, как того, что её, такую, придётся в лодку поднимать.

– Главное, Сашенька, на сегодняшний день поймать хоть одну, а там пойдёт. Начать важно, чтоб перспектива была, чтобы мама веру в нас не потеряла. Бросай вёсла, сынок, давай сачок!

Саша бросил вёсла, леска сразу натянулась, отец изогнулся и

начал выбирать её руками. Саша опустил сачок в воду и ждал. Ему тоже стало страшно. Наконец у самого борта лодки из воды всплыла небольшая разлапистая ёлка, украшенная, словно новогодними игрушками, зелёными водорослями, ракушками, тиной.

– Вот, – выдохнул отец, – так я и знал, что это не щука. Непохоже было. Щука, она рвёт, дёргает, а ёлка, понимаешь, просто тянет, тянет и цепляется, потому что лодка-то движется.

Саша тоже вздохнул с облегчением.

– Папа, – сказал он, – может быть, щука всё-таки была? Просто она метнулась на дно и сорвалась, а потом уже блесна зацепилась за ёлку.

– Представь себе, я тоже так думаю, сынок. Всё-таки была щука, и не маленькая. Даже очень большая, прямо тебе скажу. Всегда с крючка срывается только самая крупная рыба, спроси об этом любого рыбака. И хорошо, что мы поволновались, пережили всё это, хоть и не поймали щуки. Мы её тащили, вот что важно! Когда первая схватилась, второй взяться будет уже легче. Значит, блесна хорошая и действовали мы правильно. Завтра начнём сначала.

На другой день они также с утра ходили с дорожкой целый день, но, кроме травы и коряг, ничего им озеро не дало. А вечером пошли за молоком и попутно, когда уже ничего не ждали, ни на что не надеялись, поймали двух щук. Это было началом. Оказывается, и впрямь, важно было начать.

Потом отец научился ловить рыбу и удочками. Мать едва успевала её чистить.

– Теперь дней десять проживём наверняка, – говорила она.

Десять дней отец удил рыбу, не разгибаясь, с утра до ночи. Даже спать некогда было. А после десятидневного рыбного уга-ра появились раки.

РАКИ

Утром по побережью мимо нашего дома пробрела группа деревенских ребятишек, напомнившая нам рыболовов с картины Перова. В мелкой воде ребята переворачивали камни, коряги,

ощупывали руками всякие углубления в берегу и время от времени что-то клали в ведро. Что?

Мы – к ним, к ведру:

– Что у вас?

А у них полведра раков.

– Значит, здесь и раки есть?

– Сколько пожелаете, – важно, по-взрослому сказал один из раколовов.

– Вот как, значит, их ловят?

– Да, вот так, значит, их и ловят!

– А вы любите есть раков?

– Кто же их ест? Мы их для наживки: окуни хорошо берут.

– Здрово! Но почему же мы тут живём, а раков не видим?

– Смотреть надо уметь!

Ребятишки ушли, а мы снарядили целую экспедицию и двинулись по отмели вокруг острова раков ловить. Вместо ведра взяли с собой садок, купленный в Москве, в магазине «Спортсмен-рыболов», и предназначенный для рыбы, но для рыбы-то и непригодный из-за того, что у него слишком крупные ячейки – рыба чуть поменьше ста граммов из него просто вываливалась.

Но раков нигде не было. Мы их не видели. Мы привыкли видеть раков красных, а живые они были не красные.

Первого живого рака в воде увидела мать спустя несколько дней после этого.

– Я счастливая, – хвалилась она, – мне во всём везёт.

Рак вылез из-под мостков, из груды камней, когда мать чистила свежую рыбу. Он был нетороплив и осмотрителен – вылез и пополз к рыбным остаткам, пополз нормально, вперёд, а не назад. Мать ахнула от неожиданности, и он, видимо, заметил её. Его хвост, знаменитая раковая шейка, вдруг быстро-быстро заработал, загребая воду под себя, клешни вытянулись, и рак поплыл, поплыл на этот раз назад, а не вперёд и быстро, как рыба, и мгновенно очутился у самого берега. Теперь его ничего не стоило взять. Но как взять? Чем взять?

На истошный крик матери: «Рак, рак!» – мы сбежались все, как если бы она закричала: «Волк, волк!»

Чем взять рака? Руками? Эге! Дураков нет, он живой! И пока

мы гадали, мудрили, пока нашли сачок – рак исчез, уплыл от берега так же быстро, как рыба. Не такой уж он неуклюжий.

Но после этого случая мы стали видеть раков в воде: оказывается, очень важно было разглядеть первого. Потом от них уже отбою не было. Они попадались даже на удочку, когда мы ловили окуней на кусочки плотвы. Схватит рак наживку, клешнями поведёт, ну, думаешь, сейчас вытянешь из воды какую-то большую рыбу, а это рак, только рак.

Ловлей раков мы увлеклись на несколько дней. О выезде со Сладкого острова опять и думать было нечего. Тревожило только то, что в Москве остались дочери, жалко было, что их нет с нами. Уж мы бы их попотчевали ухой, придумали бы путешествия и по Новозеру, и по Андозеру, угостили бы их раками!.. А главное, некуда было бы нам торопиться – вся семья в сборе. Оттого и торопятя домой, что там кто-нибудь ждёт... кто-то остался.

По утрам мы заглядывали сначала под лодки, перетаскивали их с места на место и собирали раков под ними. Пользовались сачком. Но понемногу стали привыкать брать их руками. Это оказалось не так просто: надо было преодолеть условный страх перед ними. Рак пугал, поднимая свои клешни, и нападал. Но щипки его были слабыми: ухватится он за палец, его и вытащишь. Попробуйте!

Самым бесстрашным из нас оказался младший, Миша, на него условные рефлексy пока не действовали. Он только удивлялся, что живые раки оказались очень мягкими и что они умели быстро плавать.

– Это они скорости переключают! – пояснял ему Саша. – У каждого, видно, есть коробочка скоростей, как у машины.

Раков мальчики научились есть быстро, как семечки лузгать.

ТЫСЯЧА ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

В Новозере было очень много рыбы, но питаться одной рыбой скоро надоело, она, как говорится, приелась. К тому же для шестилетнего Миши из-за болезни почек была противопока-

зана пища, богатая белками. На уху он уже смотреть не мог, ел иногда лишь жареных окуньков.

Из-за этой Мишиной диеты мы, собственно, и побаивались отправляться из Москвы в далёкое путешествие. Но раз уж приехали и заняли на Новозере необитаемый островок – Сладкий остров – и погода была на редкость хорошей: мы купались по нескольку раз в день, и загорали, и жили всласть, – то надо было подумать не только о рыбе, но и о мясе.

Председатель колхоза, на земле которого мы устроились летовать, сам предложил нам либо гуся, либо утицу, либо курицу на выбор. Молоком и творогом мы пробивались на соседнем островке, на котором жили-были старик со старухой.

Колхозная птицеферма находилась от Сладкого острова километрах в трех. Мы отправились туда на лодке втроём – я, Саша и Миша, то есть отец и его сыны.

Уток и гусей считали в колхозе тысячами, кур и того больше. Район в течение одного года резко увеличивал производство мяса, и колхозам разрешено было часть птичьего поголовья сдавать на сторону, помимо плана: всё равно для трудящихся, для рабочего класса.

– Прибыльное ли это дело – гуси и утки? – спросил я бригадира, человека немолодого и, по-видимому, в колхозных делах сведущего. В недавнем прошлом он сам был председателем колхоза, одного из тех двенадцати, которые объединились в нынешнем укрупнённом.

– Пока не очень прибыльное! Не очень! Не прибыльное! – ответил бригадир. – Новое оно для нас – дело это. Цыплята привозные, по четыре рубля за штучку. Инкубаторные, растут без отца, без матери, вроде приютских ребят, сироты. Ну идохнут. В чём причина, не выяснено. Кормим, даже рыбий жир даём против авитаминоза. Специалистов привозили – ничего сказать и они не смогли. Может, партия яиц попалась плохая, потомство слабое. Конечно, убыток. Посудите сами: за матку платили по тридцать восемь рублей, а на мясо сдаём утицу за двенадцать рублей; вес её – килограмма два. Маток оставляем на зимовку штук пятьсот, на каждую уходит семьдесят килограммов пшеницы. Яиц они почти не несут. Линяют раньше срока. Куда что

девается? Убыток один. Но дело это новое, поэтому все списывается по акту.

– И семьдесят килограммов пшеницы списывается?

– Как же, приходится. И рыбий жир списываем.

Бригадир рассказывал обо всём этом с точным знанием дела, памятьливо, с цифровыми выкладками и с таким искренним огорчением за колхоз, что я решился спросить:

– Простите, но ведь за всем не уследишь. Может, не всё птице перепадает, что ей положено?

Бригадир огорчился ещё больше:

– Ну что вы! Ни утки, ни гуси, ни куры не обижены. Уток моя жена сама кормит. На моих глазах. Тут злоупотребления исключены.

Мы решили взять для Мишиной диеты двух кур. Бригадир предложил петуха и курицу. Мы согласились. На птицеферме начался переполох. Птичница ловила то курицу, то петуха, бригадир сам ощупывал их и браковал:

– Давай пожирнее. И где ты таких драных находишь?

Птичница молчала, ловила следующих. Наконец и петух и курица были отобраны. Мне они не показались жирнее предыдущих, но были красивы, кремово-белы.

Хороши были обе птицы. У петуха, конечно, был королевский вид, и красная раздвоенная борода, и красная корона на голове. Но ежели петух – король, то курица выглядела королевой. В ней было столько врождённой женственности, что её гребешок скорее походил не на корону, а на старинный северный кокошник. Узорчатый зубчатый верх кокошника свешивался на сторону, словно бархатные кисти и расшитые бисером многоцветные подвески.

Миша повизгивал от радости.

– И у царицы есть борodka, – кричал он, – только маленькая. Ну дайте же мне подержать курочку, я всю свою жизнь не видел её так близко!

Петуха он пока побаивался.

Но и петух и курица были предназначены для заклания, поэтому четырёхклассник Саша считал необходимым держаться в данном случае солидно и покровительственно относился ко

всем Мишиным восторгам. Он только с пониманием посматривал на отца: пускай, дескать, малый потешится, от этого аппетит его хуже не станет. Отец сам любовался птицами и почти по-детски радовался им, будто видел таких впервые. Он в своё время учился довольно долго, но в жизни чаще всего требовалось знание только четырех действий арифметики, и ничего больше, поэтому его образование в настоящее время уже сравнялось с образованием старшего сына, четвероклассника.

Птиц, не связывая, положили в мучной мешок, и Миша понёс их сам, сначала осторожно, на вытянутых руках, впереди себя, а потом просто перекинул их через плечо.

В лодке на середине озера курица выбралась из мешка. Первым заметил её Саша – он сидел на корме с доской вместо рулевого весла, а мешок с курами лежал на носу, за спиной отца, который сидел на вёслах.

– Курица, курица! – вдруг завопил Саша. – Улетит!

Все обернулись. Курочка сидела у борта лодки и недоуменно осматривалась. Кокорник и бородка её были белы от муки. Она никуда не хотела лететь: кругом вода, ни земли, ни крыши. Она казалась совершенно спокойной, но когда её стали брать в руки, она всполошилась, закудахтала: «Куда, куда, опять в мешок?!» – и попыталась ринуться в озеро. Все-таки свобода, даже куриная, была ей дорога.

Миша радовался, ещё больше кричал, визжал, кудахтал.

– Ой, спасибо вам, товарищи! – то и дело говорил он отцу и брату.

Саша покровительственно улыбался.

На острове нас встретила мать. Смертельно уставая возиться с утра до вечера с рыбой, с рыбьей чешуей, с рыбьими костями и колючками, из-за которых у неё болели все пальцы на руках, она обрадовалась не так нам, как птицам.

Начался детский шум, рассказы вперебой, взхлёб, словно мы вернулись из дальнего пионерского похода.

Птиц мы выпустили на свободу. Петух долго не мог прийти в себя. Он задыхался от жары и мучной пыли, стоял с раскрытым клювом, уставившись в одну точку, и казался очумелым.

– Папа, он умирает, – перепугался Миша.

Но петух не умер. Голова его наконец задвигалась, борода дрогнула, словно бархатный занавес перед началом спектакля, он переступил с ноги на ногу, увидел курочку, зелень, деревья, увидел небо и воду, что-то бормотнул, квокнул и начал щипать траву. Первого же червячка или букашку, а может, какое-то зёрнышко, которое он нашёл в траве, он подарил своей курочке. Чья же она и была, если не его? Не могла же она быть ничьей? Курочка не жеманилась, не отбивалась, а приняла подарок как должное, подбежала и клюнула что-то, видно лишь им одним.

Когда их стали кормить хлебом, петух взял в клюв первую крошку и опять деликатно позвал свою курочку, и та уже опрометью бросилась на его зов, к его крошке, хотя рядом лежала целая хлебная горка.

Вместе они стали закусывать, заедать хлеб травой. Они были как дома, они были на земле.

А когда петух впервые кукарекнул, необитаемый дотоле остров стал и для нас совершенно обжитым.

До вечера мы их не трогали. Только посоветовались, которого порешить первым. Мать сказала:

– Надо примечать, кто первый затоскует. Птица тоже чувствует свой конец.

Ни курица, ни петух своего конца не чуяли.

Миша целый день ухаживал за ними, кормил их остатками каши, варёной и жареной рыбой, собирал дождевых червей и предлагал даже кусочки сахара. Сугубо городской мальчик и немного вялый после тяжёлой болезни, он оживился и, кажется, розовел на наших глазах.

Вечером мы стали думать о курятнике, о ночлеге для нашей птицы. Требовался насест.

– Какой насест? – спросил Миша.

– Вот не знает! – высокомерно сказал Саша. – Какой насест, мама?

– Обыкновенный насест, чтобы спать. Жёрдочки вроде любой ветки, как для любой птицы.

– Понял? – сказал Саша брату. – Насест – это вроде ветки на дереве. Птицы должны спать на деревьях, высоко над землей. Правда ведь, мама?

– А разве куры – это птицы? – удивился Миша.

– Вот не знает! – сказал опять четвероклассник, обращаясь на этот раз к отцу. – Конечно, птица, раз перья. Правда ведь, папа?

– Правда, мой старший. Перья и яйца – значит, птица, – подтвердил родитель.

На ночь решили устроить кур в одной из свободных комнат. Казалось, на одну ночь – что ж тут такого? Ведь пустовал весь дом. Мать выбрала комнату и положила в ней жёрдочку между подоконником и письменным столом. Канцелярские столы остались здесь во всех комнатах без исключения: когда-то и Сладкий остров был учреждением.

Курица далась в руки легко. «Ко-ко-ко», – сказала она, и только, и мы посадили её на насест в канцелярском кабинете. А петух начал носиться по острову, как ракета, резко меняя направления и заранее предугадывая все наши маневры. Никакие оцепления, никакие «котлы» не были для него в диковинку. Щуку в озере поймать было легче, чем его на суше. Когда мы прижимали его к изгороди или к стене дома, он проскальзывал мимо наших ног, когда брали в клещи в крапиве, куст крапивы вдруг взрывался, и петух с криком выносился из него вверх, на крышу.

– Это гениальный петух! – сказал про него Саша. – Правда, папа?

Миша пробовал пробиться к петушину сердцу.

– Милый петух! Петенька! Мы же твои друзья, уступи, пожалуйста, тебе давно спать пора. Тебя курочка ждёт. Комната отведена, насест приготовлен.

Петух не уступал.

– Все они, короли, такие, правда, мама? – сказал Саша и с деланным равнодушием вышел из игры.

– Он просто жить хочет, – заметил на это Миша, – Как ты этого не понимаешь?

– Ну да, я не понимаю. Ты всё понимаешь. Правда, мама?

Наконец от петуха отступились все. Мама заявила, что слышала ещё от бабушки, будто с заходом солнца куры перестают видеть, и тогда можно будет взять петуха запросто и водворить куда следует.

Стали ждать захода солнца. Но когда закатилось солнце – петух исчез. Исчез бесследно. Вся семья снова была поднята на ноги, и в течение получаса, не меньше, мы все, островитяне, обыскали каждый уголок родной земли: бурьяны, крапиву, ивняк, полусгнившие домовые пристройки, уцелевшие дровяные сарайчики, баню и предбанник – петуха нигде не было.

– Гениальный петух: дал мат в три хода! Правда, Миша? – попытался заключить старший брат.

Миша не ответил ему. Он размышлял вслух.

– Неужели петух мог решиться на такой перелёт? Неужели оп пересёк озеро? Конечно, он птица, но он тяжёлый. Что же он подумал про нас, если решился...

Миша был огорчён больше всех, что петух исчез. Это же был его петух.

Мама не верила, что петух мог куда-то улететь с острова, но и она огорчилась. Она уже начинала понимать, словно предчувствовала, что с утра придётся ей опять чистить и варить рыбу.

Петуха нашёл отец. Уже в сумерках.

– Я же старый охотник! – хвалился он, когда семья сбежалась на его крик и ещё никто не знал, куда надо смотреть. – Я же бывалый охотник и вырос среди охотников. Сколько этих глухарей я за свою жизнь перебил. Вон где он, вон куда смотрите! – указал отец па берёзу, огромную и широкую, как дуб.

В сумерках сквозь ветви берёзы проглядывало не то небо, не то озеро – и вода и небо были одинаково розовыми. И на этом розовом фоне, в закатном огне отчетливо прорисовывался силуэт большой и гордой птицы с зубчатой короной па голове. Петух сам нашёл свой насест – высокий и могучий сук.

– Глухарь, настоящий глухарь! – восхищался отец. – Эх, куда забрался! Ну, токуй, токуй!

Петух повернул голову и встревоженно подал голос. Им любовались, как дичью. Он украсил собою этот островок, это озеро, и вечернюю зарю, и эту берёзу, которая одна теперь сходила за глухую, населённую птицами и зверьём, нехоженую рощу.

– Если его сейчас не взять, завтра не поймашь, – сказала мама.

– Возьми его. Как ты его возьмёшь?

– Он же слепой, солнце уже село. Столкни сейчас – где упадет, тут и сядет и прижмётся.

Нет, этот петух и в сумерках видел неплохо. Сбитый с берёзы длинным шестом, он долго еще носился по острову, пока не был водружен в канцелярию в принудительном порядке.

«Ко-ко-ко!» – ласково спросонья сказала курочка, когда он устроился наконец рядом с нею меж письменным столом и подоконником.

В эту ночь Миша спал мало. Должно быть, не раз заглядывал в соседнюю комнату к птицам. И проснулся он раньше птиц. Когда мать заворочалась в постели, он сказал ей:

– Такого петуха, мама, нельзя убивать. Лучше я рыбу буду есть, я и без диеты поправлюсь. Правда, мама? И курочку надо ему оставить. А то как же он без курочки будет жить на свете?..

– Правда, сынок, спи!

И на заре петух запел свою тысяча первую песню.

КРАПИВНОЕ СЕМЯ

Недобрых людей в народе называют крапивным семенем. Немало на свете и самой крапивы.

Вокруг нашего дома крапива разрослась густыми большими кустами. Высокая, жирная, ядовитая, она не даёт никому пройти. Я говорю сейчас о крапиве настоящей, подлинной, о крапиве в прямом, а не в переносном смысле. Молодую, её можно ещё использовать для щей, а разрастётся, загрубеет, не выполешь вовремя – тогда беда с ней. Берёт верх, наступают, теснит, наглая, жжёт, житья не даёт.

Каково же семя у этой, у настоящей крапивы? Кто его видел – это крапивное семя? Как оно растёт, откуда берётся? Хоть бы из интересу взглянуть на него. А попробуй взгляни! Как его возьмёшь – жжётся крапива. Пропадает у людей всякий интерес к крапивному семени. «Лучше не связываться!» – говорят. Сторонятся. И растёт крапива рядом с жильём человеческим на самых обжитых местах, на самых тучных землях – под окнами изб, вдоль заборов и стен, на приусадебных

участках, – растёт на глазах у всех. Где люди, там и крапива. Растёт и жжётся.

А этим летом одолели нас ещё комары. Погода стояла дивная весь июль – только бы радоваться ей, снять с себя всю лишнюю одежку, загорать по целым дням с книжкой в руках, спать на открытом воздухе. А попробуй позагорай, когда вместе с хорошей погодой появились сонмища оводов. Попробуй поспи на воздухе, когда с сумерек, неизвестно откуда взявшись, налетают полчища комаров, как исчадия ада, как тьма тмутараканская, и всю ночь бесчинствуют, жалят, нудят неторопливо, лезут в нос, в глаза, в рот, в уши. Они изводят, выматывают все силы, а слабого, да ещё городского, не привыкшего с детства к такому комариному глумлению над человеком, они могут довести до истерики.

Перед сном мы топили плиту и наполняли всю квартиру дымом и нередко спали в дыму, потому что открывать окна для проветривания или снимать с них марлю боялись. Вдобавок мы натирались кремом «Тайга» – от чего он помогает, мы так и не смогли понять, только не от комаров, и еще старались на ночь одеться так, чтобы открыт был один нос. Но, кажется, ничего по-настоящему не помогало. Комары грызли нас.

Было лишь одно радикальное средство против них: усталость. Усталость до смерти, до отупения, до апатии, до полного равнодушия ко всему окружающему. При такой усталости – а уставали мы в основном на рыбалке – чувствуешь комариные укусы, только пока падаешь в сено.

– А, проклятые! Крапивное семя! – скажешь, бывало, добравшись до постели. – Ешьте! Все равно придёт и на вас погибель. Время своё возьмет. И вас прихватит морозом, осень не за горами.

Скажешь – и уснёшь до утра.

А утром пригреет солнце – и комары исчезают. Куда? Да куда бы ни исчезали, только бы исчезали – вероятно, туда, откуда и появлялись. Не хватает ещё, чтобы мы этим интересовались. Обидно только, что ни дожди, ни ветры не могут с ними покончить раз и навсегда.

Если бы не случай, так ничего и не узнали бы мы ни о комарах, ни о крапивном семени.

Как-то поздно вечером мы поленились или не успели почистить рыбу, и мать положила её на ночь в крапиву. Утром за ней пришел Саша и взвыл.

– Там пчёлы, рой! – закричал он.

А потом:

– Это комары! Сколько же их тут! Вот оно где, крапивное семя!

Взяли мы палки и пошли вокруг дома по крапивным местам. Ударишь палкой по кусту – действительно комары. Ударишь по другому – и больше того. Но только в тени. На солнце днем комары не хоронятся, как, впрочем, всякая нечисть.

Так вот ты какое, крапивное семя!

Разыскали мы косу и скосили всю крапиву вокруг дома. Честное слово, легче жить стало. Только надолго ли? Разве всю нечисть можно извести? Только и надежды что на время – оно должно взять своё.

МОРЯКОМ БУДЕШЬ!

Лодки на Сладком острове – единственно пригодный и всеобъемлющий транспорт, на все случаи жизни. Ни машина, ни лошадь здесь непригодны. Нет лодки – вы отрезаны от всего мира. Лодка является и орудием, и средством производства.

На лодке мы добывали себе пищу: ездили за молоком на соседний островок Шиднем, за хлебом и прочими продуктами в Карлипки, на лодке ловили рыбу и просто катались, отдыхали.

Обычно за вёслами сидел отец, старший сын на корме – либо с рулевым веслом, либо со спиннингом, который мы просто использовали в качестве дорожки; мать и Миша – на положении пассажиров и указчиков. Так как все лодки, находившиеся в нашем ведении, безбожно протекали, то либо мать, либо Саша постоянно на ходу вычерпывали воду. Для этого в одной лодке была банная деревянная шайка, в другой ржавое дырявое ведро, в третьей – белый ковш из дюрала без ручки.

По мере того как мальчишки привыкали к воде и выросли, им разрешалось всё чаще садиться за вёсла. Миша тоже научил-

ся грести – уже по одному этому Сладкий остров должен запомниться ему на всю жизнь. Но Мише этого было мало. Он хотел, чтобы ему разрешили выходить на озеро одному, без сопровождения, без указчиков.

И ему разрешили наконец. Для этого случая выбран был очень ясный, очень тихий день. Только Новозеро отличается в этом отношении удивительным непостоянством. Ветер налетает здесь сразу, словно выжидает удобного случая где-то на берегу в лесной полосе. Налетает – и поднимаются на озере сразу не волны, а валы с гребешками, летит пена, свистят камыши. Говорят, такой же дурной характер и у Белого озера. Только оно ещё дурнее. На Белом озере ни одного года не обходится без жертв среди рыбаков.

Весь наш остров продувается насквозь, так же как просвечивается, и кажется, пронесётся ветер с одного берега на противоположный и – конец шуму. Опять озеро становится таким же, как было, – спокойным, углублённым в себя, сосредоточенным. Но за эти несколько минут шурум-бурума оно может наделать беды. Особенно если лодка мала.

А у Миши лодка была небольшая и полусгнившая, к тому же Миша сразу захотел, конечно, похвастаться:

– Саша, смотри, куда я поеду, на каменную грядку!

Направил Миша лодку к каменной гряде, к камышам на середине озера, а ветер тут как тут – вылетел из-за укрытия и давай шуровать. Зашумели волны, вздыбилась пена, как в прачечной, в корыте, летят хлопья в лодку. Испугался Миша.

А на берегу – мать. Не успела толком подумать, как быть, переполошилась и завопила:

– Миша, назад! Миша, утонешь! О Господи, и отца нет. Где отец?.. Миша, утонешь!

Услышал Миша крик матери, испугался ещё больше. Разворачивает лодку к берегу, а её захлёстывает волной, справиться силы не хватает. Заплакал Миша и оттого ещё больше ослаб, вёсла из рук вываливаются, совсем мочи не стало. «Утонешь!» – звучит в ушах вопль матери. А тонуть ему не хочется, хочется в Москву вернуться, он еще и в школе не учился. Брызги водяные и слёзы спячат глаза.

И неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы в эту минуту не появился на берегу отец.

Сложил отец руки рупором и закричал, будто ничего не случилось:

– Правильно, сынок, гребёшь, хорошо гребёшь! Ничего не бойся, ты теперь станешь настоящим моряком. Слушай меня! Держи лодку носом к волне, к берегу не поворачивай. Против волны гребь. Не спеши. Ударь левым веслом, ещё раз левым. Молодец, сынок, хорошо! Правильно гребёшь!

Кричит отец, а сам вторую лодку с берега толкает. Стал Миша налегать на левое весло, перестали волны бить в борт лодки, и он успокоился.

– Я не боюсь, папа, ты не волнуйся, я сейчас! – закричал он.

Успокоился Миша, и озеро успокоилось, ветер стих, волны спали. И Миша благополучно причалил к берегу. Мать кинулась обнимать его, а отец только руку по-мужски пожал:

– Молодец, сынок, моряком будешь!

ВОЛНЫ ШУМЯТ

В стороне от дома, в южной части Сладкого острова, на сенокосной поляне стоит старая дородная берёза, наверно самая старая из всех, уцелевших на нашей земле берёз. В жаркие дни мы лежим под ней на разостланном одеяле, загораем и читаем книги вслух, читаем поочерёдно, потому что защитные очки на двоих одни.

Солнце лилось отовсюду – и с неба, и с озера, и с луговых цветов и трав, и даже с листьев берёзы. Озёрные волны несли его издалека в виде белых гребешков. Редкие прозрачные облачка тоже были частицами солнца. Берёза под ветром шумела, раскачивалась, пробегая сквозной тенью по нашему одеялу, по раскрытому томику Пушкина...

Но Злате не хватало прохлады, и она ушла загорать к озеру, на деревянные мостки, где мы брали воду, чистили рыбу, полоскали бельё, купались. Сходила раз и уже больше не возвращалась под берёзу, даже в сильный ветер, даже в прохладные дни.

– Что ж тебе там понравилось?

– На мостках веселее: волны плещутся, лежишь и слушаешь, будто рассказывают о чём. Чего только не вспоминается с ними!

В детстве меня с сестрой увезли под Москву на целое лето. Там мы впервые увидели деревню, и лес, и малиновые заросли, и льняные поля, и как ловят рыбу, и как доят коров.

Льняное поле. Удивишься ему только тогда, когда увидишь его в цвету – вечером или утром. И цветёт-то лён всего несколько дней, и букета не нарвёшь, и венок не сплетёшь, и на словах не расскажешь... Разве что художник-импрессионист сумеет написать зелёное и голубое, голубое и зелёное. Память тоже может. И зелени такой и голубизны такой не выдумать.

Там мы научились купаться. Мама говорила: «Отойди от берега поглубже, чтобы вода до подмышек была, и кидайся, и плыви к берегу. Только к берегу, всегда к берегу...»

А когда я была уже студенткой, я ездила на Онежское озеро, на Медвежий остров, в лагерь, чтобы навестить Ксению, свою крёстную мать. Удивительно синие доверчивые глаза были у неё. Такая умница, чуткое совершенное творение. И вот куда всё делось?.. Умерла она.

В лагерь она попала с какой-то религиозной группой. В пути на север в вагоне старший из этой группы профессор Мейер сказал: «Жизнь наша завершилась, сейчас начинается житие».

Я в лагерь поехала одна, совершенно неожиданно для себя и для всех родных, и без пропуска. Пропуск был выхлопотан для матери Ксении, но старушка вдруг заболела и ехать не решилась. Что-то нужно было сообщить Ксении, что-то передать...

Я выглядела тогда совершеннейшей девочкой и пропуском мне всюду служила моя улыбка да полная убеждённость, что всегда и во всём я права, что справедливость на земле есть. С улыбкой я дошла до самого начальника лагеря.

Седоватый человек в военной форме даже встал со стула и буквально вытаращил на меня глаза: «Как же ты дошла до меня без всякого пропуска. Как тебя пропускали?» – «А как могли меня не пропустить?» – «А я возьму вот и дальше никуда не пропущу.» – «Как вы можете меня не пропустить, если я уже столько проехала и до вас дошла?»

И я рассказала ему всё, как есть, как было. И он выписал мне пропуск, и я была у Ксении, и ходила по всему лагерю. А после этого, после моего посещения Ксении, ей разрешили даже свободное проживание. Теперь думаю, что всё это я сделала, такая я тогда была удачливая и счастливая...

Плещутся волны о доски, о бока лодок, ныряют под мостки, катятся на берег, набивают пену, и всё говорят, говорят, вспоминают... Каждая капелька – волшебное зеркальце. Что захочешь, то и увидишь.

– И что же ты видишь?

– Вот мы с тобой едем в поезде на юг, туда, где только что проходили бои... Сталинград разбит, разворочен, перекорёжен. Останки домов. Перевернутые остовы трамваев. На привокзальной площади цыганский табор, на улицах продают простую воду: кружка – рубль... И мы остаёмся в этом городе на несколько дней в твоей части. Здесь ты ходил на бронекатерах, видел смерть за смертью, здесь только что были немцы...

– Да. Ты тогда нашла чью-то медаль за оборону Сталинграда... в песке. Чья-то она?

– Едем дальше. В общем вагоне душно, и мы лезем на крышу вагона. И страшно, и жутко, и мотает вагон из стороны в сторону. А вокруг полынная степь. «Держись посередине, – кричишь ты мне, – не то слетишь!». «Ло-о-жись!» – орут на крышах передних вагонов, когда поезд ныряет под мост. Докатилась волна до берега, стукнулась оземь, и воскрес Кисловодск военных лет. Все дома отдыха приспособлены под госпитали. Вместо шикарной, праздной толпы, забинтованные, с костылями, с палочками, в больничных халатах, в белом белье люди с фронта. Солдаты. Раненые. Они на бойком пяточке, у источников, в парке, у Храма воздуха... А мы с тобой бежим в горы на Малое седло, на Большое, на Кабан-гору.

– На вершине воздух чище, небо синей, роса холодней, с вершины видней³⁵...

– Это наш город, наш на всю жизнь. Даже когда на всей земле дождь и непогода – там солнце.

³⁵ Строка из стихотворения Яшина «Клятва».

Расшумелись волны на Новозере, зашипели и погасли. А ветер поднимает новые, с белыми гребешками. И шумят они, и звенят, и поют, и рассказывают обо всём на свете!

– И о Блуднове?

– Конечно, и о Блуднове: серые избы, колодцы-журавли, твоя мама, твои сёстры, твои бабы, нарядившиеся, как на праздник, на сенокос. Сенокосы в Лубниках³⁶. Сено ворошат, гребут, ставят озороды. И вдруг гроза. Обязательно вдруг. Выплывает чёрная туча. Мальчишки на конях с волокушами, бабы с граблями, мужики с вилами – всё в движении. Берёзы гнутся долу, сосны и пихты шумят, ветры выхватывают клочки сена и наподдают их, будто мальчишки играют в футбол.

– А ты что делаешь?

– Не помню. Ты стоишь на озороде, принимаешь сено и вместе с ним поднимаешься всё выше, выше... До неба. Хорошо. Хорошо, когда успевают закончить своё дело до грозы, до беды. И туча, завладев небом, уже не кажется такой чёрной...

А эту волну задело солнцем, вспыхнуло, разошлось сиянием. Вот уж чудо так чудо – человек родился! Выглядывают маленькие личики, плачут, смеются, кричат. Наташа, Злата, Саша, Миша³⁷ – и не такие, как сейчас, а маленькие...

А в этой волне Алтай: Кулунда, и Бия, и Чуйский тракт, и орлы на крышах домов... А в этой волне Самаркандские мечети и базар, устланный коврами, и чадра на женщинах... Издалека-издалека волны прикатили другое, горное озеро – призрачный Иссык-Куль, и на его берегу охотника с ослеплённым беркутом на плече...

– Хорошо, что мы с тобой были там вместе, вдвоём: значит, всё это было на самом деле³⁸.

– Хорошо. Только страшно, что когда-то ты не сможешь взять меня с собой или я не смогу быть около тебя.

Бегут и бегут волны мимо нашего острова, перекатываются через каменную гряду, догоняют друг друга, качают остров.

³⁶ Лубники, Городцы – названия дальних сенокосов, куда уезжали на несколько дней.

³⁷ Дети Александра Яковлевича и Златы Константиновны.

³⁸ См. стихотворение: «А мы с тобой всегда вдвоём...».

– Пойдём к старой берёзе.

– Здесь лучше. Да и самим берёзкам у воды веселее: волны шумят.

– Но там берёза тоже шумит.

– Шумит-то шумит, да поговорить ей не с кем. А здесь волны. С ними никогда скучно не будет. Разве что тоска прихватит... И бегут эти волны всегда к берегу, только к берегу, как мама нас плавать учила...

Удивительное это дело... Войдёшь в еловый лес – и сразу все леса, в которых ты бывал, в душе воскресают. Обидит тебя человек – сразу все прошлые обиды на душу обрушиваются. Сядешь у воды – и сразу интересно. Сидишь у Новозера, а все озёра, твои озёра, у ног плещутся: и Балхаш, и Телецкое озеро, Иссык-Куль призрачный, и другие... И вдруг одно с такой силой встанет перед твоими глазами, что каждая мелочь припоминается.

Так вот и Онежское озеро. Чёрное, бурное. Берег – это Медвежья гора, вся в ёлках и в бараках для заключённых. А с Медвежьей горы стекает река, и по ней несётся лес – сплавляются, толкаются брёвна, грохочут, перевёртываются и вдруг вырываются на озеро. И хоть озеро тоже беспокойное, но там для брёвен уже тишина и свобода.

После этого все стали ходить к мосткам на озеро, под берёзы над водой. И каждый вспоминал своё озеро или пруд. А для Миши Новозеро, и эти мостки, очевидно, стали тем первым озером, которое он вспомнит когда-нибудь в жизни. И какое то озеро будет – тихое или бурное, пресное или солёное, маленькое или большое – не важно!.. И тогда уже Миша поплывёт не к берегу, а от берега, наперерез волнам, потому что он будет уметь плавать, он будет большой.

СУДАРЕВА ЛОДКА

Был один день, бедственный для Сладкого острова. Казалось, всё рушится, вся его прелесть исчезает навсегда. Шестнадцатого июля вслед за ленинградским полковником с семьёй приехали вологодские литературные деятели – два поэта, редактор комсо-

мольской газеты с семьёй и директор областного издательства с семьёй же – итого человек десять – пятнадцать. Ну, можно смаывать удочки – не будет ни рыбы, ни поэзии!

Но редактор газеты скоро уехал, потому что газету всё-таки выпускать надо; полковник отправился добирать свой туристский маршрут, строго вычерченный на военно-топографической карте; самый юный из поэтов, Васенька, жаждал быть на людях и только на людях, так сказать, в гуще борьбы, где «страсти роковые и от судеб защиты нет»; сыновья издателя подняли бунт против своего папы и сбежали в областной центр, потому что здесь не было ни футбольных ристалищ, ни джазового ёрничества. За ними вскоре выехал и сам издатель с женой.

Остался с нами один поэт, настолько же неторопливый и мудрый, насколько немолодой. Он видел в жизни немало всяких роковых перемен, прошёл, как говорится, огни и воды и знал цену одиночеству. Писал ли он что-нибудь, неизвестно, – в его положении редко кто пишет, и это, наверно, к лучшему. Он стал работать.

С соседнего, с Красного острова он привёл заброшенную лодку и начал её ремонтировать. Топор был. Пила была – старая, ржавая, но пила. Были спички, чтобы разводить костер. Ну, и конечно, перочинный нож. Больше ничего не было. А требовалось многое: гвозди разных размеров, пакля, чтобы проконопатить лодку, битум или вар, чтобы замазать щели, запломбировать их, котёл, чтобы варить битум, какой-нибудь черпачок для разлива смолистого варева. Как известно, даже Робинзон имел далеко не всё, чтобы начать жить и работать на необитаемом острове, но всё-таки имел гораздо больше, чем наш поэт.

Но главное, что необходимо было иметь для ремонта лодки, – самое лодку. Её-то, как выяснилось после, у поэта и не оказалось. Но он усердно взялся за работу. На то он и был поэт, а не Робинзон Крузо.

Ранним утром поэт выходил из своего особнячка, крылечко которого напоминало предбанник, и, осмотревшись и потянувшись, скрывался за камышами. Нос у него обгорел и лупился. Вскоре его голова без единого всплеска отплывала от берега и повертывалась на воде, как на широкой тарелке. Ни одной волны, ни круга, ни даже ряби! Это было удивительно, потому что

даже водомерки, скользящие по озеру, даже мотыльки, упавшие на его зеркальную гладь, и те оставляли за собой какой-то след, пусть мгновенный, незначительный... Поэт не оставлял после себя никакого следа, он не плыл, не порхал, а между тем продвигался вперёд, вроде одноклеточного существа.

Он переливался, как амёба.

О том, что поэт не фыркал, не сопел, не отдувался, и говорить было нечего. На поверхности озера не было ничего, кроме живой, бесшумно моргающей и бесшумно передвигающейся головы.

Сделав небольшой круг, голова возвращалась к камышам и исчезала. А через пять – десять минут оттуда снова выходил поэт, неторопливый, спокойный и просветлённый. Кожа на его красном носу лупилась ещё больше.

Чем и как питался поэт – одному Богу известно. Рыбы не ловил, ягод не собирал, ни корней, ни червей из земли не выкапывал. Но он не худел и всегда был благостен и доволен собой, значит, какую-то пищу употреблял, кроме духовной.

Работал поэт с упоением, но не спеша. Нельзя было сказать, что у него сам топор вот так и ходит, так и тычет долото. Костёр не потухал целый день. К костру поэт тащил всё, что удавалось найти на острове и в воде. Так, в мусорной яме он обнаружил чугунок с отбитыми краями, который заменил ему котёл. Паклю натаскал из пазов домика, в котором жил. На подоконниках между летними и зимними рамами буграми лежала вата – он и её использовал как паклю. Гвозди вытаскивал отовсюду, где находил их, даже из собственной табуретки, из-за чего та в конце концов развалилась. Из воды был извлечён ржавый металлический прут, им поэт пользовался как паяльником, когда заделывал битумом щели в лодке: прижмёт кусочек битума к борту лодки и растапливает его калёным прутом.

Похоже, что эта работа давно была знакома поэту. Мы восхищались методичностью, с какой он проделывал одно и то же по нескольку раз, пока не добивался какого-то результата. Восхищались его терпеливостью и упорством.

– Труд на пользу! – сказал я как-то, подходя к костру.

– Спасибо. Но будет ли польза, ещё неизвестно. О какой вы пользе говорите?

- О лодке. Спúстите лодку на воду, и она будет служить вам.
- Я на днях уезжаю. Вероятно, не успею закончить.
- А вы закончите. Другие сядут в лодку – о вас добром вспомнят. Вот и памятник нерукотворный.
- Зачем мне памятник? Сам труд доставляет удовольствие. Я о пользе не думаю. Просто работаю, и всё тут.

Самым трудным для него было установить уключины, старые поржавели и погнулись. Поэт отыскал на поваленном и полусгнившем телеграфном столбе два крюка с изоляторами. Изоляторы разбил, крюки раскалил на костре и выпрямил. «Кузнец, настоящий кузнец!» – восхищались мы. Один борт лодки треснул, когда поэт забивал уключины, но это было уже не так страшно. К вечеру всё было склеено.

Два дня ушло на то, чтобы вытесать вёсла. Для вёсел поэт снял с крыши своего дома две тесины. «Столяр, настоящий столяр-краснодеревщик!» – восхищались мы.

Накануне отъезда с острова поэт заявил, что работу он всё-таки успел закончить. Правда, сказал он об этом без воодушевления. А мы восхитились ещё больше: дескать для него это обычное дело. Старый мастер! Золотые руки!

Торжественно проводив поэта, всячески славя и превознося его, мы решили опробовать творение его рук и ума. Сели в лодку трое, налегли на вёсла, выехали на середину озера и... нахлебались воды. Гнилая лодка развалилась. Ненужная бессмысленная работа! Неужели он так и стихи пишет? Для чего, для кого?

КАМЕННАЯ ГРЯДА

Всю жизнь ищет каждый
свою каменную гряду.
Каменная гряда жизни.
Не всякий её находит.

Умелый выбор места для ужения – едва ли не самое главное в мастерстве рыболова. Отец обычно уезжал в камыши к соседним островам, либо на середину озера, где также торчала трава из воды, либо на противоположный берег.

Кто-то сказал, что посередине озера проходит каменная гряда, называли её даже окуневой. Но где она – никто не открывал. Отец искал её настойчиво, он готов был промерить шестом всё озеро вдоль и поперёк, но где взять шест такой длины? И что это за гряда такая – каменная, окуневая? Вероятно, не зря люди секретничают, скрывают её? Нападешь на гряду – вернёшься с ведром пятисотграммовых окуней. А то и по килограмму красноперых наберёшь. Вот что такое гряда! Вот где душу бы отвести! В надежде на такую удачу можно бродить по озеру целый день и забираться в отдалённые уголки за два-три километра.

И отец бродил далеко. С утра он исчезал, и мы не видели его по целому дню.

А однажды к нашему дому подошли другие рыбаки, колхозники с неводом. И за несколько минут поймали у нас под носом, прямо у мостков, где мать обычно бельё стирала, несколько пудов лещей и щук. Закинули они невод с лодки, полукругом, один конец на берегу и другой подвели к берегу, а потом все вышли из лодки и стали вытягивать невод на берег за оба конца. Невод – это длинная однорядная сеть мелкой вязки с кошелом посередине. По низу сети подшиты грузила – во всю длину холщовая кишка, набитая песком, а чтобы верхняя часть невода не тонула, она оснащена поплавками – деревянными пластинками и берестяными трубочками.

Я не назвал бы прогрессивным способ ловли рыбы неводом, но зато он добычлив: несколько заметов, и весь колхоз обеспечен. И времени на это уходит немного. А в горячую пору сенокоса время всё же ценится.

Как горевал отец! Волос на себе он, конечно, не рвал, но неистовствовал в полную силу и заново пересматривал всю свою жизнь.

– Вот, – говорил он, – всю жизнь так. Всё куда-то рвёшься, бежишь, летишь, а на поверку выходит, никуда лететь не надо. Недаром сказано: не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Неисповедимы пути наши. Темна вода в облаках. Хочешь больше – ничего не получаешь. Не жадничаешь – и жить легче, и удачи – вот они! В детстве так же бывало: спешешь за грибами, за ягодами в Лубники, в Городцы, в даль несусветную, там, дескать, всего много, а какая-нибудь бабка костыляет около деревни, около твоего же дома

и – что тебе грибов, что ягод! Ну не обидно ли: всю рыбу забрали у нас под носом, у нас на глазах. Нашу рыбу! Можно сказать, собственную, домашнюю нашу! Даже не выловили, а выгребли, будто из аквариума вычерпали. Только представить себе, что около нас всё дно теперь пустое, голое. Даже раков подмели всех до одного, даже ракушки на дне не осталось ни единой. На этом берегу и жить теперь неинтересно. Переселяться надо куда-нибудь.

Неводом, впрямь, выгребли всё живое, что оказалось в этот час на дне вблизи нашего берега. В илистой грязи, в тине, вместе с крупными рыбами барахтались раки, билась десятисантиметровые окуньки и подъязки, плотва и ёршики – всякая мелочь и молодь. Полупудовые щуки в этом чёрном месиве выглядели как огромные плахи на паровозном тендере.

А рыбаки были недовольны.

– Откуда столько грязи взялось? – ворчал то один, то другой. – Совсем недавно чистое дно было. Видно, ветер нагнал. Вся рыба ушла под невод с этой грязью.

– Как вся рыба? А это что?

– Ну какая это рыба, пуд-два, не больше.

Отец нервничал целый день, ночью плохо спал, обижался на самого себя. А утром снова отплыл с удочками в какой-то кривоколенный озёрной переулочек.

Саша и Миша никуда не пошли и не поехали, а с разрешения матери привязали свою лодочку к траве метрах в трех от берега, как раз там, где вчера колхозники зачистили всё дно неводом, и начали таскать лещей, точно таких же, какие в невод попали. И Саша решил:

– Как быстро рыба растёт. За одну ночь – и лещи!

ГРИБНЫЕ ШАШЛЫКИ

На Сладком острове наша хозяйка с утра до вечера чистила свежую рыбу. Бывало, только управится с одной порцией окуней – мы несём вторую, больше первой. Разделает щук – мы ей подбрасываем лещей да налимов. Исколола она себе руки и наконец взмолилась:

– Не могу больше, дайте передохнуть!

Особенно трудно было хозяйке с заготовкой рыбы впрок: для засолки не хватало посуды, а сушить на плите, без всяких приспособлений – муторное дело, плита раскалена, рыба на ней не сохнет, а горит. Разумеется, мы не перестали ловить рыбу, а в ответ на её мольбы и почти истерические слёзы взяли удочки и снова ушли на озеро.

Не управлялась наша хозяйка с рыбой.

То же самое получилось и с грибами. В грибную пору мы почти перестали спать. От жилья до ближайшего леса не больше половины километра, и обычно нам еле хватало этого расстояния, чтобы протереть глаза да прожевать утренние бутерброды.

Кто знает, как возникает, с чего начинается страсть? Первое время мы охотились только за белыми да за рыжиками и возвращались домой с полупустыми корзинами. Терпения и настойчивости было с избытком, умение накапливалось с каждым выходом, но корзины не становились полнее. В чём дело? Неужели грибы в лесу перевелись? Мы изощрались, лазили в самые густые кусты, куда не забирался ни один грибник, обследовали придорожные канавы, не брезговали уже ни сыроежками, ни волнушками, не отказывались от любых корней. Но всё-таки грибов находили мало. Их стало много, когда мы узнали, что в лесу на каждые два десятка съедобных грибов приходится не больше одной поганки. Значит, мы топчем культурные грибы только потому, что не знаем их.

В здешних местах все неизвестные грибы называются собачьи губы. Их даже в руки брать брезгуют. Зато подберёзовики называют здесь обабками, подосиновики – красными грибами, боровые рыжики – бабаухами, волнушки – вóвденицами. А собачьими губами оказались и вкуснейшие опята всех видов, и удивительные сочные чушки, или свинушки, или дуньки, – где как их назовут, и белые, как грузди, ореховики, и, конечно, лисички, сморчки, чернушки... О грибной лапше, о трюфелях и говорить не приходится, здесь о них просто не слыхали.

А мы вычитали из книжек, что даже мухоморы многие вполне пригодны для пищи. Вот когда лес заговорил с нами и открыл

нам свои кладовые. Чем больше узнавали мы грибов, тем полнее становились наши корзины и ненасытнее страсть. Теперь радостям нашим не было конца.

Не радовалась только наша хозяйка.

Первая её работа была – выкидывать из наших корзин все грибы, оставшиеся для неё неизвестными, то есть все собачьи губы. Делалось это втайне от нас. При этом она хвалила нас за хороший улов. Затем она сортировала остатки нашей добычи, раскладывая её на три кучки: для соленья, для варенья, для сушенья. Солить было почти нечего, так как рыжиков мы принесли незначительное количество, а груздей вообще не находили. На варево шли старые подберёзовики и подосиновики, огромные и рваные, как ошмётки, как лапотные обноски, да изредка белые царские грибы, похожие на заплесневевшие пироги-колобаны. Зато сушить было что. Но как сушить, где сушить? И начались мученья, как с рыбой.

Хорошо тем, у кого есть широченная русская печь, за широким челом которой, на поду, как на мощёном дворе, может развернуться любая телега. А если вместо пекарки в доме только плита, а в городском доме и плита не дровяная, а газовая, тогда как быть?

У нас плита дровяная. Пока её топишь, она раскаляется докрасна, закроешь трубу – с полчаса ещё не остывает, а через полчаса хоть снова топи, в духовке даже заварка чая в фарфоровом чайнике через полчаса становится тёплой, как помой.

Хозяйка поначалу раскладывала грибные шляпки прямо на чугунную доску плиты. Они мгновенно пускали сок, пузырились, закипали и не сохли, а варились. После этого она попробовала нанизывать грибы на нитки и развешивать их над жарко топящейся печкой. Работы было много, а толку мало, потому что требовалось, чтобы печка топилась непрерывно день за днём. К тому же нитки то и дело обрывались. Тогда хозяйка раздобыла камышовой соломы и, застлав ею внутренность духовки, раскладывала грибы на камыше. Получалось неплохо, но велик ли под у плиты? На нем умещалось самое большое десять хороших шляпок и столько же корешков в промежутках. Забраковав и этот способ, хозяйка

стала в тупик: требовалось что-то придумать новое, а что? На солнышке, что ли, развешивать грибные цепочки? Так ведь осень, когда его, солнышка, дождётся, да и выглянет оно либо нет? А может, просто под навесом, на воздухе попробовать? Заготавливает же белка грибы на зиму и сушит их на воздухе, в том же лесу... Нанизывает она по грибочку на сучок – и ничего, получается. Накалывает на сучок по грибочку... Накалывает...

Мало-помалу хозяйка нашла способ сушить грибы, вышла из положения. Она стала накалывать грибы на лучинки, как шашлык на палочки, и раскладывать эти палочки в духовке на боковых её выступах, предназначенных для противня. Грибы просыхали быстро и хорошо, не подгорая, не теряя соков. Мы так и назвали палочки «грибными шашлыками».

– Может быть, и лучку добавлять надо между белыми шляпками, по несколько кружочков? – спросил кто-то однажды. – Чтобы уж шашлык так шашлык!

Хозяйка неожиданно для всех выпалила вдруг такое, что мы даже засмеяться не смогли от удивления, – такое выпалила, будто всю свою жизнь занималась искусствоведением, а не грибами, не рыбой.

– С лучком – это уже декадентство! – сказала она.

Вот ведь что делается на белом свете, совсем сравнялась деревня с городом.

Грибные шашлыки выручили нас всех. Теперь мы, не боясь ничьей воркотни и унижительного недоброжелательства, могли по целым дням собирать грибы, а хозяйка обрабатывала их быстро и надёжно, даже с охотой. Видно шашлыки готовить всё же интереснее, чем просто грибы сушить.

Записал я сейчас эту историю и задумался: а для чего, собственно, я её записал? Мелко, непроблемно и вряд ли высокохудожественно. Правда, реализм налицо, но, может быть, это уже не реализм, а ползучий натурализм, и, стало быть, ничего, кроме вреда, от него ждать нечего. Скажет кто-нибудь, будто я, вместо того чтобы заниматься своим кровным делом, служить народу, составляю заметки для поваренной книги. Для чего всё это?

А может, не «для чего», а «для кого»? Может, мою заметку и впрямь прочтает не одна домашняя хозяйка и будет при случае сушить грибы точно таким же простым способом, как я описал. А от них научатся другие, и пойдёт... И получится, что я всё-таки послужу своей заметкой о грибных шашлыках и не думая, что служу...

НОВАЯ СЧИТАЛКА

Мы с Мишей играли на берегу Новозера в прятки. Пользовались считалкой про зайчиков.

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Ай-ай,
Ой-ой,
Умирает зайчик мой!

- Жалко! – сказал Миша.
- Кого?
- Зайчика.

И мы с Мишей решили тут же пересочинить детскую считалку так, чтобы зайчик не умирал.

Предлагаем нашим друзьям новый, оптимистический вариант старой считалки:

Раз, два, три, четыре, пять.
Вышел зайчик погулять.
Кто-то в зайчика стреляет –
Он бежит, не умирает,
Не желает умирать.
Раз, два, три, четыре, пять.

Миша несокрушимо верил в силу слова.

- Теперь зайчиков в лесу будет много! – сказал он.

МАМИНЫ СКАЗКИ

1. ЧАЙКА

Какой только рыбы не водится в Новозере, каких только птиц не летает над ним! Однажды утром Миша вышел на песчаную косу, чтобы послушать, как далеко-далеко на болотах, за береговой излучиной, кричат журавли. Солнце уже всходило, и озеро то и дело меняло цвета, будто примеряло разные наряды – какой из них больше подойдёт на сегодняшний день. На небе солнце взшло одно, а в озере их отразилось тысячи.

Журавлей Миша никогда не видел. Не увидел он их и сегодня. Зато на песчаную косу вдруг спустилась с неба удивительная птица: вся розовая, только клюв чёрный да чёрное пятнышко на голове. Миша видел, когда птица летела, и её длинные тонкие крылья показались ему похожими на гребни волн. Он всегда рисовал море с такими волнами. Села розовая птица на песчаный откос и так неторопливо сложила свои волнистые крылья, будто кружевной подол платья подобрала.

Прибежал Миша домой, рассказал маме, какую он удивительную птицу видел, а мама выслушала и сказала, что это была чайка.

– Нет, мама, это была не чайка. Чайка же белая!

– Да, это правда, что чайка белая.

Вечером того же дня Миша увидел еще одну необыкновенную птицу – совершенно голубую. Голубую, как вечернее предзакатное небо.

Рассказал он маме и об этой птице, а мама подумала и опять сказала, что и это была чайка.

– Нет, мама, это была не чайка, а какая-то небывалая птица. Чайка же белая.

– Да, чайка бывает белая, это верно. Сходи на берег, присмотришь к ней хорошенько ещё раз.

Вернулся Миша на берег озера, когда солнце уже садилось и его нетленный огонь разгорался всё больше и больше. Это уже был целый костёр. Казалось, коснётся солнце своим краем озёрной глади – и закипит, забрызжет, запенится под ним вода.

В этом закатном огне увидел Миша в небе целую стаю птиц,

похожих на чаек, и все они были золотые, огненно-золотые, из самого настоящего червонного золота.

«Как в сказке! – сказал про себя Миша. – Но это же чайки. Это всё одни и те же чайки».

– Это чайки, мама! – согласился наконец Миша.

– Ты их видел белыми?

– Нет, я не видел их белыми. Они белые, но на этом озере всё как в сказке, всё сказочное – и восходы, и закаты, и лунные ночи. И птицы и люди – как в сказке.

2. ЛУННЫЙ МОСТИК

Вечером сидел Миша на берегу озера. Днём озеро казалось совсем мелким, а сейчас в него заглянуло небо, и Миша увидел, что у озера, как у моря, дна нет.

Мише вдруг захотелось попасть на другой берег, где люди с песнями шли с работы, где коровы мычали, возвращаясь с выгона, и трудились грузовики с сеном. Но как попасть?

Тогда вышла на небо луна и перекинула перед Мишей светлый, будто тесовый, мостик:

«Беги, мальчик, не бойся, вот твоя дорожка с острова на Большую землю!»

Весело стало Мише, вскочил он, кинулся к берегу, чтобы перебежать через озеро по лунному мостику. Но за Мишу испугался ветерок, пожалел его, дунул из-за кустов и раскидал, разрушил лунный мостик:

«Не верь, мальчик, луне, возьми лучше лодку. Вон в камышах лодка стоит».

Послушался Миша, спустился к лодке, сел за вёсла и стал отталкиваться от берега. Но луна рассердилась и на ветер, и на Мишу и торопливо скрылась за облака.

Было светло, как днём, стало темно, как в полночь. Скрылся из глаз большой берег, куда тянуло Мишу. Не стало видно ни земли, ни озера.

А ветерок опять шепнул Мише:

«Не спеши, Миша, подожди до утра. Утром солнце взойдёт, и не будет страшно. Всё успеешь, подожди до утра!»

Заплакал Миша и вернулся домой.

Утром ему уже не захотелось на Большую землю.

3. УТРО

Миша лёг в постель и просит:

– Мама, расскажи ещё сказку!

– Но сейчас поздно, – отбивается мать. – Все сказки на покой ушли, в камыши спрятались.

– Как это? – удивляется Миша. – Разве они птицы или рыбы?

Миша удивляется притворно, он только делает вид, что всему верит на слово, а на самом деле он всё понимает.

– Как это сказки спрятались? – переспрашивает он.

– А вот так. Встань завтра пораньше, выйди на берег и, может быть, увидишь, как сказки начнут из камышей выплывать. Может быть, они и тебе покажутся. Только пораньше встать надо, засыпай скорее.

– Хитрая ты, мама! – говорит Миша, всё понимая.

Но поутру он поднялся раньше всех и, наскоро одевшись, вышел к озеру. Ноги сразу стали мокрыми, влажный холодок проник под рубашку, на руках выше локтей появились гусиные пупырышки. Небо чуть-чуть порозовело, но сзади острова, за спиной Миши, поэтому казалось, что утро ещё не наступило. Миша спрятался за кустиком напротив камышей и стал ждать.

Долго ничего не происходило. Густой белый туман над озером побелел ещё больше и начал медленно передвигаться. Вдали за озером объявились верхушки деревьев, только верхушки, до этого лес не был виден совсем. Говорят, что утром туман поднимается. Как же он поднимается, если из тумана сначала показались верхушки леса?.. Значит, туман не поднимается, а опускается, уходит в воду. «Хитрые!» – думает Миша.

Крякнула утка в камышах. Очень интересно крякнула, громко. Ещё раз крякнула. Может, она не в камышах, а где-нибудь на чистом месте, только из-за тумана ничего не видно, и кажется, что она в камышах. Утром каждый звук далеко-далеко слышно.

Опять крякнула утка. Как-то странно она всё-таки крякает... «Не обманешь! – говорит про себя Миша. – Это самая настоящая утка, а никакая не сказка!»

Почти у самого берега плавают круглые листья, словно зелёные тарелочки, и между ними белые твёрдые цветы. Это водяные лилии, их очень много. Одни совсем распустились, а есть такие, что как маленькие зелёные горшочки с трещинками. А в горшочках белое молоко.

Лилий становилось всё больше, они видны уже за камышами, потому что туман уходит в воду. Утром цветы, наверно, холодные и хрупкие. Миша вспоминает, что лягушка-царевна со стрелой во рту сидела вот около таких лилий. А где это он её видел и когда? Но видел же ведь, точно, без обмана.

Миша почти не дышит и внимательно вглядывается в чашечки цветов на озёрной глади. Тихо-то как! И вдруг из воды, прямо из воды, на глазах у Миши вылезает новый цветок и развёртывает во всю ширину свои лепестки. Да нет, Мише это не показалось! Так вот прямо взял да и развернулся целый белый цветок, хоть кричи. Это же удивительно! Это же здорово!

Но Миша не закричал и даже не пошевелился. И правильно сделал. А вдруг это не цветок вовсе? Вдруг это и есть сказка, самая настоящая? Скрывалась всю ночь под водой, а когда пришло время, когда посветлело да потеплело, она и появилась и развернулась. Ух ты!

Потом из камышей выплыла утка. Нарядная, разноцветная и большая. Очень большая. И глаза у неё чёрные, блестящие, как пришитые круглые пуговицы. Миша никогда не видал дикую утку так близко. Только вот в чём дело: если бы утка была далеко, то, конечно, это была бы утка, понятно. Дикие утки все боязливые, дикие. Но эта совсем рядышком, ну просто невозможно как близко. Разве могут настоящие утки подплывать к человеку так близко? Не могут – в этом всё дело. Это же сказка! Видно, мама не обманывала его. Хитрая! Конечно же, это и есть сказка, да ещё с серыми утятами, – вот они!

Утята, серые комочки, выкатились из камышового тростника, как из глухой таёжной труппы, и заскользили вокруг своей матери, брызгаясь и попискивая. Они были очень похожи на ку-

риных цыплят, только сказочные и катышками катались не по земле, а по воде.

Теперь Миша уже во всё мог поверить. Он сидел как заворожённый, как зачарованный и ждал: что же будет дальше? А дальше было вот что: утка исчезла, утята исчезли, и на воде появилась змея. Это была третья сказка. Чёрный уж плыл по озеру, извиваясь, тела его не было видно, над водой торчала одна чёрная голова, но почему-то само собой разумелось, что и сам он весь чёрный. Чёрный змей плыл по воде, а след за собой оставлял красный, почти кровавый, и Мише стало страшно. Но когда он обернулся, словно хотел найти защиту, то увидел, что с другой стороны острова всходит красное солнце, и потому всё вокруг становится розовым и красным. Зелёные листья на деревьях побагровели, будто осенью; травяной луг покрылся цветами, на оконных стёклах заиграли отсветы огня, словно в каждой избе затопилась печь. Лодка, стоявшая у мостков, с вёслами, опущенными в воду, вдруг стала прозрачной, и вокруг неё заиграли солнечные зайчики. Порозовели даже камышинки на воде, и в этих густых розовых зарослях запела птичка. Вероятно, это была птичка, кто же ещё?.. Но какая?.. А чёрный змей уже доплыл до берега и пропал. Всё как в сказке.

Миша встал на ноги. Начинался день, и он хотел идти домой. Наверно, мама заждалась его, волнуется. Не может быть, чтобы она не заметила, когда он уходил из дому. Но в это время на озере кто-то громко чмокнул. Миша замер. Опять кто-то чмокнул – смачно, влажно. Целуются? Нет. Скорее кто-то чавкает. Всё как в сказке. И поёт, поёт птичка в камышах.

Чавканье продолжалось. Миша стал догадываться, что под зелёными тарелочками лилий рыба ловит ртом воздух. А может быть, это не рыба? Как же не рыба, если её даже видно? И зелёные тарелочки вздрагивают и покачиваются после каждого поцелуя.

А здорово было бы, думает Миша, если бы сейчас вдруг приплыла к нему щука и спросила: «Чего тебе надобно, Миша?» А он бы ей: «По щучьему веленью, по моему хотенью...» Вот бы все ребята удивились! И девочки тоже! И мама бы с ума сошла! И папа бы... И Сашка...

– По шучьему веленью, по моему хотенью, – шепчет Миша, – чего бы мне такого пожелать?

Огромная щука подплыла к самому берегу, и Миша её увидел, но у неё была такая пасть, что ни с каким делом обращаться к ней он не захотел. Это была не та щука, это щука была из страшной сказки.

– Миша! Где ты? – звала его мать, – Не заснул ли где-нибудь?

Нет, Миша не заснул. Разве можно было бы столько всего увидеть и услышать, если бы он заснул?

– Иду, мама! – крикнул он, и сразу все сказки исчезли, и страшная щука уплыла от берега. Только невидимая птичка всё пела и пела в камышах, хорошо пела. Она так и не показалась Мише. Наверно, это была самая интересная сказка.

СПАСИБО, ЧТО РАЗБУДИЛ МЕНЯ

– Прости, родная, что я разбудил тебя.

– А что случилось?

– Скорей оденься и выйдем на берег. Там удивительно хорошо!

– Ты знаешь, что я и вчера не спала?

– Знаю, прости, пожалуйста, одевайся скорей!

В окна проникал свет: то ли сияние неба, то ли сияние озера. По полу и по стенам двигались белые лунные полосы. Женщина тяжело поднялась с постели, набросила на плечи лёгкий ситцевый халатик, и он тоже засветился на ней.

– Пойдём скорей, в такую ночь нельзя сидеть в доме, – повторял мужчина.

– Я не сидела. Я только что заснула. Ты знаешь об этом?

– Да!

– Знаешь, что я очень трудно засыпаю?

– Да!

– Что я опять принимала снотворное?

– Да! Я всё знаю. Пойдём скорей!

Когда они вышли на крыльцо, женщина ахнула и заторопилась на берег озера. На ходу она сдернула с плеч халатик и надела его как следует, в рукава. Мужчина теперь шёл сзади, он даже отставал.

Озеро посверкивало и ликовало от берега до берега, всё насквозь; и оттого, что оно было рядом, мир казался шире и глубже. Луна сияла одинаково кругло и в небе и в озере, только представлялось, будто в озере отражается её обратная сторона.

К чёрным камышам на середине озера и дальше – к чёрному лесу на горизонте был перекинут лунный мостик из круглых берёзовых плашек. Мостик был наплавной, и, если ступить на него, побежать по нему, он, конечно, закачается и начнет прогибаться.

Женщина остановилась у самого лунного мостика, на песчаной отмели, и обернулась к мужчине.

– А у твоих ног тоже лунный мостик! – сказала она, сказала так весело, что мужчина заулыбался.

В этот миг далеко за озером раздался крик птицы, будто потревоженный петух спросонок вскинул голову и спросил кого-то: всё ли в порядке?

Крик повторился. Женщина замерла как зачарованная.

– Это петух?

– Нет. В той стороне только болота, жилья нет.

– Кто же это?

– Догадайся сама.

– Не могу.

– Это журавли кричат.

– Почему же они кричат?

– Не спится, наверно. Такая ночь...

– Понятно.

Журавли успокоились, и стало слышно, как над головой зашелестели листья, еле слышно зашелестели, а у самых ног, там, где песок и галька, вдруг легонько плеснула вода. Плеснула, откатилась и опять плеснула. Ночной плеск волны – как плеск времени. Боже мой, как всё интересно!

– Спасибо тебе, родной мой! – сказала женщина.

– Прости, что я разбудил тебя.

– Спасибо, что разбудил. Иначе бы я ничего не знала об этих ночах, об этом нашем мире. Спасибо, что ты не даёшь мне спать.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЦИКЛУ РАССКАЗОВ «СЛАДКИЙ ОСТРОВ»

Обратимся к книге литературного критика Натальи Банк «Нить времени». Она нам поможет более глубоко прочитать цикл рассказов А. Яшина «Сладкий остров». Всего несколько цитат – отрывков.

... в «Сладком острове» Александра Яшина, в цикле недлинных новелл, сгустились впечатления всего лишь нескольких недель, проведённых в сказочном уголке северного края, на Новозере. Неторопливая, обстоятельная повествовательность, обращения к собеседнику, читателю, диалоги выводят новеллы за рамки дневника, но совершенно очевидно, что дневник – почва, на которой выросли все рассказы.

А. Яшин будто заново постигает, взвешивает смысл дорогих понятий: «мать», «наша мама», «сын» – и снова и снова, уже о себе, чуть дрогнувшим голосом: «отец», «папа». В общении с природой теснее становятся узы кровного родства. Отношения наполняются большим духовным содержанием, просыпается желание дарить друг другу не материальное, предметное «что-то», а красоту окружающего мира. Эта мысль... проводится в известном рассказе А. Яшина «Угощаю рябиной», который явно тяготеет по духу, атмосфере, основным идеям к «Сладкому острову».

В новелле «Спасибо, что разбудил меня» «мать» и «отец» названы иначе: «женщина» и «мужчина». Он будит её среди ночи, приводит на берег озера, чтобы вместе пережить удивительные минуты, когда под луной озеро «посверкивает и ликует от берега до берега, всё насквозь», а «к чёрным камышам на середине озера и дальше – к чёрному лесу на горизонте... перекинут лунный мостик из круглых берёзовых плашек» и раздаётся крик журавлей, которым тоже, видно, не спится в такую ночь. Здесь красота природы и человеческого общения, гармонически слитых, не притушена, и в полную силу звучат высокие, нежные, интимные слова «родная», «родной»; в этой главке второй – поэтический – план всего цикла проступает открыто.

Общностью чувств, одинаковым восприятием прекрасного Сладкий остров соединяет старших и младших. Радостная детскость взгляда на мир возвращается к взрослым, а взор ребёнка обретает сосредоточенность, зоркость. Младший сын и отец с матерью видят природу, в общем, одинаково. Мама права: ночью сказки уходят на

покой, прячутся в камыши, а если встать пораньше, выйти на берег – можно увидеть, как они «начнут из камышей выплывать. <...>

«Мише вдруг захотелось попасть» на другой берег, где люди с песнями шли с работы, где коровы мычали, возвращаясь с выгона, и трудились грузовики с сеном. Но как попасть? – продолжается сказка-быль, и эти люди, идущие с работы, грузовики с сеном, обыкновенные коровы не разрушают очарования, не дисгармонируют с озёрной гладью, со «светлым, будто тесовым мостиком», что перекинула перед Мишей луна. Одно неотрывно от другого и вместе называется Родиной. Ни разу на протяжении цикла не произносится вслух это слово, но чувство родины глубоко живёт в отце, от него, как самое дорогое, передаётся сыну, а Сладкий остров благословляет эту преемственную связь всей своей тишиной, освящает рассветами и закатами.

...ситуация, лежащая в основе сюжета «Сладкого острова», локализована во времени, скоропреходяща: прошло десять дней, занятых грибами, рыбалкой, прогулками, созерцанием красоты, пройдёт ещё от силы десять – и всё это кончится, ждёт большая работа, надолго её нельзя оставлять. А Сладкий остров необходим, здесь мы «запасаемся светом»³⁹... светом нравственным, духовным, силами для дальнейшей работы и борьбы. <...>

Возвращаясь к проблематике «Сладкого острова», видим, что даже здесь, на тихой земле, писатель находит поводы для беспокойства об общем, государственном. Настоящих гражданских чувств природа не усыпляет. Элегическое раздумье о запустении острова переходит в публицистический план. Запись исполнена и едкости, и боли: «Догнивают на корню и рушатся берёзовые аллеи. Догнивают и разваливаются всевозможные постройки, постепенно исчезает разное мелкое имущество. Всё оно не бесхозное, всё где-то зарегистрировано, занесено в книги, но бывшим хозяевам оно теперь ни к чему, а передать его тем, кому оно необходимо или может пригодиться, они не удосужились. Вероятно, когда все служебные помещения, жилые дома и прочие постройки догниют, а имущество будет до конца расхищено, – всё будет просто списано по акту, как непригодное. Так у нас часто водится». После этих рассуждений слова о поразительной тишине, упоминания о безлюдности острова до конца цикла звучат с оттенком понятной грусти.

Из «Сладкого острова» не вышло семейной идиллии, да А. Яшин

³⁹ «Запасаемся светом» – название стихотворения А. Яшина.

таковой и не задумывал. Есть чувства выше родственных, отцовских, мужниных, чувства, без которых нельзя быть хорошим отцом, – патриотические, гражданские, их токами пронизана атмосфера рассказов, атмосфера красоты и поэзии. Такие чувства – самое доброе, самое верное наследство, которое надо оставить детям. И о «Сладком острове» можно сказать: **это поэма**».

Фрагмент дневниковых записей А. Яшина 1960 г.:

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ. СЛАДКИЙ ОСТРОВ⁴⁰

Лагерь был средоточием злых сил. Его закрыли, но ничто на этом месте другое не прививалось. И пришлось снова открыть лагерь.

Был монастырь. Была красивая, весёлая жизнь, малиновый звон. Престольные праздники и гулянья. Сбитень. Стены вырастали прямо из воды. Въезжали в сказку по озеру на лодках, усталых домоткаными половиками и коврами. Деревни кругом процветали. Это всё в виде сказки.

Налетели злые силы, превратили остров в тюрьму. Будки с пулемётами, колючая проволока по верху стены. Купола снесли.

Сюда можно пристегнуть и «Бабью дорогу»⁴¹ – мать богатырей бежала по лесу, чтобы спасти своих сынов, но не смогла. След ноги на камне. Как, почему, из-за чего не смогла? Как злые силы задерживали её?

Деревни вокруг захирели. В одной осталась только «Баба Яга»⁴². Кар-

⁴⁰ Сладкий остров – один из островов на Новозере в Вологодской области, в 40 км от г. Белозерска. На другом острове – Красном – расположен древний Кирилло-Новоезерский монастырь, основанный в 1517 году преп. Кириллом Новоезерским. После его закрытия в советское время там был лагерь, из которого убежать было невозможно, так как он окружён водой. После XX съезда партии тюрьму упразднили. В это время, июль–август 1960 года, поэт и жил на Сладком острове со своей семьёй – женой и двумя сыновьями – в освободившемся доме служащих тюрьмы. Эту их «дикую» жизнь на пустом острове, где раньше были гуляния во время престольных праздников, Яшин и описывает в цикле рассказов «Сладкий остров».

⁴¹ «Бабья дорога» – на родине Яшина лесная дорога, события на которой относятся к истории края.

⁴² «Баба Яга» – повесть А. Я. Яшина о последней жительнице умирающей деревни на Новозере.

липки⁴³ – деревня, но все люди в ней служат где-то, значит и деревни уже нет. Крестьяне обслуживают лагерь – это их новое дело в жизни.

Опилками засыпают трясину. Наоборот: всё вокруг превращалось в трясину. Рыба дохла...

Но вот злые силы рухнули (как?) и остров освободился. Что от него осталось, – красоты никакой.

И никто не знал, как вернуть старую жизнь острову, для каких надобностей его приспособить. Кроликидохнут. Куры тоже. Птицы от острова улетают, звери с него бегут, – от каждого камня кровью пахнет. Остались собачники, колючая проволока даже на кустах (а не шипы на шиповнике).

Люди, бывшие крестьяне, остались без работы: надзиратели, сторожа. Собак распустили, они прижились в деревне, но народ не мог собираться в толпы в праздничные колонны – они немедленно становились лагерными псами⁴⁴.

Свинарник открыли – свиньи погибли в трясине, закиданной опилками.

И на пустующий остров злые силы вернулись снова. Больше им никто уже не мешал, никто не сопротивлялся им, – даже странно это для них было и обидно. Казалось, исчезли причины кидаться на людей. Но скоро они привыкли это делать и без причин, без поводов.

Страшно, как у Кафки.

⁴³ Карлипки – сокращённое название дано жителями деревни им. Карла Либкнехта, так как никто не мог выговорить это имя. Прежде она называлась Кобылино. Находилась на берегу Новозера напротив острова с монастырём-тюрьмой.

⁴⁴ Александр Яшин выразил свои противоположные впечатления от пребывания на Сладком острове в двух стихотворениях: «Новозеро» (см. раздел «Тебе, любимая») и «Ещё о собаках» (см. раздел «В несметном нашем богатстве»).

Рычаги

(Рассказ)

Вечером в правлении колхоза, как всегда, горела керосиновая лампа и потрескивал батарейный радиоприёмник. Передавались марши, но их почти не было слышно. За сосновым квадратным столом сидели четыре собеседника, а табачного дыму было столько, что огонёк в лампе еле-еле дышал, как в часы большого собрания. Казалось, что и приёмник потрескивает потому, что дыму в избе много. На столе для окурков стоял глиняный горшок, он был уже полон. Временами в горшке от брошенной сигарки вспыхивал огонь, тогда бородатый животновод Ципышев прикрывал горшок осколком настольного стекла. При этом каждый раз кто-нибудь произносил одну и ту же шутку:

– Сожжёшь бороду – коровы бояться перестанут!

На что Ципышев неизменно отвечал:

– Бояться перестанут, может, удоя прибавят.

И все смеялись.

Пепел с сигарки стряхивали на пол, на подоконники, а в горшок кидали только окурки.

Сидели долго, разговаривали неторопливо – обо всём понемногу и доверительно, без всяких оглядок, как старые добрые товарищи.

Сквозь полумрак на бревенчатых стенах проглядывались кое-какие плакаты и лозунги, список членов колхоза с указанием по месяцам количества выработанных трудодней, обрывок старой стенной газеты и пустая, вся чёрная доска, разделённая белой чертой на две равные части: на одной половине мелом было написано «чёрная», на другой половине – «красная».

– А ведь сахар-то в сельпо на днях опять привозили! – сказал кладовщик Шукин, самый молодой из собеседников, в одежде которого замечалась уже городская школа: на нём была рубашка с галстуком, из нагрудного кармана пиджака торчали авторучка и расчёска.

– Донёс, что ли, кто? – лукаво спросил его третий из сидевших за столом, человек без левой руки, полный, рыхловатый,

в затасканном, чуть ли ещё не фронтовом брезентовом плаще внакидку.

– Никто не доносил, а сам Микола с бабой послал мне на дом килограмма два, сказал – после рассчитаемся.

– И ты взял?

– Нет, не взял... Не брать, так всю жизнь без сахара просидишь. И ты бы взял.

– Ну, тебе-то, Пётр Кузьмич, он не пошлёт! – засмеялся в бороду Ципышев, глянув на однорукого сбоку, с прищуркой. – Злой он на тебя. А Серёга ему свой человек, – обернулся он к Шукину. – Серёга его не снимал с кладовой, хоть и сел на его место.

Сергей Шукин совсем недавно был рядовым колхозником. Вступив в партию с месяц назад, он начал поговаривать о том, что все командные высоты в колхозе должны занимать коммунисты и что ему теперь просто неудобно не продвигаться по должности. С ним согласились. Вспомнили, что колхозный кладовщик имеет уже несколько замечаний за воровство, и поставили в кладовую Шукина. На очередном общем собрании никто против этого решения возражать не стал. Шукин купил себе авторучку и стал носить галстук. А предшественник его ушёл на работу в сельпо. О нём сейчас и шёл разговор.

– Взял-то я взял, – сказал Шукин после некоторого раздумья, – но где же всё-таки правда? Куда уходит сахар, где мыло, где всё? – После этих громких слов он достал расчёску и стал приглаживать густые, молодые непокорные волосы.

Тогда дал о себе знать и четвёртый собеседник:

– Зачем тебе правда, ты сейчас – кладовщик?

Четвёртый был человеком средних лет, но уже с сединой, бледный и, по-видимому, не очень здоровый. Он курил беспрерывно, больше всех, и много кашлял. Когда протягивал руку к горшку, чтобы выкинуть обжигавший пальцы окуроч, видны были его большие толстые ногти и под ногтями – земля, не грязь, а земля. Это был бригадир полеводческой бригады Иван Коноплёв. Слыл он мужиком справедливым, но злым, говорил редко, но едко. На резкие слова его обычно никто не обижался, видимо люди не чувствовали в них нелюбви к себе. Не обиделся и Шукин.

А однорукый, которого все называли по имени и отчеству, Петром Кузьмичом, возразил:

– Ну, правда – она нужна. На ней все держимся. Только я, мужики, чего-то опять не понимаю. Не могу понять, что у нас в районе делается? Вот ведь сказали – планируйте снизу, пусть колхоз решает, что ему выгодно сеять, что нет. А план не утверждают. Третий раз вернули для поправок. Видно, собрали все колхозные планы, сбалансировали, и вышло – с районным планом не сходятся. А районный план дают сверху. Тут кумекать много тоже нельзя. Ну, и нашла коса на камень. Искры летят, а толку нет. От нашего плана опять ничего не осталось. Вот тебе и правда! Не верят нам.

– Правду у нас в районе сажают только в почётные президиумы, чтобы не обижалась да помалкивала, – сказал бледный Коноплёв и бросил окурок в горшок.

Ввернул своё слово и Щукин:

– Правда нужна только для собраний, по праздникам, как критика и самокритика. К делу она не применима – так, что ли, выходит?

На лице бородатого животновода Ципышева вдруг промелькнула настороженность и какое-то чувство неловкости – казалось, ему перестал нравиться этот доверительный разговор.

– Ладно, руби, да знай, куда щепки летят, – жёстко заметил он Щукину. И тут же изменил тон, словно пожалел о своей грубости. – Правда, брат, она есть правда... А вот тебя посади в почётный президиум, ты и перестанешь землю видеть, – сказал и засмеялся, раздувая усы и бороду.

Борода у Ципышева росла только на подбородке, но и на щеках и за ушами, сливалась с густыми рыжеватыми бровями, нависавшими на глаза, и когда Ципышев смеялся – смеялось всё его лицо, все волосы, а глаза поблёскивали откуда-то из глубины их.

– Был я на днях в райкоме, у с а м о г о б, – продолжал Пётр Кузьмич, называя так первого секретаря райкома. – Что же, говорю, вы с нами делаете? Не согласятся колхозники третий раз план изменять, обидятся. Нам лён нужен. Под лён и лучшую землю отводить следует. А опыты у нас уже были и с кроликами

и с травопольем. Сколько людей зря извели. Хлеба не стало – государству же во вред. Дайте, говорю, под кукурузу хоть десять, ну двадцать гектар на первый раз, а не сто, не тысячу. Привыкнем – сами прибавим, сами будем просить больше. Давайте не сразу... «Нет, – говорит, – сразу. Надо, – говорит, – план перевыполнить, надо активно внедрять новое». Активно-то, говорю, активно, да ведь у нас север, и народу мало, и земля – она своего требует. Людей убеждать надо. Ленин указывал – активно убеждать надо. А он говорит: «Вот ты и убеждай! Мы тебя раньше убеждали, когда колхозы организовывали, а сейчас ты убеждай других, проводи партийную линию. Вы, – говорит, – теперь наши рычаги в деревне». Говорит, а сам руками разводит, видно, ему тоже не всё сладко. А гибкости в нём нет, не понимает он, чего хочет партия, боится понять.

– Накалённая атмосфера! – как бы пояснил его слова Шукин и снова потянулся за расчёской.

– И не будет сладко. Он всё равно долго здесь не усидит, – сказал Ципышев. – Не так себя поставил, строго очень. Людей не слушает, всё сам решает. Люди для него – только рычаги. А я так понимаю, ребята, что это и есть бюрократизм. Вот, скажем, приходим мы к нему на собрание. Ну, поговори, как человек, по душам. Нет, не может без строгости, обязательно строгость соблюдает. Как оглядит всех сверху да буркнет: «Начнем, товарищи! Все в сборе?» – ну, душа в пятки уходит, сидим, ждём выволочки... Скажи прямо, если что неладно – народ горы своротит за одно прямое слово. Нет, не может.

– Он думает, что партия авторитет потеряет, если он с народом будет разговаривать, как человек, по-простому. Ведь знает, что получаем в колхозе по сто граммов на трудодень, а твердит одно: с каждым годом растёт стоимость трудодня и увеличивается благосостояние. Коров в нашем колхозе не стало, а он: с каждым годом растёт и крепнет колхозное животноводство. Скажи: мол, живёте вы неважно потому-то и потому-то... но будем жить лучше. Скажи – и люди охотнее за работу возьмутся.

– Накалённая атмосфера! – снова заключил Шукин горячие слова Петра Кузьмича.

Иван Коноплёв докуривал новую сигарку, нервничал и всё порывался сказать что-то – видно, резкое и едкое, но тяжёлый астматический кашель вдруг схватил его и вывел из-за стола. У порога Коноплёв поднял веник и долго плевал в угол. А животновод Ципышев сочувственно выговаривал ему:

– Опять, наверно, табак сменил? Я тебе давно наказывал – кури одну махорку, да корешковую, легче будет.

Немного откашлявшись, но еще не разгибаясь, Коноплёв поднял голову и сказал с хрипотцой:

– Начальники наши районные с народом разговаривать разучились, стыдятся: сами всё понимают, а прыгнуть боязно. Где уж тут убеждать. На рычаги надеются. Домá заколоченные в деревне видят, а сказать об этом вслух не хотят. Только и заботы, чтобы в сводках все цифры были круглые. А как люди, что люди, с чем они остались?.. – И Коноплев опять мучительно закашлялся.

– Ладно, ладно, помолчи, а то вся душа наружу выскочит! – Ципышев встал из-за стола и пошёл к порогу, к Коноплёву. – Вот погоди, Иван, мы тебе путёвку через райком выхлопочем. Съездишь к морю за воздухом, заодно посмотришь, как люди там живут, поучишься и нам расскажешь. Смелости всем добавишь.

Коноплёв сделал навстречу ему нетерпеливое движение рукой, – сиди, дескать, зачем сюда лезешь, уйди! – но сказать из-за кашля ничего не смог. Ципышев вернулся к столу.

– Жёнка ему такую путёвку пропишет, что и родных не узнает, – сказал Шукин. – Она у него наблюдательная: кашляй сколько хочешь, кури, пей, только чтобы от неё ни на шаг.

– Воздух у нас свой не хуже морского, – мечтательно заметил Пётр Кузьмич. – Воздух-то есть! Раньше, бывало, лечиться от кашля ходили на смолокурни или живицу гнать. В сосняке поживёт человек недели три-четыре, пособирает эту живицу из коробочек в бочки – глядишь, и деньги заработает и дышать легче станет. Закупают ли нынче где эту живицу? Что-то я не слыхал. Терпентин из нее какой-то делали да канифоль для скрипачей. Сейчас, поди, без канифоли играют.

– Пластмассой заменили. Вот! – Шукин показал свою расчёску. – Она тоже из пластмассы.

На расчёску Шукина никто не взглянул.

– А лампа у нас совсем гаснет, ребята, – поднял кверху свою бороду Ципышев.

От порога отозвался Коноплёв.

– Погаснешь без воздуха. Лампе тоже воздух нужен.

Коноплёв последний раз пошумел сухим венником и вернулся к столу. Лицо у него было бледное, дыхание тяжёлое.

– Я так понимаю наши дела, – сказал он. – Пока нет доверия к рядовому мужику в колхозе, не будет и настоящих порядков, ещё хлебнём горя немало. Пишут у нас: появился новый человек. Верно – появился! Колхоз переделал крестьянина. Верно – переделал. Мужик уже не тот стал. Хорошо! Так этому мужику доверять надо. У него тоже ум есть.

– Не волк съел, – подтвердил Ципышев.

– Вот! И нас не только учить – и слушать надо. А то всё сверху да сверху. Планы спускали сверху, председателей сверху, урожайность сверху. Убеждать-то некогда, да и нужды нет, так оно легче. Только спускай, знай, да рекомендуй. Культурную работу свернули – хлопотно, клубы да читальни только в отчётах действуют, лекции и доклады проводить некому. Остались кампании по разным заготовкам да сборам – пятидневки, декадниги, месячники...

Коноплёв передохнул, а Пётр Кузьмич воспользовался этим, вставил слово:

– Бывает и так: клин не лезет, а дерево виновато, говорят – дерево с гнильцой. Поди-ка не согласишься в районе. Они тебе дают совет, рекомендацию, а это не совет, а приказ. Не исполнишь – значит, вожжи распустил. Колхозники не соглашаются – значит, политический провал.

– А почему – провал?! – почти крикнул Коноплёв. – Разве мы не за одно дело болеем, разве у нас интересы разные?

– Ну, райком тоже, брат, по головке не гладят, коли что. И с них требуется, дай Боже.

– Дай Боже, дай Боже! – горячился Коноплёв. – Рядом, в Груздихинском районе, другие порядки. Шурин приезжал на днях, рассказывает: там у председателей поджилки не дрожат, когда начальство их в район вызывает. Нет этого страха. Секретарь

в колхоз приходит запросто, разговаривает с людьми не по бу-мажке.

На полке в переднем углу слышнее заработал радиоприёмник. Он всё так же потрескивал и шипел, словно выдыхающийся пенный огнетушитель, но теперь сквозь шипенье и потрескивание пробивалась не музыка, а окающая, с запинками речь. Передавались письма с целинных земель. Какой-то паренёк рассказывал о своих трудовых успехах на Алтае. Собеседники при-слушались.

«Нас всех зовут москвичами, хотя мы из разных городов. Дер-жимся дружно, в обиду себя никому не даём. Урожай в прош-лом году выдался небывалый. В пшеницу войдёшь, словно в камыши. Даже старики не помнят таких хлебов. Для ссыпки не хватает мест, тяжело было...»

Паренёк обращался к своей дорогой маме, но так, будто ни-когда раньше не произносил этого имени. Он явно робел перед микрофоном.

– Ты смотри, – сказал Пётр Кузьмич, – и там свои беды: хлеб ссыпать некуда. Хоть бы навесы какие-нибудь понастроили, чтобы зерно не гноить. – Он ткнул рукой в сторону радиопри-ёмника, и брезентовый плащ соскользнул с его левого безрукого плеча.

– Не всем же на Алтай ехать! – буркнул Коноплёв и, закаш-лявшись снова, поднялся из-за стола, взял обеими руками гор-шок с окурками, пошёл к порогу. Там он откинул ногой веник и вывалил окурки в угол.

И тогда обнаружилось, что в избе во всё время этого разго-вора присутствовал ещё один человек. Из-за широкой русской печи раздался повелительный старушечий окрик:

– Куда сыплешь, дохлой? Не тебе подметать. Пол только вы-мыла, опять запаскудили весь.

От неожиданности мужики вздрогнули и переглянулись. Произошла не то что заминка, а смятение, переполох.

Бывает нечто подобное в зимнюю ночь, когда рассказывает кто-нибудь страшную сказку про лешего, про водяного и вдруг в самую жуткую минуту от мороза оглушительно треснет угол избы или настёжь раскроется дверь.

– Ты всё ещё тут, Марфа? Чего тебе надо?

– Чего надо... За вами слежу! Подпалите контору, а меня на суд потянут. Метла сухая, вдруг – искра, не приведи Бог...

– Иди-ка ты домой.

– Когда надо будет – уйду.

Разговор друзей оборвался, словно они почувствовали себя в чём-то друг перед другом виноватыми.

На мгновение стала слышна улица, шум ветра, далёкая девичья песня.

Сергей Шукин выключил приёмник, голоса целинников пропали.

Мужики снова стали отрывать клочки газеты, понемногу вытягивая её из-под разбитого стекла, и скручивать сигарки и «козьи ножки». Долго молчали, курили... А когда опять начали перебрасываться короткими фразами, это были уже пустые фразы – ни о чём и ни для кого. Про погоду – дрянная стоит погодка, в такую погоду кости ломит; про газеты – они ведь разные бывают, из другой свернёшь сигарку, так горечь одна, и табаком не пахнет; потом что-то про вчерашний день – сходить куда-то надо было, да не сходил; потом про завтрашний день – надо бы встать пораньше, в кои-то веки баба собирается блинами накормить... Пустые фразы, – но даже и такие произносили уже приглушённо, тихо, то и дело оглядываясь по сторонам да на печку, словно за ней скрывалась не Марфа, конторская уборщица, а какой-то посторонний, непонятный человек, которого следует остерегаться. Коноплёв даже кашлять перестал. На бледном лице его появилась краска. А Ципышев посерьёзней, больше не разговаривал, не улыбался, только раза три спросил, так, не обращая ни к кому:

– Что это учительница замешкалась? Начинать бы надо партийное собрание.

Один Шукин вдруг повёл себя несколько странно: ему не сиделось на месте, табуретка под ним поскрипывала, глаза – молодые, озорные, с хитринкой – блестяли и смотрели на всех с вызовом. Казалось, Шукин вдруг увидел что-то такое, чего никто другой ещё не видел, и потому почувствовал своё превосходство над другими. Наконец, он не выдержал и громко захохотал.

– Ох, и напугала же нас проклятая баба!

Пётр Кузьмич и Коноплёв переглянулись и тоже захохотали.

– И верно – дьяволица! Вдруг из-за печки как рвякнет. Ну, думаю... – Иван Коноплёв с трудом закончил фразу: – Ну, думаю, с а м приехал, застучал нас...

– Перепугались, как мальчишки на чужом горохе.

Смех разрядил напряжённость и вернул людям их нормальное самочувствие.

– И чего мы боимся, мужики? – раздумчиво и немного грустно произнёс вдруг Пётр Кузьмич: – Ведь самих себя уже боимся!

Но Ципышев не улыбнулся и на этот раз. Он словно не заметил, что заливались и Коноплев и Пётр Кузьмич, а только на Сергея Шукина взглянул строго, как старший.

– Молод ты ещё, чтобы над этим смеяться! Поживи с наше...

Но Шукин уже не унимался. К тому же и Пётр Кузьмич и Коноплёв были явно на его стороне. Они оживлённо подмаргивали ему и продолжали смеяться.

– Вот так и боимся! – сказал Коноплёв.

Марфа за печкой молчала.

В контору ввалились два паренька комсомольского возраста.

– Вы зачем? – повернулся к ним Ципышев всем телом.

– Радио хотим послушать.

– Нельзя. У нас сейчас партсобрание будет.

– А нам куда? Тут нас много.

– Куда хотите.

Сказав это, Ципышев оглянулся на своих друзей, словно хотел узнать, одобряют ли они его поведение.

Пётр Кузьмич не одобрил:

– Вот что, молодцы, – сказал он, обращаясь к ребятам. – Мы тут провернём партсобрание, поговорим, а потом уж вы займите позиции.

Наконец пришла и учительница, Акулина Семёновна, – молодая, низкорослая, почти девочка. Она устало распутала и сняла с головы серый шерстяной платок и ткнулась в уголок под деревянную полку с приёмником. С её приходом немного оживился и Ципышев. Но это его оживление выразилось в том, что он преувеличенно строго по-начальнически заговорил с учительницей:

– Ты что это, Акулина Семёновна, всех ждать заставляешь?

Акулина Семёновна виновато посмотрела на Ципышева, на Петра Кузьмича, потом на горшок с окурками, на лампу и опустила глаза.

– Ну... задержалась... в школе. Вот, Пётр Кузьмич, – обратилась она к однокласснику, – я бы хотела до начала собрания решить вопрос. В школе дров нет...

– О делах потом, – оборвал ее Ципышев, – сейчас собрание проводить надо. Райком давно требует, чтобы в месяц два собрания было, а мы и одного стовориться запротоколировать не можем. Как отчитываться будем?

Иван Коноплёв при этом крякнул, и Ципышев опять на какое-то мгновение словно бы почувствовал неловкость, неуверенность в себе и робко оглянулся вокруг, будто прося извинения за свои слова. Но все промолчали. тогда голос Ципышева окончательно приобрел твёрдость и властность. Что произошло? Борода его расправилась, удлинилась, глаза посуровели, в них исчез живой огонёк, который поблёскивал в минуты простой дружеской беседы. К уборщице Марфе Ципышев обратился уже тоном приказа:

– Ты, Марфа, выйди! Мы тут партийное собрание проведём. Говорить будем.

И Марфа словно почувствовала происшедшую перемену, – она не слушалась, не заворчала.

– Говорите, говорите. Разве я не понимаю. Выйду.

Когда за притихшей Марфой тихо закрылась дверь, Ципышев встал и произнёс те самые слова, которые в подобных случаях произносил секретарь райкома партии, и даже тем же сухим строгим и словно бы заговорщическим голосом, каким говорил перед началом собраний секретарь райкома:

– Начнём, товарищи! Все в сборе?

Сказал он это и будто щёлкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: всё в избе начало преобразоваться до неузнаваемости – люди, и вещи, и, кажется, даже воздух.

Щукин и Коноплёв бесшумно отодвинулись от стола, Пётр Кузьмич остался сидеть, где сидел, только подобрал наполовину свалившийся с плеч брезентовый плащ и положил его в сторону

на лавку. Учительница Акулина Семёновна еще больше втянулась в угол под радиоприёмник. Лица у всех стали сосредоточенными, напряжёнными и скучными, будто люди приготовились к чему-то очень давно знакомому, но всё же торжественному и важному. Всё земное, естественное исчезло, действие перенеслось в другой мир, в обстановку сложную и не совсем ещё привычную и понятную для этих простых, сердечных людей.

– Все в сборе? – повторил Ципышев, оглядывая присутствующих, словно их было по крайней мере не один десяток.

А было их сейчас, как мы уже знаем, всего-навсего пятеро.

Животновод Степан Ципышев оказался секретарём парторганизации. В секретари его избрали недавно по рекомендации райкома. Польщённый этим, Ципышев старался как можно лучше исполнять свою роль и, будучи человеком неискушённым, невольно начал во всем подражать «хозяину района». Правда, иногда он сам иронизировал над собой, но всякое указание сверху исполнял всё же с таким рвением и с такой буквальностью, – всё из робости допустить какую-нибудь ошибку, – что порой не хуже было бы, если бы не всякая спица ставилась им в колесницу. Присутствовавший при избрании Ципышева зональный инструктор райкома пошутил, что у товарища Ципышева есть немало достоинств, но есть и недостатки и главным его недостатком является борода. Ципышев принял эту шутку всерьёз, как указание, и решил про себя, что бороду и все прочие волосы с лица обязательно снимет, но пока для этого не было подходящего случая.

Пётр Кузьмич Кудрявцев, однорукий, оказался председателем колхоза. Иван Коноплёв, как уже упоминалось, – бригадиром-полеводом. Сергей Шукин – кладовщиком.

С тех пор как Шукина поставили кладовщиком, а его предшественник снялся с учёта в связи с переходом на работу в сельпо, рядовых колхозников в парторганизации не было. Акулина Семёновна – та уж совсем из интеллигенции, хотя была своя, односельчанка, и во всём зависела от правления колхоза.

– Первое слово по ходу дня предоставлено председателю нашего колхоза товарищу Петру Кузьмичу.

Кудрявцев Пётр Кузьмич встал.

Ципышев сел.

Партийное собрание началось.

И началось то самое, о чем с такой откровенностью и пронизательностью только что говорили между собой члены партийной организации, в том числе и сам секретарь её, понося казённую бюрократизм, буквоедство, отсутствие здравого смысла в делах и в речах.

– Товарищи! – сказал председатель колхоза. – Райком и райисполком не утвердили нашего производственного плана. Я считаю, что мы кое-что не предусмотрели и пустили на самотёк... это не к лицу нам. Мы не провели разъяснительной работы с массой и не убедили её. А людей убеждать надо, товарищи. Мы с вами являемся рычагами партии в колхозной деревне – на это нам указали в райкоме и в райисполкоме...

Учительница осторожно, крадущимися движениями рук, чтобы никому не помешать, снова повязала голову платком, лица её не стало видно, и о чём она сейчас думала, никто бы сказать не смог.

А Шукин опять заулыбался. Он достал из кармана вечное перо, повертел его в руках, затем вынул расчёску, посмотрел сквозь неё на лампу, тихонько дунул на зубья и положил расчёску обратно, причёсываться не стал. Лицо его расплывалось всё шире и шире, а в глазах засветился лукавый издевательский огонёк. Казалось, вот-вот Шукин снова расхохочется. Но он не расхохотался и только толкнул в бок Коноплева и шепнул ему:

– Видел, что делается? Узнаёшь ты его сейчас?

Коноплев тоже улыбнулся, но криво, недобро.

– Ладно уж, не мешай. Так надо. Пётр Кузьмич сейчас в своей должности. Как в районе, так и у нас. Каков поп, таков и приход.

– А правда как?

– Правда – она своё возьмет. Она, брат, скоро дойдёт и до нас, она прогремит. Дождёмся!

– До точки ведь докатимся.

– Не докатимся.

И Коноплев потянулся к столу, придвинул к себе горшок и курил, курил... Кашлять он не решался, крепился, хотя в груди всё клочотало и свистело.

Кудрявцев Пётр Кузьмич говорил недолго. Суть его доклада

сводилась к тому, что боеспособность партийной организации район поставит под сомнение, если план севооборота колхоза, составленный для следующего года, не будет исправлен немедленно и безоговорочно согласно указаниям райкома и райисполкома. С этим согласились все выступавшие в прениях. Иначе было нельзя.

А в прениях выступали и Акулина Семёновна, и Щукин, и Коноплёв. Расхождений во мнениях не обнаружилось, как не было их и во время той дружеской беседы до начала партийного собрания, правда, сейчас согласованность и единодушие проявлялись несколько в ином, можно сказать, в обратном значении.

Ципышев был удовлетворён сплочённостью коммунистов, и по второму вопросу выступал сам.

Как-то зональный секретарь райкома партии обратил внимание на то, что в колхозе не развернута политико-воспитательная работа и о соответствующих фактах сообщил докладной запиской первому секретарю райкома.

– Лучших мы, товарищи, не поощряем, – говорил в связи с этим Ципышев, – отсталых не наказываем, соревнования нет. Посмотрите хотя бы на нашу красно-чёрную доску – картина ясная. Надо возглавить массы, товарищи! Думаю так: наметить для премирования несколько объектов, для этого на каждом объекте подобрать одного-двух человек... А кое-кого штрафнуть, чтобы в обе стороны правильно было... В райкоме нас одобряют...

Собрание единогласно постановило выделить пять человек на премию, трёх на штраф. Разговор возник только о том, на каких объектах нужно искать людей для поощрения, на каких – для наказания.

– Давайте подумаем, – предложил Ципышев. – Вот, скажем, за постройку скотного двора как будем? Премировать?

Решили штрафовать.

Ни одной резолюции написать не успели, – вернулась Марфа, чтобы прибрать и запереть контору. Пётр Кузьмич предложил составление резолюций поручить секретарю.

– Ты напиши знаешь как, – шептал он, довольный, что собрание подошло к концу: – «В обстановке высокого трудового подъёма по всему колхозу развёртывается...»

– «По всей стране...» – подсказал Щукин.

Домой собрались быстро, и похоже, что у всех на душе было ощущение исполненной обязанности и в то же время неловкости, недовольства собой.

А на крыльце уже застучали сапоги, в дверях появилась молодёжь, и мужики задержались.

– Вовремя мы подошли? – спросил один из тех двух пареньков, которые заходили в контору раньше.

– Вовремя! – ответил Пётр Кузьмич. – Самое время. Вваливайтесь, ребята, все.

В избу ворвался прохладный воздух с улицы. Огонёк в лампе ожил, задвигались табуретки. Открыли окно.

– Ну и дыму у вас! – шумели девушки.

Акулина Семёновна с появлением молодёжи выпрямилась, сбросила с головы платок. Это были люди её возраста, с ними она чувствовала себя свободнее.

Заходил по кругу и Сергей Щукин – затянул потуже галстук и уже не покидал девушек.

Включённый приёмник неожиданно заговорил громко и чисто. Передавались материалы о подготовке к двадцатому партийному съезду. Это сообщение прослушали все.

Пётр Кузьмич, словно подобрёв, перед уходом сказал Акулине Семёновне:

– Дрова подвезут, ты не беспокойся, распоряджусь.

А Ципышев подошёл к Сергею Щукину и сжал ему руку powyше локтя:

– Остаёшься тут?

– Остаюсь.

– Ну, следи, чтобы ничего такого...

Когда председатель колхоза Пётр Кузьмич Кудрявцев и полевод Иван Коноплёв шли из конторы по тёмной грязной улице, возобновился разговор о жизни, о быте, о работе – тот самый, который шёл до собрания.

– Теперь что двадцатый съезд скажет! – то и дело повторяли они.

И снова это были чистые, сердечные, прямые люди. Люди, а не рычаги.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАССКАЗУ «РЫЧАГИ»

Особое место в творческой судьбе Александра Яшина и в истории советской литературы 60-х годов занимает рассказ «Рычаги», по объёму меньше авторского листа, – прозаический дебют писателя. Опубликован он был в альманахе «Литературная Москва» №2 за 1956 год и стал не просто литературно-общественным событием, а имел, как тогда говорили да и потом, эффект разорвавшейся бомбы. Читатели приняли появление этого рассказа восторженно – об этом свидетельствуют их письма, коих сохранилась большая папка. А многие писатели оказались такими же рычагами, только в своей писательской среде. Официальная критика назвала рассказ клеветническим. Рассказ подвергли, по словам одного критика, «идеологической казни», а автора назвали очернителем действительности.

После массовых проработок в печати, погромных выступлений на различных собраниях, закрытия альманаха и изъятия его из библиотек, о «Рычагах» запрещалось упоминать даже с отрицательным суждением. На долгие годы – десятилетия – он был предан анафеме. В «Курсе лекций по истории КПСС» (М., 1961) в главе «Подъем идеологической работы» есть указание официального отношения к этому рассказу: «Появились литературные произведения, искажающие советскую действительность, непомерно преувеличивающие теневые стороны нашей жизни. К их числу относится рассказ А. Яшина “Рычаги”».

В небольшой книжечке «Глазами друзей и врагов» («Советская литература за рубежом») Т. Мотылева, говоря о том, что «видный писатель-коммунист в этом рассказе попытался поставить острые, в ту пору далеко ещё не решённые вопросы партийной жизни на селе; он руководствовался одним лишь желанием – помочь партии преодолеть пережитки бюрократизма, администрирования, чуждые природе социалистического общества», приводит мнение Г. Струве⁴⁵, по ее убеждению, одного из «бешеных врагов СССР»: «Струве же уверяет своих читателей, что автор здесь выступал “не против явлений бюрократизма, а по сути дела против коммунистической партии как таковой”».

Видимо, рассказ был одной из причин внутривнутрипартийных расколов, вернее выявлению их: били преданного члена партии. Никто не

⁴⁵ Г. Струве – историк литературы, резко критически относился ко всему постреволюционному периоду России. Покинул Россию с «первой волной» эмиграции.

ожидал от лауреата Сталинской⁴⁶ премии «предательства»: власть подкупала, а тут – искренность... Интересно, что замечания членов редколлегии «Литературной Москвы» по рассказу были очень мирными. Сохранилось несколько таких записок, никак не предполагавших всей силы впечатления от рассказа и реакции на его публикацию. Наоборот, одно из замечаний такое: «не хватает воинственности»... И как потом, после гневных окриков, испугались, попрятались все.

Помню, как пришёл вечером из соседнего подъезда к нам Э. Казакевич и я, проходя мимо отцовского кабинета, слышала, как Казакевич произносил пугающие меня, как в сказке, слова: «Ведьму ищут! Ведьму ищут!». Он, оказывается, всю ночь бродил по Москве, не заходя домой, боясь ареста.

...И остался Яшин один в поле воин – все притаились. С врагами внешними трудно сражаться, но они видны, а вот с внутренними, когда они почти не обозначены, хотя внешне у всех вроде бы одни идеалы и цели... Позже Вениамин Александрович Каверин, также один из членов редколлегии, вспоминал, что в «атаке против “Литературной Москвы” <...> основной удар пришёлся на рассказ А. Яшина “Рычаги”, в котором с небывалой силой общее и даже всеобщее явление было показано в конкретном, художественном воплощении». Вот что дальше пишет Каверин: «“Рычаги” прославили Яшина. Он впервые показал одно из самых характерных явлений советского общества, двойную жизнь, на которую идут одни добровольно, другие – нехотя, третьи – с целью извлечь из неё пользу за счёт других, четвёртые – и таких большинство – машинально». Но Каверин писал это уже в начале «перестройки», а Яшин тогда еще в 1958 году писал о главной болезни времени: «Мы неполной жизнью живём⁴⁷ И неполною грудью дышим В полуголос песни поём, Даже письма с оглядкой пишем. До чего ж мы были просты С нашей верою беспросветной, С нашей преданностью несусветной, Доходившей до слепоты! Зарубцуются ль в сердце моём, В слабом сердце Рваные раны? Мы двойною жизнью живём, Потому и стареем рано». Такие стихи не сочиняются, они выстраданы. В эти годы создавались именно такие стихотворения, но писались, как говорили, «в стол». Говоря о жизни нашего общества, Каверин пишет далее: **«В рассказе “Рычаги” А. Яшин с предметной выразительностью изобразил это явление. Эта выразитель-**

⁴⁶ Сталинскую премию Яшин получил за поэму «Алёна Фомина». Позже Сталинская премия была заменена на Государственную. Поменяли и медаль, и удостоверение.

⁴⁷ См. стихотворение Яшина «Мы неполной жизнью живём...».

ность была близка к простейшей формуле, а ведь в конечном счёте простота всегда оказывается самой сильной формой художественности».

Ну вот и художественность признана, а то сколько пытались унизить рассказ, обвинив его в нехудожественности. Такие приёмы распространены и известны не только в литературе. Сколько пытались внушить, что Храм Христа Спасителя не имеет художественной ценности, чтоб оправдать его разрушение.

«Рычаги» – тема, не вдруг появившаяся в творчестве А. Яшина, она прослеживается издалека. Вот запись 6/VI-1940 г.: «В компании друзей, за рюмкой – человек как человек (предрайисполкома), и ему трудно и муторно, но через полчаса он – докладчик, и его не узнаешь: и счастливая, и радостная, и зажиточная, и небывалая высота, и лучшее в мире – весь арсенал казённых слов». И в 1954 году встречаем ту же тему: «Как-то в часы дружеской беседы с одним секретарём райкома партии я обратил внимание на его глубокую и всестороннюю осведомлённость в делах своего района и самое пристальное внимание к жизни каждого человека. Мой собеседник был смел в суждениях и прозорлив. И я подумал, что хорошо бы и каждому из нас, писателей, так же знать жизни и людей “своего района”. Но вот секретарь райкома вышел на трибуну и начал излагать суконным языком общеизвестные истины, всячески избегая постановки острых вопросов жизни, – словно его подменили. На мой упрёк он ответил не без иронии: – Посмотрим, о чём и как вы, поэты, будете писать, когда вернётесь с Алтая»⁴⁸. Как это похоже на события, описанные в дневниках 1956–1957 годов, происходившие на партсобраниях в Союзе писателей. Общеизвестная тема «рычагов» проходит через всю творческую жизнь писателя и, если не конкретно, то подразумевается... И это не случайно, так как она более глобальна, чем кажется на первый взгляд. «Рычаги» – тема государственного устройства, его идеологии. Долго еще писателю казалось, что если он подаст сигнал о неблагополучии в жизни, в обществе, то всё это исправится... Он пытался всё поставить на свои места, как ему казалось должно быть справедливым. Отсюда такая запись в книге «Золотые слова» от 16/XI-56 г.: «С некоторых пор в качестве руководства партии литературой стали приниматься лишь выступления по литературным вопросам отдельных работников ЦК, аппарата ЦК. Эти выступления, порой очень несведущих в искусстве товарищей, считаются руководящи-

⁴⁸ См. на эту тему стихотворение Яшина «В сельском клубе» в разделе «В несметном нашем богатстве».

ми указаниями партии. Но почему? Партия – это ещё не аппарат ЦК. Партийное руководство литературой осуществляют писатели-коммунисты, писатели – носители ленинской идеологии и знающие этот участок идеологического фронта партии. Мы сами отвечаем перед партией за литературу, мы писатели-коммунисты, ибо литература это наша работа». На эту тему позже он напишет «в стол» стихотворение «О поэзии». В этой книге оно есть в разделе с таким же названием.

История с «Рычагами» была для Яшина краеугольным камнем, на котором строится его дальнейшая творческая жизнь. Вот начало записи для выступления в МК 28/XII-62 г.: «Среди множества трагедий, которыми полна наша великая история, – мелкой кажется порой судьба отдельного человека. Может быть, поэтому у нас выработался страх рассказывать что-то о себе на таких больших и авторитетных собраниях, как это. Но и невозможно говорить ни о чём, если не думаешь о своем жизненном опыте и пути. Так получилось, что все вздохнули после многих лет произвола, стали расправлять плечи, а со мной произошло обратное. – Теперь, что скажет 20-й съезд, – кончается рассказ. А 20-й съезд сказал именно то, что я хотел, осудил именно то, что я решил осудить в своём рассказе. Но инерция старого еще была сильна. Она сильна и сейчас. Должен сказать, что человеческие трагедии периода культа как-то не касались не только меня лично, но даже моей души. Это я сейчас плачу. В основном я жил легко, даже легкомысленно. ...Я оказался неподготовленным ко многому, с чем вынужден был столкнуться...». Эти признания говорят о всей глубине и трагедийности переживаемого им состояния. Его перестали печатать. Он переставал писать. По дневникам видно, как он, да и вся московская писательская организация были в тисках идеологических проработок.

В дневнике он с горечью напишет: «...Первая же настоящая выволочка, и я вышел из строя. А ведь можно было принять за успех, может быть, это и был первый мой настоящий успех...». И ещё: «А не понравился первый рассказ, и машина сразу заработала. Хотя я хотел хорошего. Рассказ продиктован болью за многострадальных моих земляков. Я живу с ней в сердце уже много лет. А вы её заметили?»

Яшин написал рассказ, находясь в санатории города Кисловодска, где ему особенно хорошо дышалось⁴⁹. Одновременно там отдыхал Константин Симонов⁵⁰. В то время он был главным редакто-

⁴⁹ Он страдал тяжёлой астмой.

⁵⁰ Константин Симонов и Александр Яшин вместе учились в Литературном институте. Симонов дал деньги на памятник Яшину на Бобришном Угоре.

ром журнала «Новый мир». С ним был его заместитель Кривицкий. Перед самым Новым годом Александр Яковлевич дал почитать обоим только что дописанный и перепечатанный им на машинке свой новый рассказ и потом терпеливо несколько дней ждал их мнения: что скажут? Оба молчали. Оказалось, что рассказ они сразу проглотили и между собой рассуждали, сколько автору бы дали года два назад: 25 лет или 24? Обо всех этих разговорах у Яшина есть записи.

О «Рычагах» долго еще говорили и с трибун партсобраний, и между собой. Вот разговор с соседом по дому: «30/IV-58 г. П. Вершигора продолжает заигрывать насчет “Рычагов”, хотя на трибуне вёл себя, кажется, совсем не так. Он сказал мне, встретившись у подъезда в Лаврушинском: Вы просто сказали правду и слишком резко. При других обстоятельствах хвалили бы. Вора бьют не за то, что он украл, а за то, что попался, – такова народная мудрость». Другой сосед – литератор, встретив Яшина в подъезде, предупредил его: «А ты с огнём играешь!»

Многие хвалили Яшина за «Рычаги» в личной беседе, но как только выходили на трибуну выступать, то поносили и рассказ, и автора: как он посмел!.. Например, Тихон Сёмушкин поздравлял Яшина с литературной удачей, но когда вышел на сцену, то говорил противоположное. Яшин из зала ему крикнул в недоумении: «Тихон! Ты же хвалил!?» В кулуарах, в перерыве, Сёмушкин подошёл к Яшину, взяв за локоть, тихо сказал: «Саша, сейчас нельзя!!!» О всех таких историях этого периода есть целая тетрадь дневников...

Но кроме рычагов-писателей появились и писатели, родственные по взглядам на события в стране. С автором «Рычагов» мечтают познакомиться. Рассказ становится связующим между людьми. **Фёдор Абрамов 17/V-63 г. пишет первое письмо Яшину** в ответ на благодарность за рецензию, которая должна была быть напечатана, о чём он узнал от сотрудников журнала: **«Дорогой Александр Яковлевич! ...Большущее спасибо за доброе слово! Я очень рад, что мне наконец-то удалось познакомиться с Александром Яшиным. По правде говоря, я давненько подумывал об этом сам, но всё как-то не решался. А именно с Вами и прежде всего с Вами я хотел бы поговорить о том, чем живу и болею... Из рецензии моей выбросили самое главное – о “Рычагах”. И как выбросили! Уже в вёрстке, отнеся это за счёт недосмотра секретаря... Ну а “Вологодская свадьба” для меня была откровением. Откровением в том смысле, что**

давно уже у нас никто (и в том числе Вы) не писал так задумчиво и любовно (прав Твардовский!) о деревне...»⁵¹

В другом письме Абрамов утешает, поддерживает Яшина: «...Вы сетуете – плохо пишется. Ничего, это пока неизбежно. Это временно. Но я знаю: Вы как прозаик только ещё начинаетесь. В том смысле начинаетесь, что у Вас ещё всё впереди, хотя, конечно, наивно было бы думать, что из-под Вашего пера каждый год будут высккивать “Рычаги” и “Свадьбы”. Нет, чуда такого не бывает И вещи эти эпохальные».

В 1964 году он же пишет: «Дорогой Александр Яковлевич! <...> Живу я сейчас в Комарове⁵². Работа неидёт, и настроение отвратительное. Тем приятнее было получить от Вас весточку... **Здесь очень много говорят о Яшине и, разумеется, с восторгом. “Рычаги” – вещь гениальная. “Вологодская свадьба” – одна из лучших страниц в русской литературе. И всё в таком духе. Не может ли это Вас взбодрить? Ведь это не комплименты!»**

Так надолго определил маленький рассказ о партсобрании в селе направление настроений в обществе, так испугал сильных мира сего.

А.И. Солженицын в день смерти писателя, сидя у дверей больничной палаты вместе с Б.А. Можаяевым, писал Яшину: «Я молюсь за Вас и дружески Вас обнимаю. **Автор “Рычагов” навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули.**

Искренне Ваш А. Солженицын. 11 июля 1968 г.»

Яшин вёл дневники всю жизнь. Дневники писателя выстраиваются по темам, следуя событиям общественной и личной жизни. И каждая тема имеет свой собственный сюжет. Одна из тетрадей посвящена переживаниям, травле в печати, на встречах деятелей ЦК с творческой интеллигенцией, расширенных заседаниях, совещаниях по вопросам литературы, где склоняли имя Яшина и его рассказ «Рычаги». И везде личность автора, известная своей социально-гражданской позицией, его душевно-духовная напряжённость в переживаемом отрезке времени дают образ эпохи, жизни целого поколения, искавшего по его словам путь как «выбиться из тупика, из бездорожья».

⁵¹ Фёдор Абрамов приехал в Никольский район, в лес, на Бобришный Угор, где жил Яшин с женой Златой Константиновной и сыном Мишей. Приехал, прилетел, пришёл знакомиться с Александром Яшиным.

⁵² Комарово – Дом творчества писателей в посёлке Комарово под Петербургом (тогда Ленинградом).

Писем от читателей приходило много и в газеты, и в журналы, но об их обнародовании не могло быть и речи. Его практически перестали печатать, и из-за этого только после кончины писателя уже в постперестроечное время были изданы многие дивные, как сказал Валентин Григорьевич Распутин, его стихотворения и удивительные по глубине и переживаемой им боли за всё, что происходило со страной и с человеком, повести. Лучшие: «Слуга народа» о перерождении души человеческой в холодную чиновничью в погоне за властью и прибылью... Повесть «Баба Яга» о гибели русской деревни, предвосхитившая «Прощание с Матёрой» Распутина.

Сейчас невозможно найти такую деревню и избу, где происходит собрание партийной элиты, обсуждающей насущные проблемы своей жизни. Да и проблемы уже совсем другие, хотя они, конечно, есть, и их не мало. Не собираются и сельские сходы, отстаивающие и защищающие своего земляка...

Но вот недавно я слышала по радио «Радонеж» выступление замечательного хорового дирижёра Владимира Николаевича Минина, и он вдруг сказал: «Знаете, был такой рассказ Александра Яшина “Рычаги”». Вкратце пересказал его содержание и сравнил с тем, что сейчас происходит, несмотря на совсем иное государственное устройство жизни. «Как это похоже на нашу Государственную Думу! Рассказ этот на редкость современен!». – Так Минин-читатель, музыкант, общественный деятель подтвердил актуальность этого произведения, созданного 65 лет назад.

Всё изменилось: и сахар есть, и всё другое изменилось... Коси, где хочешь, – не будет председатель колхоза поджигать на спине колхозника ношу сена, крадучись выкошенную и высушенную на еловых лапах в густом лесу. С этими страшными кострищами на спинах людей боролся Яшин в своих публикациях. Председатели, да и колхозы, теперь упрямлены... Сейчас, наверно, больше полстраны заросло, держи корову, но накосить на неё не так просто: налоги на всё неподъёмные...

Люди и тогда, и особенно в нынешнее время попали в ситуацию, когда чиновничество ставит условия, в которых должны жить люди, вернее, выживать, очерчивая границу их свободе, их возможностям, их нуждам, их правде, привязывая их к созданной ими и выгодной им же, чиновникам, местным властям, системе координат...

Но когда они свободны от всякой кабалы, заставляющей подстраиваться под неё, то и сейчас конец рассказа звучит вечно: «И снова это были чистые, сердечные, прямые люди. Люди, а не рычаги».

Наталья Попова-Яшина

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА

Из самолетов АН-2 выходят жители вологодских и костромских деревень, хлеборобы, служащие. У старушки, одетой в дублёный полушубок, в руках фанерный чемоданчик и туесок, наверное, с рыжиками: видно, отправилась старая «на города», на побывку к сынку или к дочери. Старик, кроме такого же фанерного баула и привязанной к нему пары новеньких лаптей с липовыми обороми, тащит берестяной заплечный пестерь, на котором сбоку торчат две верёвочные петли. С пестерями такими ходят на сенокосы, на дальнюю охоту, на лесные промыслы, в петли вдевается топор, – мне это знакомо.

На старика ворчит пилот:

– Весь самолёт мне закровенил. Что у тебя течёт из пестеря, отец? Мясо, что ли?

– Журавлиха, не мясо. Растаяла, окаянная!

Журавлиха – клюква: старик везёт ее кому-то в подарок.

– А лапти зачем? – спрашивает пилот.

– Сын просил сплести для баловства. В Ленинград еду.

Всё очень буднично. Но именно эта будничность и волнует: авиация вошла в быт.

Пассажиры устраиваются на грузовик-такси и отправляются на железнодорожную станцию. А оттуда на аэродром подъезжают новые пассажиры, уже побывавшие в гостях: в руках у них не баулы, а чемоданы, и сами приоделись – вместо ватников и затасканных полушубков на многих городские пальто, на головах добротные шерстяные шали, меховые шапки.

Мне, грешному, кажется, что, отправляясь «на города», мои земляки сознательно одеваются похуже, приbedняются, чтобы вернее разжалобить своих «выбившихся в люди» родственников.

Покупают билеты, выстраиваются в очередь к самолёту. Я слежу: не охнет ли хоть одна старушка, не перекрестится ли? Нет, ни одна не перекрестилась, ко всему привыкли.

А я лечу в деревню на свадьбу.

Я уже не очень верил, что сохранилось что-нибудь от старинных свадебных обрядов, и потому не особенно рвался за тысячу вёрст киселя хлебать, когда получал время от времени приглашения на свадьбы. К тому же приглашения эти приходили из родных мест обычно с запозданием на два-три дня и не обещали ничего интересного.

«Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются». Или:

«Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!»

А тут пришло письмо, написанное какими-то иными, душевными словами и, главное, вовремя:

«Дядя Шура, наша Галя выходит замуж. Жених работает на льнозаводе. Пиво мама спроворила, и все будет по-честному, как следно быть. Приезжайте, дядя, обязательно, не откажите в нашей просьбе. Едьте, пожалуйста!»

Письмо писала сама невеста, хотя от третьего лица и без подписи. Казалось, от того, буду я на свадьбе или не буду, зависит её дальнейшая судьба. Я отбросил все дела, наспех «спроворил» кое-какие подарки для невесты и для родных и выехал.

Поездом до станции Шарья двенадцать часов да самолётом над лесами минут сорок пять, если, конечно, самолёты ходят, это не очень уж страшно. Правда, в Шарьинском аэропорту из-за плохой погоды можно проторчать и несколько суток. Но другой возможности благополучно добраться до моего района, по существу, нет. Грузовики ходят нерегулярно, и никогда нельзя надеяться, что вы на грузовике доберётесь быстрее, чем пешком.

Раньше, на конных подводах, можно было рассчитывать время довольно уверенно, теперь же дороги разбиты настолько, что в весенне-осенние распутицы, а зимой в метели и снегопады движение по тракту надолго прекращается вовсе. «Золотая дорожка!» – с горькой иронией говорят героические вологодские шофёры. Три-четыре рейса – и новая мощная машина сдаётся в капитальный ремонт.

Мне повезло. На третий день после выезда из Москвы я был уже у невесты в гостях. Последние километры пути шёл на лыжах по заячьим тропкам среди сказочных берёзовых рощ с тетеревиными стаями на вершинах.

– Ой, приехал! А я ведь и думать не думала! – удивлённо вскрикнула Галя.

Круглолицая, розовощёкая, очень подвижная, она взволнована предстоящим – и радуется, и тревожится. Но работы столько, что на переживания ни сил, ни времени не остаётся.

Галю почти невозможно разглядеть, она носится по дому – не ходит, не бегают, а носится. Но я-то её знаю давно, и что мне её разглядывать?

С тех пор, как я её не видал, Галя не стала выше ростом, не стала пригляднее, осанистей или, как здесь говорят, становитей. А между тем в деревне своей она считалась одной из лучших невест. Почему? Потому ли, что единственная дочка у матери и наследница всего дома? Отчасти, может быть, и поэтому. Но такие невесты в деревне есть и кроме неё. Все они не дорожат своим наследством, стараются бежать из дому, устроиться на какую-либо неколхозную работу, как это сделала и Галя, перебравшись на льнозавод.

Нет, достоинства Гали – недородной, нерослой, несильной – в другом. Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живёт в крестьянах и поныне. Большое и хорошо налаженное хозяйство её бабушки по материнской линии было в горячее время коллективизации развалено твёрдыми заданиями. Кажется, то же случилось с бабушкиным домом и по отцовской линии. Но так как ни в том, ни в другом хозяйстве никогда не пользовались наёмным трудом, то в народе осталось лишь сожаление о случившемся и доброе сочувствие к напрасно пострадавшим людям.

А извечное трудолюбие и непоседливость перешли от бабушек и бабушек к нынешней невесте и стали её главным приданым, которое скрашивало в глазах женихов её низкорослость и неприглядность. По-видимому, страсть к работе она успела показать уже и на льнозаводе.

Мать Гали, Мария Герасимовна, вдова, много рожавшая и много страдавшая на своём веку, и сейчас, после гибели мужа на войне, расстающаяся с последней своей опорой, даже спать перестала. Лицо её осунулось, глаза испуганно мечутся по избе: всё кажется, чего-то ещё не сделано, что-то она просмотрела,

упустила. Пол выскреблен и вымыт до блеска, посредине избы постланы лучшие половики своего тканья, рамки с открытками и фотографиями висят как будто не косо, на окнах тюлевые занавески, на гвоздиках расшитые вафельные рукотерники и платы старинной работы, сохранившиеся ещё из девок, от того времени, когда она сама замуж выходила. Платы и рукотерники висят и на божнице, и на рамках с фотографиями. А в рамках вместе с изображениями родных и знакомых и совершенно случайных, никому не известных людей красуются цветастые открытки, посвящённые Дню Парижской коммуны, Восьмому марта, Первому мая, Новому году и первым космическим полетам. Тут же открытки с корзинками аляповатых цветов и со смазливими нарумяненными личиками в сердечках, с надписями: «Люби меня, как я тебя», «Поздравляю с днём рождения», «Помню о тебе» – и с неграмотными стишками:

Быть может, волны света
Умчат меня куда-нибудь,
Пускай тогда открытка эта
На помнит вам чтонибудь!

Я переписал их с сохранением орфографии.

Всё издано в наше время. Среди этих произведений прикладного искусства вложены, видимо для заполнения пустых мест, листки из отрывных календарей разных лет: на одном – портрет Луи Арагона, на другом – маршала Тимошенко, на третьем – диаграмма неуклонного роста надоя молока по годам в процентах.

В отдельной рамке цвета пасхальных яиц вставлена Почётная грамота невесты, подписанная директором льнозавода и председателем фабрично-заводского комитета: «За отличные показатели в выполнении производственного плана, в честь сорок третьей годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Мария Герасимовна заправляет керосином и развешивает под потолком в разных местах пять ламп – две свои и три, взятые у соседей. Затем придирчиво осматривает всё снова, поправляет несколько покосившихся фотоснимков, встряхивает

полотенца, чтобы получше видна была вышивка на них, еще раз протирает зеркало...

– Кажется, всё как следно быть?

Ей особенно нравится картина, написанная молодым местным зоотехником. На огромном и страшном звере, должно быть, волке, хотя морда у зверя явно лисья, Иван-царевич увозит куда-то свою ненаглядную Елену Прекрасную. Полотно во всю стену, золота много, деревья и цветы небывалых размеров. Уж она ли, Мария Герасимовна, не знает лесов тёмных, дремучих – сама всю жизнь в лесу прожила, но таких диковинных стволов даже во сне не видывала. И такую красоту зоотехник отдал всего за два килограмма сливочного масла, подумать только! Не порядился даже, добрый человек! Из всех его картин, какие висят теперь в окрестных деревнях, ей досталась самая большая, самая баская, самая яркая. Даже три толстых мужика на богатырских кобылах ей меньше приглянулись, чем дикий лес и этот волк – страшилище мохнатое.

Верит Мария Герасимовна, что, если бы не малевание зоотехника, не так нарядно было бы в её избе.

А всё-таки увозит Иван-царевич свою сугрёвушку из её родного дома, от батьки с маткой! Увозит! Вот и у неё, у Марии Герасимовны, увезут на днях дочку Галю за сорок километров. Приедут на грузовике вместе с директором льнозавода, выпьют всё пиво и заберут девушку. Хорошо, конечно, а всё-таки жалко и жутко: одна теперь, старая, останется.

Мария Герасимовна напоследок перевела стрелки ходиков – отстают шибко, – перевела на глазок, наугад. А другие ходики, что давно висят без гири и без стрелок, украсила вафельным свежим рукотерником: зачем их снимать со стены? Пусть не ходят, а всё-таки ещё одна картинка в доме – цветочки, и лесок, и поле.

Теперь совсем хорошо стало!

– Что так далеко замуж отдаёшь дочку? – спрашиваю я.

– Шибко далеко! – горестно подтверждает Мария Герасимовна. – Захочется повидать – не добежишь до неё. Заплачешь – слёзы утереть некому. Сорок километров – шутка ли!

– Где же они встретились?

– Там и встретились, на льнозаводе. Галя там работает третий год, тресту в машину подаёт, а он, жених, на прессе лён в кипу укладывает. Года два они гуляли: как из армии пришёл, так и заметил её, углядел и уж больше ни на одной гулянке от неё не отходил – люди рассказывают. Всё по-хорошему!

Для Марии Герасимовны главное, чтобы всё было по-хорошему. А маленькая Галя краснеет, даже разговоров о своей свадьбе стесняется.

– Как будете свадьбу справлять – по-старинному или по-новому?

– Какое уж по-старинному, ничего, поди-ко, не выйдет, – отвечает Мария Герасимовна, – да и по-новому тоже не свадьба. По-старинному бы надо! – заключает она и затем начинает рассказывать, как всё должно быть, чтобы всё по-хорошему: – Вот приедут они завтра, жених с дружкой, да сваха, да тысячкой, ну и все жениховы гости, и начнёт дружка невесту у девок выкупать. Он им конфетки даёт, а они требуют денег, он им вина, а они не уступают за вино, продешевить боятся, невесту осрамить. Ну, конечно, шум, шутки-прибаутки, весело. Ежели хороший дружка, разговористой, так и невесте не до слёз, все помирают со смеху.

– А невеста плакать должна?

– В голос реветь должна, как же! Ещё до приезда жениха соберутся подружки и начнут её отпевать под гармошку, всё-таки на чужую сторону уходит.

– Она же там работает три года?

– Мало ли что работает, а всё чужая сторона. Да и заведено так: родной дом покидает.

– Не умею я реветь, – испуганно говорит Галя, – да и Петя не велел.

– Мало ли что не велел, а пореветь надо хоть немного. По-твоему, расписались в сельсовете – и всё тут? Какая же это свадьба!

– Не умею я реветь! – повторяет невеста.

– Ничего, девушки помогут. А то молодницу нашу позовём, у неё слёзы сами текут и голос подходящий. Ей реветь не привыкать.

– В загсе были?

– В сельсовете были, как же. Сразу после сватовства съездили. Всё по-хорошему. Только ведь что в сельсовете? Расписались – и дело с концом. Никакой красоты.

– Жених приезжал сюда?

– Два раза приезжал. Сначала со свахой, с тёткой своей, а потом с суслон, один. Когда суслон поспевает, жених берет бутылку суслон от своего пива и привозит к невесте. А у невесты наливают ему в ту же бутылку своего суслон и договариваются, в какой день ему за невестой приезжать. Наш Петрован даже пиво складывать нам помог.

– Каков жених-то? – спрашиваю.

– Ничего парень, парень как парень. Худощавой! Брови белые. В армии уже побывал – и ладно. Какие нынче в деревне женихи пошли? Все норовят уехать да жениться где-нибудь на стороне, на городах. – Мария Герасимовна задумывается и добавляет: – Ничего парень! Высокой!

Когда Галю просватали, она сняла мерку со своего жениха и две недели сама, и ее мать, и тётя, старушка из соседней деревни, до самого дня свадьбы шили так называемое приданое. Кое-какая мануфактура была заготовлена заранее, недостающее закупали в последнее время. Дирекция льнозавода дала девушке отпуск и месячную зарплату в пятьдесят рублей: всё-таки передовая работница. Мать выложила свои многолетние сбережения. Приданое – это и новая одежда невесты, и бельё для жениха, и подарки всей жениховой родне: рубашки, фартуки, носовые и головные платки, табачные кисеты.

Кофточку и новое платье на невесте после сватовства порвали её подружки. Так заведено! Раньше жгли куделю на пряснице, ныне девушки не прядут, а обычай соблюсти надо. Кофточку порвали на заводе, а платье в родной деревне, куда она пришла уже просватанная. Не порвёшь одежду на невесте – не бывать замужем подружкам её. Бьют же стеклянную посуду на счастье!

Для приданого последней дочери мать отдала свой девический кованный сундук, который когда-то был доверху набит её собственным приданым. Ныне, сколько ни старались, сундук

оставался наполовину пустым, пока не догадались сложить в него и домотканые половики, и пару валенок, и даже ватник.

В день свадьбы задолго до приезда жениха собрались к невесте на кухню, в куть, как здесь говорят, её сверстницы. Никакого намека на слёзы пока не было. Разноцветные сарафаны с широкими сборками по подолу, кофты с кружевными воланами, сатиновые фартуки, шёлковые и шерстяные полушалки шуршали, шелестели, и рябило в глазах. Только невеста была в простом ситцевом платице: её нарядят, когда поведут к жениху за стол.

Молодость шумно справляла свой праздник.

– Девочки, дешевле десяти рублей не брать!

– За такую невесту можно и больше вырядить.

– Жених-то ведь не колхозник, раскошелится.

– За тридевять земель увозят, да чтобы за так!

– Только уступать не надо!

– Это какой дружка попадётся. Ежели вроде нашего Генки, так с него голову снимешь, а он всё равно зубы заговорит.

Пришёл гармонист – паренёк лет восемнадцати. Ему подали стакан пива, он немедля уселся на скамью и деловито заиграл. Так же деловито девушки запели первые частушки, которые должны были разжалобить невесту, помочь ей плакать. Начинаясь так называемая *вечерина*.

Я последний вечерочек
У родителей в гостях.
Тятя с маменькой заплачут
На моих на радостях.

Я у тяти на покосе
Заломила веточку,
Придет тятенька на поженьку –
Вспомянет девочку.

В самом углу, за спинами девушек, за разноцветными кофтами и сарафанами, укрылась невеста, счастливая, розовощёкая,

круглолицая, – ей пора плакать, а она никак не может начать. Рядом с ней сидит её двоюродная сестра Вера, приготовившая платок и фартук свой, чтобы утирать слёзы невесте, расставившая даже колени, на которые Галя должна падать лицом вниз. А невеста всё не плачет.

– Плачь, плачь! – уговаривает её Вера.

Признаюсь, я подумал, что Галя стесняется меня, и уже соби-
рался выйти из кухни. Но вот наконец она решилась, всхлипну-
ла, подала голос. Гармонист, склонив голову, поднажал на басы, девушки запели громче:

Запросватали меня
И Богу помолилися.
У меня на белый фартук
Слёзы повалилися.

Сидит тятенька на стуле,
Разливает чай с вином,
Пропивает мою голову
Навеки в чужой дом.

Галя плакала плохо, вскрикивала фальшиво, и тогда на вы-
ручку ей пришла молодница, жена брата. Она пробилась в угол и
с ходу взяла такую высокую ноту, так взвизгнула, прижав голову
золовки-невесты к своей груди, что все вздрогнули. А девушки
подхватили её крик и запели частушки, более подходившие к
судьбе этой молодки:

Не ходи, товарка, замуж
За немилого дружка,
Лучше в реченьку скатиться
Со крутого бережка.

Не ходи, товарка, замуж,
Замужем неловко жить:
С половицы на другую
Не дают переступить.

Дела сразу пошли лучше: по-серьёзному разжалобилась и завывала невеста, хотя лицо её от слез только больше разгорелось, начали прикрывать глаза платками её товарки, в голос заревели вдовы. Даже я едва сдерживал слёзы: так получалось всё естественно и горестно.

Но для матери, Марии Герасимовны, всё было мало. Она привела причитальницу-плакальщицу, соседку Наталью Семёновну. Гармонист перестал играть, девушки затихли, когда вошла в куть эта черноглазая, с тонкими чертами лица, старая, но и сейчас еще красивая, несогнувшаяся женщина.

– Давай-ко, Наташа, помоги! – попросила её Мария Герасимовна.

– А чего это вы коротышки поёте? – с упрёком обратилась ко всем Наталья Семёновна. – Надо волокнистые песни петь, нельзя без волокнистых. Поди-ко и *красоту* не справляли, что за свадьба такая? Позвали бы меня вчера, я ведь и *красоту* всю помню. Раньше мне Митиха Лискина – вот уж причитальница-то была! – скажет, бывало: «Садись-ко, Наташка, возле, у тебя голос вольной, учись!» И я с её голоса, ещё девчонкой, все волокнистые, протяжные песни запомнила. Памятью меня Бог не обидел. Сколько своих девок после замуж отдавала, ни много ни мало шесть дочерей в люди вывела – как причеты не запомнить! А грамоты не знаю: азбуку прошла и оспой заболела. Потом уж *дотягивала*, когда взрослых учили, да самоуком. Могу, конечно, прибауточки прочитывать и варакать умею, расписываюсь, а всё неграмотная. Была ли *красота*-то у вас?

Никакой *красоты* в доме Марии Герасимовны не было: мать и дочь бегали как угорелые, чтобы всё приготовить к приезду жениха и новых гостей как *следно быть*. Не до *волокнистых песен* было, не до *свадебных обрядов*.

– Тогда уж давайте и *красоты* немного прихватим, – решила Наталья Семёновна. – Может, кто подтянет? Или нет?

– Подтянем! – неуверенно отвечали ей. – Ты только запой.

Мария Герасимовна поднесла старушке стакан пива:

– Прочисти горлышко-то, Наташа, легче запоётся.

Наталья Семёновна выпила пиво, вытерла губы тыльной стороной ладони и запела печально, волокнисто:

Солнышко закатаётся, дивьей век коротаётся.
Дивьей век коротаётся, да пошёл день на вечер.
И пошёл день на вечер, да прошёл век девичьей
И да прошёл век девичьей, да прошло девичьёе житьё.
И прошло девичьёе житьё, всё хожёнёе да гуляньё.
Отходила я да отгуляла летом по шелковой траве,
И летом по шелковой траве, зимой по белому снегу...

Казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели ещё ярче.

Голос у Натальи Семёновны высокий, чистый, не старушечий, пела она неторопливо, старательно, без робости: просто делала нужное людям дело, из-за чего же тут робеть?

Девушки начали подтягивать ей, но вряд ли хоть одна из девушек знала эти старинные свадебные причеты. Подтягивать было легко, потому что каждый стих (строка) причета исполнялся дважды, вернее, окончание каждого стиха переходило в начало стиха следующего, и так без конца.

По этой же причине и записывать причеты с голоса было нетрудно, что я и сделал.

– Приставайте, приставайте, девки! – говорила время от времени Наталья Семёновна. – Подхватывайте! – И сама продолжала петь.

Невеста перестала плакать, она, должно быть, просто забыла о себе, растерялась, настолько необычными показались Натальины плачи после немудрых жалостливых коротышек под гармошку.

Колокольчики сбрыкали, да сердечико дрогнуло.
И да сердечико дрогнуло, ретивое придрогнуло.
И ретивое придрогнуло, да не вё-ошная вода,
И да не вёшная вода под гору разливалась,
И да под гору разливалась, подворотни вымывала...

– За невестой приехали, вот о чём поётся! – пояснила Наталья Семёновна и попросила: – Налей-ко мне, сватья, белушечку, что ты один стаканчик подала, в горле першит. Ведь говорят: сколько пива, столько и песен.

Мария Герасимовна поднесла ей полную белую чашку пива, считавшуюся почётной, как в старину братыня. Старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь! Затем тщательно вытерла губы и снова запела:

И да не ком снегу бросило, да не искры рассыпались,
 И да не искры рассыпались, да во весь высок терём,
 И да во весь высок терём ко родимому батюшке,
 И ко родимому батюшке, да ко мне молодёхоньке,
 Да ко мне молодёхоньке, да во куть да во кутеньку.
 Ещё дружко-то княжая под окошком колотится.
 Под окошком колотится, да в избу дружка просится,
 И в избу дружка просится – я сама дружке откажу...
 Я сама дружке откажу: дружка, прочь от терёма!
 Дружка, прочь от висока – не одна сижу в тереме,
 И не одна сижу в тереме – со своими подружками...

Кроме теремов высоки-их и столбов белодубы-их были в песне и князья, и бояры, и дивьей монастырь со монашками, были и Дунай – быстра́ река, и Великий Устюг, Осмоловский сельсовет и колхозное правленье. Рассказывалось в последовательном порядке, как приезжают сваха и дружка, жених и свёкор-батюшка, и свекровь-матушка, как они входят на мост – в сени, затем ступают за порог в избу, садятся за стол, требуют к себе невесту, и как невеста дары раздаёт и просит благословенья у отца с матерью, которое «из синя моря вынесет, из темна лесу выведет, и от ветру – застиньице, и от дождя – притульице, от людей – оборонушка». Ведётся песня от лица невесты, умоляющей защитить её от чуж-чуженина – жениха, от князьёв и бояров, ступивших в сени: «И подруби-ко ты, батюшко, да мосты калиновы, да переводы малиновы», либо от лица девушек, высмеивающих сваху: «У нас сваха-то княжая, она три года не пряла, она три года не ткала, всё на дары надеялась», а еще высмеивающих скупого дружку: «Что у дружки у нашего ещё ноги лучинные, ещё ноги лучинные да глаза заячинные...»

Наталья Семёновна увлеклась, распелась, а всё нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым; нет-нет да и вставит какую-нибудь прозаическую фразу между строк. Кажется, свадьба эта воспринималась ею не всерьёз, а лишь как игра, в которой ей, старой причитальнице и рассказчице, отведена главная роль.

– Это ничего, что про монастырь пою? – спрашивает она вдруг. – Нынче ведь нет монастырей-то.

Или вдруг:

– Может, надоело кому? Укоротить, поди, надо? Раньше ведь подолгу пели да ревели, а нынче живо дело отвертят...

Спросит и, не дожидаясь ответа, продолжает петь. А однажды она приказала девушкам:

– Теперь переходите на другой голос, чтобы невесте еще тоскливее стало! – И сама изменила мотив.

Услышав эти слова, Галя, давно молчавшая в своём углу, заревела снова громко, надрывно, всерьёз. Совсем свободно заплакалось ей, когда Наталья Семёновна помянула в песне родимого батюшку: Галя осиротела рано и поныне тоскует по своем отце-солдате.

Жених, сваха, тысяцкий, дружка и все гости со стороны жениха приехали за невестой на самосвале: другой свободной машины на льнозаводе не оказалось. В кузове самосвала толстым слоем лежало свалывшееся за сорок километров желтое сено.

Ничего похожего на серого волка!

Раньше забирали невесту и справляли свадьбу сначала в родном доме жениха, затем возвращались пировать к родителям невесты. От заведённого порядка пришлось отступить и сделать всё наоборот: отпировать у невесты и лишь после этого везти ее «на чужую сторону». Такая перемена диктовалась отсутствием транспорта и слишком большими перегонами взад-вперед.

Как приложение к даровому самосвалу пировать к невесте прибыли несколько конторских работников с льнозавода во главе с директором. Эти гости считались почётными.

Перед въездом в деревню гостей встретила бревенчатая баррикада – её соорудили местные молодые ребята. По обычаю, :

свадебный поезд следовало задерживать в пути и брать за невесту выкуп, а грузовик не тройка с колокольчиками, его живой людской цепочкой не остановишь.

Стоял большой мороз, не меньше тридцати градусов, и, конечно, парни работали и топтались на холоду не из-за корысти, не из-за бутылки водки. Для них свадьба была чем-то вроде самодеятельного спектакля. В огромной деревне Сушинове до сих пор нет ни электричества, ни радио, ни библиотеки, ни клуба. За два последних года сюда не заглянула ни одна кинопередвижка. А молодости праздники необходимы! Пожилые колхозники по вечерам дуются в карты, собираясь из года в год в избе Нестора Сергеевича, оплачивая этому добровольному мученику за помещение, за грязь, за керосин с кона. А куда деться молодым? К тому же почти все они обременены семилетним и восьмилетним образованием. Раньше девушки пряли лён, собирались на беседки к одной, к другой поочередно, туда же тянулись и парни. Теперь лён трестой сдают на завод. И вот каждая свадьба в деревне становится всеобщим праздником, всеобщей радостью. Не потому ли и сохраняются здесь почти в неприкосновенности все былые обычаи и обряды с волокнистыми песнями про князей и бояр?

Перекрытые полевые ворота зимой не объедешь и даже не обойдёшь: снежные сугробы достигают здесь двухметровой глубины. Счастливые озорные парни торжествовали: гости, закованные в самосвале, не торговались и долго расхваливать невесту не пришлось. А главное, было весело.

Весело стало и в избе невесты, как только ворвался туда дружка Григорий Кириллович. Бывалый человек, с неуёмным озорным характером, прошедший во время войны многие страны Западной Европы как освободитель и победитель, он сохранил в памяти бесчисленное количество присловий и прибауток из старинного дружкиного багажа и не пренебрегал ими.

Сват да сватья,
Наехала сварьба,
Мне не веритё –
Сами увидитё! –

закричал он, стуча кнутовищем по крашеной лазоревой заборке, отделяющей горницу от кухни.

Невеста ещё плакала, причитальница пела, девушки подпевали, как умели, но всем было уже не до того и невесте не до слёз. Гриша завладел общим вниманием, властно подчинил все звуки своему немного охрипшему на морозе голосу.

Ворвался на кухню и жених. Он оказался и впрямь несообразно высоким и худосочным. Вспомнились слова Марии Герасимовны: «Какие нынче женихи пошли, в армии побывал – и ладно. Ничего парень! Брови белые!..» Звали его Петром Петровичем.

Чтобы довести жениха до невесты живым, не заморозить, ему разрешено было по дороге пить со всеми наравне, и Пётр Петрович ввалился на кухню пьяным и гордым собою не в меру.

Галя сразу притихла, начала поспешно вытирать слёзы. Стало понятно, почему она так долго отказывалась выполнять старые обычаи на своей вечерине.

– Я тебе что сказал? – с ходу властно заорал Пётр Петрович. – Я тебе сказал не реветь! А ты что? Что, я тебя спрашиваю?

– О, Господи! – ужаснулась испуганная Наталья Семёновна. – Ещё не мужик, а уж форс задает. Что потом-то будет?

– Что ты, Натаха, неладно-то говоришь? – с упрёком кинулась на неё Мария Герасимовна. – Что он такое сделал? – И начала уговаривать, успокаивать своего будущего зятя: – Петя, Петенька! Ничего, Петенька! Ну, поревела маленько, так ведь ничего это, Петенька! Так заведено, Петенька!

А невеста от страха вдруг заревела пуще прежнего. Её прикрыли собою девушки.

– Кому венчаться, а мне разоряться, – продолжал балагурить Гриша. – Сколько с меня, девки?

У каждого дружки своя манера балагурить. Кроме расхожего, известного повсюду набора острот и поговорок, у него должны быть и свои шутки-прибаутки. Чувство юмора и находчивость для него обязательны. Это уже область творчества. Не всякого приглашают в дружки.

Григорий Кириллович сначала кинул в сарафанные подола девушек несколько горстей конфет, а затем стал с силой забра-

сывать их серебряными монетами. Делал он это с ожесточением – не то от злости, не то от великой щедрости. Деньги покатились по полу, под стол, под скамейки. Зазвенели окна, лопнуло стекло у иконы, казалось, вот-вот разлетится вдребезги и ламповое стекло; кто-то завизжал от страха, Наталья Семёновна прикрыла фартуком лицо.

Но все монеты оказались устаревшими, дореформенными. Смех и грех! Собственно, греха не было, был только смех и новый повод для взаимных острот и насмешек.

Девушки всё же настояли на своем: жениху и дружке пришлось дать приличный выкуп за невесту вином и настоящими деньгами.

После этого к Гале была допущена сваха. Пожилая женщина проделала истово и торжественно всё, что полагается согласно старым обрядам. Она помогла невесте одеться тепло, по-зимнему, как бы в дальнюю дорогу, хотя уже все знали, что сегодня никакой дороги не будет, и так, в зимнем пальто, вывела её из кухни, маленькую, толстенькую, и посадила за стол в красный угол рядом с женихом, который также был одет по-зимнему, в чём приехал. Под сиденье жениху и невесте постелили кошули – полушубки, поддетые материей, чтобы молодые возвышались, «как на троне». Невесте под сиденье положили кошулю потолще. Долговязый жених, взгромоздившись на трон, едва не достал головой до потолка.

Начался пир, по кругу пошла белушка, родственники первыми поздравляли молодых, кричали им «горько», требовали «по-сластить». Молодым разрешалось пить только из одного стакана – за этим следили строго, чтобы жених не переложил ещё больше. Как видно, слабость эта за ним водилась.

Начали собираться гости и со стороны невесты. Каждого входящего встречали еще у порога стаканом пива либо белушкой.

Понесли «сладкие пироги».

Сладкие пироги на северных сельских свадьбах и других праздничных пирах обязательны. Традиция эта давняя, может, многовековая.

Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нём всякие завитушки, плетёные

узоры из теста и разноцветных монпансье («лампасея») да ещё изюм. Нынешние свадебные пироги из-за отсутствия в районе изюма и ландрина украшены были бледными конфетами-подушечками с повидловой начинкой.

Вот когда я пожалел, что не вспомнил в Москве об этих сладких пирогах. Каких бы разноцветных атласных и прочих подушечек мог набрать я в гастрономическом магазине «Ударник»! Леденцы там по своему разнообразию и многоцветности не уступают коктейбельским камушкам. Всё это дешёвое богатство я мог привезти с собой, и оно успело бы попасть на свадебные столы.

Вспоминаю своё детство: после праздников мы, малые ребята, допускались к сладким пирогам и с вожделием выковыривали «глазки» – ландринки, запечённые в тесто.

Сладкие пироги на Севере такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики «дар Валдая» под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей.

Каждая семья, приглашённая в гости, на свадьбу, идёт со своим сладким пирогом. Большачиха, она же стряпуха, несёт пирог в широкой круглой лубяной «хлебнице» либо на «веке» – крышке от хлебницы, и прикрыт пирог красной вырывной салфеткой с кисточками. Кроме этого главного гостинца в корзине или в хлебнице могут быть и простые белые пироги, колобаны.

– Горько! – всё чаще раздаётся то в одном углу избы, то в другом, и жених с невестой встают и троекратно неумело целуются. Пётр Петрович при этом сгибается, а Галя плотно сжимает губы и от смущения закрывает глаза.

– Горько! – требовательно кричат снова.

Счастливая Галя отпивает несколько глотков из общего стакана и передаёт остаток пива жениху. Тот, не разгибаясь, опрокидывает стакан в рот и шутит:

– Если б знал, не женился бы, даже выпить как следует не дают.

Сваха с тревогой поглядывает на него, что он такое еще делает и не наговорил бы чего-нибудь лишнего.

– Горько!

Любой пир – прежде всего люди. Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру. На всяком сельском празднике обязательно пляшут и плачут, спорят и вздорят, смеются и дерутся; одни молчат, другие кричат; молодницы поют, вдовы слёзы льют.

Среди мужчин на пиру очень скоро объявляются типично русские правдоискатели, ратующие за справедливость, за счастье для всех. Достаётся от них и немцам, и американцам, и туркам, но больше всего, пожалуй, достаётся самим себе, своим соотечественникам. Таким людям не до веселья, не до песен, не до плясок. Они обличают, разоблачают, требуют возмездия, протестуют и всё время спрашивают: что делать? как быть? кто виноват? и знают ли о наших бедах наши *главные*? видят ли они *всё*? В этой неумности проявляются, должно быть, черты национального характера. Но не дай Бог попасться на целый вечер в руки такому самосожженцу: ни пира, ни мира не будет, ничего не увидишь, ничего не услышишь.

Объявляются также и заурядные хвастуны – люди самодовольные, недалекие, кичащиеся своим служебным положением, своим заработком, даже несправедным, нечистым; хвастающие своим домом, домашней утварью, домашним скотом и, наконец, женой и тещей.

В древних русских былинах говорится о том, как добрые молодцы садятся за стол и – «один хвастает родным батюшкой, другой хвастает родной матушкой, умный хвастает золотой казной, глупый хвастает молодой женой». Современные хвастуны скромнее. Весь первый вечер ходил от стола к столу пожилой колхозник и, не переставая сам удивляться и радоваться, хвалился своими пластмассовыми недавно вставленными зубами. Почокается со всеми, выпьет стакан пива, вынет челюсть, покажет её всем и опять вставит.

– А теперь смотрите, как я жевать буду. Кости грызть могу – чудо! В нашем районе сделали!

Редко, но встречаются хвастуны и незаурядные, необыкновенные. Слушать таких – одно удовольствие. Это счастливы, жизнелюбцы и своего рода художники слова, своеобразные сельские лакировщики действительности.

Хвастаются, например, изобретательностью. В прошлом году, чтобы обеспечить кормом своих коров, колхозники ухитрились выкосить на озёрах всю осоку уже после ледостава.

– Никогда бы раньше мужику до такого не додуматься, головы не те были. Ледок тоненький, похрустывает, а ты идёшь с козой и в полную силушку поверх льда – вжик, вжик! Вот пишут: на заводах то, сё, смекалка, а мы разве без смекалки живём?..

Другие вторят:

– До многого раньше умом не доходили. Вот, скажем, коза. Раньше у нас считали козу поганой животиной, от молока её с души воротило, хармовали. А коза чем хороша? Ей корму меньше надо. Дашь осинового листу либо коры сосновой – она и сыта. Афиши и газеты жрёт – всё ей на пользу. В деревнях теперь козы в ход пошли!

– У меня коза Манька восемь литров за сутки даёт!

– Ну, знаешь!..

Хвастаются тем, что хлеб растёт иной год даже на неудобренных и необработанных землях...

А многие просто сидят молча и пьют, ни о чем не думают, ни о чём не спрашивают – отдыхают. Конечно, кто-то и перепивается. На всякой пирушке хоть один да сваливается под стол либо начинает шуметь, требовать к себе особого внимания, задирается, скандалит.

На разных людей хмель действует по-разному: одним ударяет в голову, другим в ноги, третьим в руки. Одни становятся ласковыми, влюбчивыми, со всеми готовы перецеловаться, другие – злобными.

Слёз и жалоб больше всего среди женщин. Неудачно вышедшие замуж плачут на любом пиру, и так всю жизнь. Старые матери плачут о потерянных детях, о непутёвых дочерях, сходящихся с мужиками не по-людски, без закона и теперь мающихся из-за этой уступчивости; вдовы – об убитых на войне мужьях («даже похоронной не было!»).

А встречаются вдовы и довольные своей судьбой: озорные, разбитные, первые певицы и плясуньи. Замужем они были, как на каторге: ни одного доброго слова, только зуботычины да «Пошла ты на три буквы», – а сейчас освободились, расправились и

в колхозе всем равны, и дома сами себе хозяйки, они и погулять, и поозоровать непрочь.

Сразу напился и пошёл кренделя вертеть дядя жениха. Он ещё до женитьбы судился дважды за хулиганство. Жена его, Груня, бухгалтер на льнозаводе, настоящая великомученица: то возится с ним, как с малым ребенком, то прячется от него на кухне, на полатах, в сенях – всё зависит от настроения загулявшего его величества («А тверёзый-то он – человек как человек!»). В первый же вечер этого дядю родственники вынуждены были связать, а на другой вечер прибегли к более современному и гуманному средству: дали ему в стакане пива лошадиную дозу снотворного.

Груня нашла себе подругу по несчастью, и вот две женщины – у одной владыка спал, у другой, у Тони, – смазливенький, с лисьим тонким личиком, ненасытный женолюб, увивался около породных вдовиц, – сидели две женщины на кухне, в уголке, целый вечер вдвоём и одна перед другой изливали свои души.

– Мой тоже побывал в милиции, – рассказывала Тоня. – Взяли с него подписку, что больше фулиганить не будет, он расписался – и всё. Я говорю им: «Он же меня убить грозит, ребяташки ведь без матери останутся. Свою избу однажды поджигать стал». А они говорят: «Вот когда допустит чего-нибудь этакое, тогда мы и заберём его и приструним!»

– Твоего только в милицию возили, а мой уже в тюрьме сидел не раз, – завидовала подружке Груня.

– Думаешь, мой не сидел? – машет рукой Тоня. – Только я об этом не рассказываю. Сидел и принудиловку отбывал. Первый раз сидел, когда еще холостой был. Подрались, и он на пару со своим отцом человека убил. Обоих по амнистии освободили. Другой раз, уже при мне, был десятником стройконторы, работал на ремонте дороги, сговорился с кем-то и украл камни: камни эти никто для дороги не собирал, никто в глаза их не видел, а он выписал наряд на них, будто собраны, и деньги пропили. Дали ему за эти камни два года. Просидел только один год и два месяца. Вернулся, поставили его завхозом на льнозаводе, второй раз завхозом. Чего только не тащили тогда с завода, чтобы пропить! Водка всё смывала с рук.

– Вот-вот, всё водка, – вставляет своё слово Груня. – И мой такой же!

Тоня продолжает:

– Поехал мой в командировку, в Карныш, и там, опять с кем-то в стоворе, украл чужое сено: продали его в стогах, пропили. Дали принудиловки шесть месяцев. Работал пожарником, работал на пилораме – весь лес в его руках. Лес воровал. И всё для водки, всё для зелёного змия. Хоть бы домой нёс, так уж ладно бы... А то приходит домой пьяный. «Клади, говорит, голову на плаху!» – «Не положу, говорю, ребятишек жалко, что с ними с тремя будешь делать?» – «Полезай, говорит, в петлю сама, чтобы на меня подозренья не было!» – «Не полезу», – говорю. «Тогда лезь в подполье и не показывайся мне на глаза весь день». – «В подполье, говорю, полезу». Запрёт он меня в подполье и держит там, сидит надо мной. А ребятишки ревут, дрожат, боятся его. Надоест ему этот рёв, он и откроет подполье: «Вылезай, говорит, утешай их, корми!» А сам опять уйдёт к дружкам да к приятелям водку пить. Кабы не водка, может, мы и по-людски бы жили. Тверёзый он у меня тоже ничего, обходительный: человек как человек. Шибко много водки стали пить после войны.

Груня слушала, сочувствовала, но казалось ей, что у Тони положение все-таки лучше, чем у неё.

– У тебя, может, хоть дерётся не так грозно, всё-таки ведь безрукий, ударить сильно, поди, не может... Мой-то – зверь настоящий, кулаки у него железные. Стукнет по столу, так от косточек ямочки на досках остаются.

– Ой, что ты! – обижается Тоня. – Безрукий, а хуже троерукого. Силищи у него, у окаянного, как у дракона. Если не помогут, все равно повешусь, либо сам топором меня зарубит. Он ничего не боится. «Я, говорит, всю войну прошёл!» Недавно у нас баба удушилась, тоже из-за мужика, из-за пьянства. И мне со своим не совладать, он и вправду всю войну прошёл, руку свою отдал, всеходы и выходы знает. Что я для него?..

Сидят две свободные, раскрепощённые, чуть подвыпившие женщины на кухоньке, укрывшись от общего шума и песен, и разговаривают, и плачут, и тоже шумят иногда, и уж не пой-

мёшь: жалуются они на своих мужей друг другу или хвалятся ими – до того оба они сильные да бесстрашные.

Брат невесты, тоже маленького роста, Николай Иванович – помощник колхозного бригадира, человек небожий, малозаметный, но безотказный, работяга, из тех работяг, на которых везде воду возят, – неторопливо ходил из кухни в горницу, из горницы в кухню то с белушкой, то с пивным стаканом, то с графинчиком и стограммовой стопкой, продирался за столы, за скамейки, появлялся у порога перед новыми гостями, не забывая ни молчаливых, ни спорящих. Он был, так сказать, главным подающим на пиру, что-то вроде тамады. Но тостов он не произносил, красноречием не отличался, только настойчиво предлагал каждому выпить – и всё тут. Отбиться от его угощения было невозможно, он прилипал к человеку, изнурял его своим терпением, не отходил до тех пор, пока тот, в безнадежном отчаянье махнув рукой, не выпивал всё, что бы ему ни предлагалось. Считается, что если на свадьбе нет пьяных, счастья молодым не будет, и Николай Иванович понимал всю глубину ответственности, возложенной на него.

Время от времени он тащил то одного, то другого дорогого гостенька на кухню, за печушку, к матери своей, и Мария Герасимовна угощала их чем-то из судёнки, по секрету. Появился там и директор льнозавода.

– Откушай-ко! Горит! – шепнула ему Мария Герасимовна.

– Ну? Горит? – обрадовался директор. – Тогда давай, за дальнейший рост!

– Кушай на здоровье!

Выпил директор секретную стопку, повеселел, подобрел к Марии Герасимовне и поговорил с ней.

– Дочка у тебя хорошая – Галя, все планы выполняет и перевыполняет. Сейчас и на сына посмотрел: тоже хороший мужик. Лишнего не болтает, ходит, угощает всех. Все люди у нас хорошие! У тебя двое?

– Двое осталось, девять было. Все умирали до году, – пожаловилась Мария Герасимовна.

– Отчего такое, жилось худо?

– Да нельзя сказать, что худо жилось. Только работала, себя не жалела. Ни одного ребёнка до дому не донесла, то на

поле родишь, то на поже, а бывало, что и на дорогу вываливались.

– И оба у тебя мелкие ростом, и Галя, и сын этот, Николай. Отчего такое?

– Поди, оттого и мелкие, – не обидевшись, ответила Мария Герасимовна, – что ни себя, ни их не жалела. Дом большой, скота было много, а мужик еще охотой занимался. Потом овдовела, муж-то на войне остался, смертью храбрых. Да меня ещё в депутатки не по один год посылали, тоже угомону не было.

– Куда в депутатки?

– Да в этот – как его? – в сельсовет.

– Значит, ты и общественную нагрузку несла?

– Несла, как же. На все заседания таскали.

Директор удовлетворённо заключил:

– Оттого у тебя и дети в люди вышли. Николай-то бригадиром?

– Помощником. Не знает уж, как и избавиться от этой бедолаги, затаскали совсем. Раз в члены вступил, так терпи.

Выбравшись из кухни, подобревший директор попал в руки правдоискателей.

Три невестиных братана – так зовут здесь двоюродных братьев – работают вместе на дальнем лесозаготовительном участке: один шофёром, другой пильщиком-мотористом, третий заведует школьными производственными мастерскими и одновременно преподаёт физкультуру в восьмилетке. Три человека – три разных характера, а друг с другом не расстаются.

Шофер Василий Прокопьевич – бунтарь по натуре. Он забывает про еду и пиво, как только начинает рассказывать о непорядках в лесу, при этом лицо его бледнеет, глаза блестят и требуют ответа сразу на все вопросы, какие ставит перед ним жизнь. А ездит он широко и знает много.

Другой братан – Лёнька, человек весёлый до легкомыслия, знает печальных историй не меньше, но непреодолимая жизнерадостность не дает ему надолго впасть в тоску и негодовать из-за каких-то несуразностей жизни. Он любит пошутить, посмеяться и вовремя рассказанным анекдотом смягчает острые разговоры и тяжелое настроение Василия Прокопьевича. Может быть, в этом больше мудрости, чем легкомыслия?

Третий – преподаватель физкультуры – вторит то одному, то другому из братанов. Он легко воспринимает чужие настроения, легко поддается им и в спорах и разговорах может становиться на любую из сторон. Где перевес – там и Михаил Кузьмич. Разгорячится Василий Прокопьевич – горячится и он и ещё больше добавляет огня в костёр самосожженца; развеселит всех Лёнька – и он расскажет подходящий к случаю анекдот.

Я узнал, что жена Михаила Кузьмича называет своего благоверного бескостной миногой. Ей больше нравится шофер Василий Прокопьевич.

Директор льнозавода сам подошел к братанам, сидящим за столом. Они смеялись.

– Ну что, воины, как живётся?

– Живём помаленьку! – отвечал Михаил Кузьмич.

– Помаленьку нельзя. Вы молодые, вам надо хорошо жить. Время у нас такое. А пьётся как?

– Пьем по маленькой, – отрапортовал Лёнька.

– Маленькую и я сейчас выпил – хорошо прошла. А смеётесь над чем?

– Над директорами.

– Что такое? – встревожился директор.

– Да вот, понимаете, – Михаил Кузьмич повторил анекдот, только что рассказанный Лёнькой: – Угробил у нас один шофёр новую машину и вместе с ней директора, стоит, в затылке чешет: «Ладно, говорит, директора дадут нового, а вот где я теперь запчасти достану?»

Рассказал и от удовольствия расхохотался снова. Засмеялся и Василий Прокопьевич. А Лёнька, моторист, смотрит в глаза директору и ждёт, как тот примет шутку. Но директор только нахмурился и задумался. Тогда Лёнька рассказал еще один анекдот:

– Расхвастался иностранец своей чудо-техникой. «Смотрите, дескать, что у нас могут делать. Вот, скажем, курица. – Лёнька развернул ладошку перед носом директора льнозавода и дунул на неё. – Фу – и вместо курицы яйцо. Фу – опять курица». Тогда наш инженер обиделся и сказал: «Подумаешь, чудо! У нас и не такое могут делать. Вот, скажем, – Лёнька опять развернул ладошку, – директор!.. Фу – дерьмо. Фу – опять директор».

Братаны, все трое, дружно расхохотались, а подвыпивший директор льнозавода нахмурился и задумался ещё больше и наконец сурово спросил:

– Вы где работаете?

Василий Прокопьевич сразу посерьёзней и пошёл в атаку:

– А вам, собственно, для чего нужны наши сведения? Анкетку хотите заполнить?

По недоразумению или по злобе многие считают всех шофёров без исключения «леваками» и «калымщиками», бесстыже подрабатывающими на случайных пассажирах, и «малопьющими» в том смысле, что, сколько ни пьют, им всё мало. Василия Прокопьевича ни в каком левачестве не заподозришь: не таков он человек, не тем живёт, не о длинных рублях думает. К тому же и возит он не людей, а лес, ему не с кого собирать подорожные.

– Мы работаем в лесу, у нас свои порядки, и мы про них знаем, – запальчиво продолжал он. – А вот вы – директор. Знаете ли вы, что у вас на льнозаводе делается? Знаете! Ваши приёмщики колхозы грабят, номера тресты занижают. Вы калымщик, вот вы кто! А ведь в партии, наверно, состоите?

Директор поначалу опешил, но, услышав слова о партии, воспрянул духом:

– Ты вот что, парень, меня критикуй, а партию не трожь!

– Партию я не трожу! – сказал Василий Прокопьевич. – А вы зачем колхозы обсчитываете? Партия с вас всё равно спросит. Не прикроетесь!

Весельчак Лёнька и Михаил Кузьмич дружно поддержали своего брата.

В разговор о льнотресте немедленно включились соседи по столу, и давний конфликт вышел наружу. Суть его в следующем.

На заводе старое, почти допотопное оборудование, из-за чего при первичной обработке льна получается очень большой, недопустимый по нормам процент отходов. Чтобы не прогореть даже при этом древнем оборудовании и выполнить и перевыполнить план (обязательно перевыполнить – для отчётности, для премиальных!), работники льнозавода приноровились умышленно занижать сортность поступающей тресты. А лён – основной источник колхозных доходов. Треста оплачивается

государством щедро, и разница в цене за лучший номер, даже за половину номера очень велика. Райком партии установил свой контроль за приёмкой льнотресты, первый секретарь сам досконально изучил правила определения сортности льна, но этого контроля оказалось недостаточно. Колхозы и колхозники продолжают терпеть убытки и очень обижаются.

Пиво развязало языки, гости наговорили служащим льнозавода немало резкостей.

– Критиканы вы все, вот что, очернители! – огрызнулся директор.

А с кухни снова зазвенел высокий нестарушечий голос Натальи Семёновны – и полилась песня про князьёв да бояров.

– Ладно, треста трестой, а вы скажите, долго ли у нас в лесу щепки будут лететь? – переключился на новые разоблачения Василий Прокопьевич. Он кричал, чтобы заглушить песню: – Почему везде человек человеку друг, а у нас в делянке один закон: совесть на совесть, кто кого обставит да обсчитает?

В наступление были пущены смазочные масла и горючее, нормы выработки в кубометрах и километраж, и запчасти, запчасти для машин и трелёвочных тракторов – главное, запчасти.

– Почему для одних шофёров запчасти есть, а для других нет? И почему всё надо доставать, а не получать, не покупать?

Василию Прокопьевичу подают белушку пива, он принимает её, не глядя, обеими руками, выпивает всю, до дна, не заметив даже, что пьёт и сколько пьёт, и, вытирая губы рукавом, продолжает говорить, говорить и спрашивать. В душе его горит страстный огонь правдолюбца, он в запале и уже не видит и не воспринимает ничего, что не касается прямо и непосредственно его производственных бед и обид...

Михаил Кузьмич, заведующий школьными мастерскими, впадая в тот же тон, рассказывает, в свою очередь, что ребят приходится знакомить не с современной техникой, не с трактором, не с бензопилой «Дружба», потому что их в школе нет, а с утилем, собранным на кладбищах машин, а то и просто использовать школьников как чернорабочих, только бы заполнить часы, отведённые для производственного обучения; что зарплата для учителей всё ещё не упорядочена и многие уходят на лесозаготовки, становятся механиками, шофёрами.

Наступило время для Лёньки. Чтобы разрядить атмосферу, он вдруг начинает неистово кричать:

– Горько! Горько!

Его крик подхватывают гости из-за других столов:

– Горько!

Молодые послушно встают и чинно-благородно целуются.

– Ну как теперь? – спрашивает Пётр Петрович.

– Горько, – не уступает Лёнька.

Молодые целуются снова и уже не садятся.

– Теперь сладко? – спрашивает жених.

– Теперь ничего, жить можно!

Все пьют. Пётр Петрович тоже поднимает стакан, но бдительная сваха останавливает его, и жених в который уже раз шутит:

– Даже выпить не дают как следует. Если б знал, не женился бы.

Гости с готовностью смеются. Смеется и счастливая невеста. Но разошедшийся Василий Прокопьевич всё еще не смеется. Он услышал вдруг сладкоголосую Наталью Семёновну и обрушил на неё остатки своего гражданского гнева:

– Бóяры-бóяры, а сама тянет из колхоза всё, что плохо лежит – то лён, то сено охапками, то ржаные снопы. Прижмут её – она в слёзы: плакальщица ведь, артистка! А когда муж стоял в председателях, от неё никому житья не было. Однажды Ванька Вихтерков подкараулил её в поле да забрался под суслон, будто от дождя, ждёт, что будет. Причитальница добралась и до этого суслона, снимает хлобук, а он ей: «Хлобук-то оставь, Натаха, а то меня дождь смочит!»

– Брось обижать старуху! – вступился за Наталью Семёновну Лёнька. – Наговоры одни, да ещё заглазно.

– Я и при ней скажу.

– Чего скажешь, коли сам не видел.

– Я не видел, другие видели.

– Никто ничего не видал.

– Конечно, одни наговоры, – поддержали Лёньку сидевшие рядом женщины. – Худославие одно. Её, Наталью, тоже понять надо.

– Ладно! – начал сдаваться Василий Прокопьевич. – Только ведь сожгла же она недавно соседский стожок на лесной дербе. Все об этом знают...

– Опять все!

– А вы дайте ему договорить! – вмешался в спор Михаил Кузьмич.

И Василий Прокопьевич договорил:

– Дерёбку эту она скашивала сама не по один год, а тут приходит – сено смётано. Подумала, что это колхоз выкосил и сгрёб, ну и подожгла. Срамили её!.. Вот тебе и бёяры, и монастыри с монашками!

Молчун Николай Иванович, главный подающий, слушал, слушал эти слишком серьёзные для него разговоры да как грохнет пустым стаканом об пол. Гости от неожиданности вздрогнули: что это с ним, с тихоней? А с ним ничего! Он просто хочет, чтобы молодые жили счастливо. Добиться же этого нетрудно, надо бить стеклянную посуду.

И ещё: Николаю Ивановичу тоже поговорить захотелось.

– Вон какую свадьбу отгрохали! – хвастливо показывает он на столы.

А на столах полно сладких пирогов, которых никто не решается трогать, они лежат для украшения. Едят мясо, жареную треску, яичницу на широких сковородках, называемую селянкой, рассыпчатую кашу из овсяной крупы – заспы, всё солёное-пересолёное.

– Пей горько да ешь солоно – никогда не закиснешь! – сказал дружка Григорий Кириллович.

– Горько!

– Сколько у вас присчиталось в этом году? – спрашивают Николая Ивановича. Вероятно, кто-то почувствовал его неутолённое желание вступить в общий разговор.

– На трудодень-то?

– Да.

– А ничего не присчиталось. Только добавочные платим.

– Совсем на трудодни не выдавали?

– Нет, выдавали, как же.

– Сколько выдали?

– Да ничего не выдали.

– И ты ничего не получил?

– Получил, как же. Не я один.

- Сколько же ты получил?
- Один раз пять рублей под расписку, а другой раз – так.
- А так – это сколько?
- Да рублей двадцать, не больше.

Всё идёт «как следно быть, всё по-хорошему», как и хотелось Марии Герасимовне. Ей самой ни поесть, ни выпить некогда.

Женщины усадили гармониста на высокую лежанку и плясали до упаду, то и дело обтирая потные лица платками и фартуками. Гармонисту обтирать своё лицо было некогда, и за него это делала какая-то услужливая молодая девушка – дроля, наверно.

Дробили с припевками, с выкриками. Особенно отличался кокетливый, не по-деревенски смазливый паренёк – почтальон из сельсовета, до того смазливый, что казался подкрашенным, напомаженным. Он знал много современных частушек, которые называл частухами.

Сидит милка на скамейке,
Не достанет до земли.
В кассу я отнес копейки,
Через год возьму рубли.

Наверно, он сам сочиняет эти частухи.

Плясали, пока у гармониста не вывалилась гармонь из рук.

Седой бородатый мужик продолжал хвастать своей пластмассовой челюстью. Нашлись хвастуны и похлеще.

- В этом году наш колхозный план всё-таки утвердили. Пять раз пересматривали в райисполкоме, заставляли переделывать, а на шестой раз утвердили. Правда, от наших первых наметок ничего не осталось. Так ведь что поделаешь: у нас свои расчеты, у них свои – им цифры сверху спущены.

- Мы тоже своего добились – закрыли птицеферму. По пятку яиц в год на несушку выходило. Золотые яички, одно разорение! Разрешили прикрыть.

- Как же план по яйцу?

- Выполним! Пашем на колхозных лошадях приусадебные участки: тридцать яиц с участка подай – и никаких хлопот!

Не обошлось и без охотничьих бухтин.

– Иду это я раз вдоль осёков⁵³, гляжу – что-то шевеличка. Вдруг, думаю, заяч? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и верно, заяч.

Добычливого охотника тут же поднимают на смех:

– Бежала овча мимо нашего крыльча да как стукнечча да перевёрнечча. «Овча, овча, возьми сенча!» А овча не шевеличка. С той поры овча и не ягнечча.

– Самая доходная охота, ребята, всё-таки на медведёй. Ежели год выпадет ягодный, то в лесах на каждом горелом месте от малинников проходу нет. Кукуруза, и только! И набирается в эти малинники медведей видимо-невидимо: сладкое любят. Нажрутса они малины и дрыхнут вповалку. А спящих медведей, ребята, можно голыми руками брать. Иду это я раз по малиннику с топором: одному медведю напрочь голову отрубая, другого глушу обухом по лбу. А ежели какой проснётся, так всё равно от медвежьей болезни сразу силы теряет, с таким тоже долго чикаться нечего. Прямо на тракторе вывозили – столько их вокруг меня положено было.

В минуту, когда разговор шёл еще о птицеферме, дружка Григорий Кириллович, вдруг словно бы спохватившись, вышел из избы. Сейчас он вернулся с живой курицей в руках. Соблюдая какой-то древний языческий обряд, он остановился посреди избы, взял курицу за голову, с силой встряхнул её – и обезглавленная тушка запрыгала по полу, брызгая кровью, теряя перья.

Курицу зажарили и со свежей курятиной и пивом обходили гостей.

В деревне Сушиново этот обряд до сих пор никому не был известен, и в чём его смысл – никто растолковать не смог, но свежая курятинка всем понравилась.

Вездесущий дружка балагурил и колобродил в течение всего вечера, и пил он не меньше других. Дружке всё позволено, всё прощается. Совершенно по-другому – строго, сдержанно, с достоинством – ведут себя сваха и тысяцкий. Особенно ты-

⁵³ Изгороди из жердей вокруг полей и сенокосов.

сяцкий, дядя жениха, – здоровенный, высоченный, он словно бы стесняется своего роста и своей могучности. Но дело, оказывается, не в этом. Несколько лет тому назад тысяцкий был в Сушинове председателем колхоза, а такое не забывается. Каждое его слово здесь и поныне должно быть, конечно, дороже золота.

Но ни сваха, ни тысяцкий не уследили за своим подопечным. Под конец напился-таки Пётр Петрович. Вероятнее всего, затащил его Николай Иванович по секрету в куть, к матери своей, и та не пожалела самодельного зелья дорогому зятюку.

Напился молодой князь и начал куражиться. Нашёл где-то каракулеву шапку, нацепил её на ухо и кричит:

– Я Чапай! Кто на моем пути? Всем приказываю: долой!

Испуганно заметались по избе женщины, будто овцы в хлеву, мужики смотрят на нового своего родственника с недоумением, думают: не связать ли и этого, а Мария Герасимовна так и стелется перед ним, заласкивает, улещивает:

– Петенька, Петенька, Петенька!

Расстилает перед ним ковры и молодая княгиня Галя, хватает его за длинные, произвольно болтающиеся руки, поддерживает его, чтобы ходули не подогнулись. А князь чванится, хорохорится, рубаху на себе рвёт, ваньку валяет.

– Ты кто? – спрашивает он Галю, подбираясь худосочным кулачишком к её заплаканному, розовощёкому лицу. – Жена ты мне или нет? Я Чапай! Понимаешь ты это: я – Чапай!

– Ты, Галька, уйди с глаз, не мельтеши, не дразни его! – шепчет дочери Мария Герасимовна и вытирает Петру Петровичу рот.

– Э, куда я теперь уйду? – вскидывает Галя голову и вдруг ожесточается. В первый раз. – Ну ладно, ты Чапай, – говорит она мужу. – А только я больше тебя зарабатываю. Понял? Чего ломаешься-то? – И, резко повернувшись, скрывается с глаз.

«Что ж, для начала, пожалуй, неплохо!» – подумал я.

Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!

Тысяцкий выкручивает руки молодому князю, своему племяннику, и уводит его куда-то спать.

Под гармошку девушки прокричали несколько частушек-коротышек, возвещающих о том, что время уже позднее:

Пойдёмте, девочки, домой,
Будет, насиделися:
Моего милого нет,
На ваших нагляделися!

И на этом первый день свадьбы закончился.

Правда, по деревне под ясным звёздным небом долго ещё ходили молодые мужики и ребята, но мороз стоял градусов за тридцать, и гармонь, вынесенная из жаркой избы, не пела. Гармонист разводит её «от плеча и до плеча», парни со страшной силой изрыгают частушки, а гармонь не издаёт ни звука, даже не хрипит.

Вспомнилось: как-то в Москве, на перекрёстке у Ленинской библиотеки, вот на таком же морозе милиционер приложил свисток к губам, а он не засвистел – застыл, должно быть. Дует в него регулировщик и сам смеётся. Тем дело и кончилось: повезло шофёру-нарушителю.

* * *

Ночевали гости в разных избах, в одной места для всех не хватило бы. Я провёл ночь у соседки Дуни, вдовы, два сына которой находились в армии. Одна в своей избе она никогда не ночует, боится нечистой силы, ей «блзнит».

Не могу сказать наверняка, чтобы я эту ночь спал спокойно, хотя с нечистой силой дела иметь не пришлось. Но с вечера в избе беспрерывно визжал месячный поросенок – в хлеву Дуня его не держит, опасаясь, как бы не замёрз. А в полночь неожиданно у самого изголовья дико заорал петух – оказалось, что в заднем углу избы под лавкой-скамейкой сосредоточилась вся личная птицеферма Дуни. За всю ночь ни одна курица не подала голоса, петух же принимался кричать неоднократно и с каждым разом, как мне казалось, пел всё громче, всё вышекомерней. За один приём он кричал свое «ку-ку-ре-ку» раз пятнадцать, если не больше.

Принято считать, что песня петуха музыкальна. Я тоже так считал и даже стихи об этом сочинял не единожды. Теперь же

мне его песня музыкальной не показалась, да и песней я её не назвал бы. Поневоле думалось только о нечистой силе.

Когда всё пиво в доме невесты было выпито, шофёр при помощи паяльной лампы завёл самосвал – и свадьба отправилась за сорок километров, на родину жениха, в деревню Грибаево. Из невестинной родни в самосвал уселся брат Николай Иванович и еще кто-то. Братаны не поехали.

Товарищи из райкома партии сделали мне одолжение, послали легковушку, и мы с Виктором Семеновичем Сладковым, водителем вездеходящего «газика», решили посадить к себе молодых. Молодые сели в машину, а сваха с иконой в руках недоуменно топталась у дверцы: ей не положено оставлять жениха с невестой ни на минуту, пока не доставит их в дом к родителям.

– Ну, садись, сваха, ничего не поделаешь! – с некоторой растерянностью согласился водитель. – Кого только я ни возил на своём веку, чего только ни возил, но икону на райкомовской машине возить не приходилось.

Получился настоящий свадебный поезд. Жалко только, снег не шёл: когда свадьба выезжает в снег или в дождь – к счастью.

И никаких черепков девушки вслед не бросали. А раньше полагалось. Перед выездом невеста умывалась, девушки разбивали глиняный рукомойник и этими черепками забрасывали отъезжающих, чтобы невеста не вернулась домой, чтобы жилось ей счастливо и в новой семье.

На улице на морозе долго фотографировались. Увидев в моих руках фотоаппарат, женщины поснимали с себя полушубки и ватники, они хотели «сняться на карточку» обязательно в праздничных сарафанах. В деревнях очень любят фотографироваться. Но сделать живой снимок трудно: все лица перед объективом мгновенно напрягаются, деревенеют.

Мария Герасимовна с нами не поехала. Со слезами на глазах она наказывала дочери:

– Не забывай, бегай в гости почаще, ничего, что далеко, – ноги молодые. И не приходи без гостинца: без гостинца придёшь – уревусь, подумаю, что от мужика сбежала.

Самосвал облепили мальчишки, чтобы прокатиться до конца деревни.

Всё-таки раньше мальчишкам жилось, наверно, легче и, пожалуй, веселей, когда свадьбы справлялись не на грузовиках, а на тройках. В своё время я пронёсся на задке свадебной кошёвки целых двадцать километров – от районного городка, где учился в четвёртом или в пятом классе, до своей деревни. Мой дядя, только что вернувшийся из Красной Армии и ещё не расставшийся со своей остроконечной будёновкой, вёз невесту из далёкого Шалашнева мимо нашей школы. Мне с утра не сиделось за партой, ждал свадьбу и, когда завидел её, опрометью вырвался из класса, успел на ходу схватить полушубок и вскочил на концы полозьев последней раскрашенной кошёвки. Пели колокольцы, развевались цветные ленты, вплетённые в гривы и в хвосты лошадей, сердце замирало от восторга и страха.

Из-за того, что у дяди на голове была прославленная будёновка, свадьба представлялась мне каким-то военным походом. Конечно, я обмёрз, но вспоминаю об этом своём путешествии, как о самой лучшей из бабушкиных сказок.

Дядя погиб в прошедшую войну. Анна Григорьевна, бывшая тогда невестой, живёт теперь на Бобровской запани под Архангельском в окружении сыновей и внуков. Недавно она сказала мне:

– Верно, какой-то парнишка висел тогда на запятках. Если бы знатьё, я бы тебя с собой рядом в кошёвку посадила.

На машинах мы ехали ночью – полями, перелесками. Дорога оказалась расчищенной от снега, приглаженной: на днях из города в колхоз прошли шесть гусеничных тракторов с волокушами для вывозки торфа на поля. Волокушу – широченный громоздкий металлический лист – почему-то называют «пеней». Торф загружается на такую волокушу бульдозером, пёхом, и сгружается так же. Не потому ли «пена», что в поля на ней тянут больше снега, чем торфа?

Виктор Сладков не просто вёл машину, а, как экскурсовод, показывал нам свои памятные места: здесь вот зайцы обычно дорогу перебегают; с тех высоких берёз совсем недавно он снял из малокалиберки трёх косачей; а на этой вот пашенке ещё сегодня видел, как лисица мышковала.

Сладков – главный райкомовский водитель, и для всех шофёров района он царь и добрый бог. Это авторитет не только власти, но и опыта. Его машина больше других носится по непроходимым районным дорогам. Многих своих коллег Сладков вытаскивал из канав, из грязи, многим молодым устранял в пути неполадки в моторе, а главное – он всем помогает доставать запчасти. Хорошо знают райкомовского шофёра и пешеходы: если свободен, остановится, посадит – и всё за спасибо, не то, что некоторые. Справедливый человек!

Ехать ночью по зимней просёлочной дороге то с дальним, то с ближним светом автомобильных прожекторов сказочно хорошо. Дорога извивается, и никогда не знаешь, что откроется за следующим поворотом. Из тьмы вылетают навстречу какие-то призраки: причудливые пёстрые кусты, кривые деревья, пни под снежными шапками, будто отпрянувшие в сторону прохожие, огромные, полузаметённые снегом выворотни с зияющими чёрными дырами, в каждой из которых чудится медвежья берлога. Перелесок и поле, лес и опять поле. Снег то синий, то рыжий, а всё время ждёшь, что за сплошным зелёным ельником и поле будет зелёное.

Сладков рассказывает о зайцах и лисицах, и я вижу их следы: в кустах они глубокие, чёткие, резко оттенённые светом фар, а на открытых местах выпуклые – ветер выдул сухой сыпучий снежок, уплотнения же остались и поднялись над белой равниной, как маленькие побелённые столбики на обочинах шоссе.

Через всё поле прошла лисица, столбики её следа протянулись цепочкой от леса до леса.

Взбугрившаяся лыжня напоминает узкоколейку.

В полях было по-ночному тихо, а когда наши машины врвались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов. Казалось, что звуки по стволам уходят в звёздное небо.

А я ехал и твердил про себя пушкинские строки: «Колокольчик однозвучный утомительно гремит».

До чего же всё-таки не хватает колокольчиков!

* * *

В доме жениха сваха и тысяцкий остановили молодых в тёмных сенях и ждали, пока вынесут лампу и выйдут навстречу им родители.

Жениху и невесте положили на головы по караваю ржаного хлеба, отец и мать благословили их, поцеловали – опять в ход пошла икона. Пётр Петрович очень стеснялся этого обряда, подшучивал, но обижать стариков не хотел, всё сносил.

Отец ростом был ещё выше сына и настолько здоровей, становитей, что длинноногий сухопарый жених при нём выглядел совершенным мальчишкой. Отца хотелось называть торжественно: родитель. Он, так же, как его брат, тысяцкий, был скуп на слова, держался с привычным достоинством. Может быть, и он в своё время служил где-нибудь председателем колхоза?

А мать крутилась, вертелась, как юла, и звали её Лия.

Деревня Грибаево уже была радиофицирована, в избе около божницы висела коробка громкоговорителя, и под потолком горело электричество. Во всём сказывалась близость промышленного объекта. Правда, чтобы свет воссиял с достаточной силой, потребовалось вернуть лампочки в сто пятьдесят свечей и меньшего вольтажа.

И красочных плакатов, и лозунгов в избе было больше, чем у Марии Герасимовны. В том простенке, где у Марии Герасимовны громоздилось чудотворное произведение зоотехника «Иван-царевич на сером волке», здесь висел плакат «Всегда с партией!». Рядом – краснощёкая колхозница среди корзин с фруктами и овощами держит в руках огромный, как джазовый барабан, капустный кочан, и надпись:

За труд, мастера огородов, садов,
Теперь за вами слово.
Вдосталь дадим овощей и плодов,
Сочных, вкусных, дешёвых!

Неужели такое сочиняют вологодские поэты, мои друзья?
И ещё плакаты: «Разводите водоплавающую птицу! Это боль-

шой резерв увеличения производства питательного дешёвого мяса!»

Язык-то какой!

Мы за мир, чтоб на планете
Были счастливы все дети!

И ещё, и ещё...

В деревне находится восьмилетняя школа, и среди гостей на свадьбе много учителей. Еще больше служащих и рабочих с льнозавода.

Снова жениха и невесту посадили за стол и опять в верхней одежде; так они и сидели долго, пока от них пар не пошёл.

Опять было пиво, тосты в одно слово: «Горько!», «Горько!» – и пляска. Опять картинно целовались молодые, но Пётр Петрович пил уже из белушки – добился-таки своего! А невеста то и дело кланялась, как заведённая, – таков был наказ матери.

– Теперь сладко! Пейте! – шутил жених и опрокидывал очередную белушку.

Каждого нового гостя и здесь встречали у порога стаканом пива. Хозяйка Лия раздевала гостей сама и с таким радушием, что пуговицы летели на пол. В этом, конечно, сказывался неукротимый её темперамент, но главное – так было принято, и это считалось высшим шиком гостеприимства.

Опять завязался спор, и с ещё большим ожесточением, между работниками льнозавода и колхозниками относительно сортности сдаваемой льнотресты.

Всё было, как в доме невесты, всё повторялось. Только Николай Иванович здесь никого не угощал, и ему совсем нечего было делать и не о чем говорить, он просто пил и молчал.

Бросилось в глаза кое-что и новое.

Гостей поначалу угощали пивом – хлебным, густым, бархатистым, а как только они начинали веселеть, им в ту же посуду подливали жидкую мутную брагу. Брага тоже пьянит, но после неё дико болит голова, из-за чего и прозвали брагу «головоломкой». Зато обходится она гораздо дешевле пива. Пивом поят, брагой с ног сбивают.

Кто-то из родственников невесты захотел повторить поправившийся обряд со свежей курятиной. Хозяйка Лия пришла в неистовство:

– Совести у вас нет – живой курице голову отрывать!

Табакуры попросили спичек, Лия подала коробку и предупредила:

– Останется что – верните!

Сначала подумали: примета на счастье. Вроде битья стеклянной посуды. Нет, оказывается, дело вовсе не в приметах.

– Вы чего скупитесь, свадьба ведь! – сказали ей не без опасения обидеть. – Где пьют, там и льют, где едят, там и бьют.

Лия не обиделась:

– А вы сразу разорить нас хотите. И без того расходы велики.

– Какая же свадьба без расходов? Этак ваш сынок захочет жениться по другому разу. Разорить надо, чтобы он о разводе не помышлял.

– Ладно, пейте, коли подают!

Утром невеста в присутствии гостей подметала пол в избе, а ей то и дело бросали под ноги разный мусор: проверялось, умеет ли она хозяйствовать. Обряд этот продолжался долго и был, пожалуй, самым развесёлым. Родственники и гости изощрались, приносили в избу сенную труху, изношенные лапти-ошмётки, с грохотом кидали в углы битые горшки, всевозможный хлам и лом. Один разыскал где-то остатки кавалерийского седла и бухнул их на середину пола. Невеста только радовалась: с мусором на пол кидали деньги, чаще медные монеты, иногда бумажки. Правда, в старом седле она ничего не нашла, хотя содрала с него всю кожу и войлок.

– Ищи, ищи! Плохо метёшь, нечисто метёшь! – кричали ей.

Галя старалась: у неё действительно всё поглотила свадьба, всё, что было ею заработано, скоплено за несколько лет. Но стоило ей зазеваться, как озорники хватали веник, и его приходилось выкупать.

Затем невеста – её уже стали называть молодежию – обходила всех присутствующих с блюдом свежих блинов в масле. Гость выпивал почётный стакан, закусывал блином и выкладывал на блюдо свою мелочишку.

Ещё позднее молодлица в присутствии гостей раздавала подарки новой родне: свёкру – голубую штапельную рубаху, свекрови – отрезы на сарафан и нижнее бельё – подстав, свахе – ситец на кофту, золовке, сестре жениха, красивой статной девушке, недавно окончившей десятилетку и работающей в колхозе, – платье и алую ленту в косу, тысяцкому – отрез на рубаху, бабушке – головной платок, остальным – кому носовой платок, кому кисет для махорки. Всё, что шилось и вышивалось в течение многих недель самою невестой и её матерью и подругами, было роздано за несколько минут. Кажется, никто не обижался.

Я, приезжий человек, тоже не был обойдён. В дни свадьбы наградили меня бесценными подарками дружка Григорий Кириллович и колхозный шофёр Иван Иванович Поповский. Они облазили немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике. Скоро таких не будет и на Севере: не на грузовики же, не на самосвалы же свадебные их навешивать!

Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. Такие тоже, наверно, скоро исчезнут с лица земли. А к пряснице – плетёную веретеницу с веретёнами. Ещё молотило берёзовое – цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне также достать два заплечных пестеря из берёзового лыка.

С этими свадебными подарками я и вернулся в Москву. Один пестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию, другой – знакомому поэту в день его свадьбы, и еще в придачу лапти собственного плетения.

Все раздарил. Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике.

Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют!

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПОВЕСТИ «ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА»

Записи Яшина в дневнике

... «Вологодская свадьба». Начал писать 27/XII–61 г., кончил 29/I–62 г. в Скоцкове⁵⁴...

В июне побывал в Скоцкове на Духов день с Васюткой, видел, как выхаживается и задирается со всеми «мой жених» Иван Иванович, и решил доработать очерк, дать жениха похлёще...

Закончил работу 11/IX–62 г. в Ялте.

18/IX. Сегодня звонил Герасимов Евг. Ник. – понравилось. До него читали Берзер и Канторович⁵⁵ – обоим понравилось. Передано для чтения Твардовскому.

22/IX–62 г. 13 ч. Позвонил **А. Твардовский**: «Александр Яковлевич, я рад сказать Вам о «Вологодской свадьбе», что это очень хорошо написано, это ве-ли-ко-леп-но! У меня есть несколько мелких замечаний, несколько – вроде шелушинок подсолнуха. Поздравляю Вас!»

Рассказ Александра Яшина «Рычаги», был напечатан в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году и вскоре изъят из всех библиотек страны. Вот что писал об этом **Владимир Солоухин**⁵⁶: рассказ «...произвёл впечатление разорвавшейся бомбы и вызвал изумление, недоумение, озлобление, открытое негодование, восхищение и полный восторг. Эти десять страничек не потеряли своей первоизданной свежести, своей драгоценности и сегодня. <...> Выстрадаанный, проникновенный, несущий огромный обобщающий момент, написанный в лучших традициях русской классической литературы, хотя и незатейливый на первый взгляд, этот рассказ вызвал яростный огонь критики. На Яшина наклеили ярлык «очернителя». «Снимите чёрные очки!» – кричали ему заголовки критических газет. Но очки

⁵⁴ Скоцково – деревня, родина матери А. Яшина, куда он был приглашён на свадьбу в дом своей родной тёти.

⁵⁵ Герасимов, Берзер, Канторович – редакторы, сотрудники журнала «Новый мир», который в то время возглавлял Александр Твардовский.

⁵⁶ Фрагмент вступительной статьи Солоухина «Дорогой совести к правде...» к книге прозы Александра Яшина «Земляки».

не были чёрными, просто он снял розовые очки и увидел действительность, как поётся в песне, “при ярком свете дня”.

Литературная жизнь А. Яшина складывалась так, что к критике (не просто литературной критике, но к критике “сверху”) он не привык. Она привела его в недоумение и замешательство, а если учесть его повышенную ранимость, то можно вообразить, каким для него это было ударом. Однако, к чести А. Яшина, нужно сказать, что, встав однажды на свой новый путь, он с него уже не сворачивал до конца жизни.

Едва-едва начали затихать круги на воде брошенного в омут рассказика “Рычаги”, едва-едва поутихла критика и стало Яшину как-то поспокойнее жить, как он бухнул в воду другой камень, и назывался он “Вологодская свадьба”. С точки зрения традиций русской литературы это был хороший, добротный, бытовой, этнографический очерк. Ну, правда, реалистический, правдивый. Но когда же русская литература была неправдивой? Гоголь и Тургенев, Глеб Успенский и Короленко, Куприн и Чехов... “Антон Горемыка”, “Подлиповцы”, “Сон Макара”, “Записки охотника”, “Сахалин”, вся публицистическая и очерковая литература девятнадцатого века.

Наследуя эту традицию, Яшин и написал свою “Вологодскую свадьбу”. И Боже мой, что же тут началось! Ведь законы литературы того времени предписывали изображать действительность не такой, какая она на самом деле, а такой, какой она должна была быть, какой её хотело бы видеть руководство того времени.

Ладно, если бы просто пресса, статьи в центральных газетах, но возмездие оказалось более изощрённым. Местные вологодские власти организовали (теперь это доподлинно известно) так называемые письма земляков, заставляли людей ставить свои подписи под этими сфабрикованными письмами, и письма эти посылались в центральные газеты, а копии, естественно, самому Яшину. Яшин – очернитель, Яшин – клеветник, он искажил нашу светлую, счастливую, культурную жизнь – вот основные мотивы и основная тональность этих писем. Конечно же Яшину, любящему свою родную землю и своих земляков так, как никому и не снилось их любить, эти письма с десятками подписей были обиднее и больнее, нежели статьи записных московских критиков-профессионалов.

Когда сейчас перечитываешь “Вологодскую свадьбу”, возникает лёгкое недоумение: за что, почему вдруг такая яростная реакция? <...>

Дело в другом. Официальную критику, а сказать точнее – официальные инстанции, напугал подлинный, в традициях настоящей русской литературы реализм этого очерка. Этим очерком послушная до сего времени литература вместе с упомянутыми уже романом Ду-

динцева “Не хлебом единым”, с очерком Фёдора Абрамова “Вокруг да около”, с теми же яшинскими “Рычагами” сворачивала с пути синтетической лжи в сторону ржаного хлеба правды. Этого допустить было нельзя. Но не допустить этого тоже было уже нельзя. Процесс начался, процесс продолжается. Не забудем же, что у истоков этого процесса стоял замечательный русский писатель Александр Яшин».

ТЕЛЕГРАММА

(из Вологды)

Москва Союз писателей СССР Яшину Александру Яковлевичу

Уважаемый Александр Яковлевич первого февраля в Вологде состоится областная читательская конференция на обсуждение которой выносится ваша вологодская свадьба. Убедительно просим вас приехать и принять участие в разговоре читателей с уважением – ваши земляки.

(Сверху рукой А. Яшина написано авторучкой: «Телеграмма переслана почтой из Союза писателей и пришла после конференции» – Н.А.)

Из письма Сергея Васильевича Викулова⁵⁷

Вологда, 2 февраля 63 г.

Дорогой Александр Яковлевич!

«Конференция» читателей вчера состоялась. Заседали 3,5 часа в городском Доме культуры при необыкновенном для этого клуба стечении людей (на подобные мероприятия, в обычные дни). Ещё бы! Сенсация! Спектакль, какой не часто бывает на вологодской сцене. И пришли многие, как мне показалось, именно, как на спектакль.

⁵⁷ Надо сказать, что Яшин принимал огромное участие в судьбе С.В. Викулова, редактируя и рецензируя его рукописи, продвигая их в печать, помог ему оставить армейскую карьеру, чтобы целиком посвятить себя литературе, хлопотал о командировках для Викулова, куда он сам просил. Позже, правда, Викулов укорял Яшина в этом. Всеми свидетели письма. Одно время Викулов жил на даче Яшина... После ухода Яшина в 1968 году Викулов написал работу о Яшине: «Поэт и власть», где странным образом «перепутал» – переставил цитаты из «Вологодской свадьбы» Яшина, этим самым давая совсем другой смысл её содержанию. Я (Наталья Яшина – Н.А.) позвонила Сергею Васильевичу, спросив почему такое случилось – такое искажение? На это он не менее странно ответил: «Об этом знаете только вы...». Действительно, кто будет сверять с подлинным текстом цитаты...

Всё было расписано, как по нотам. Найдены такие «читатели», которые не могли не сказать: «Яшин не прав!» Насколько тонко всё это дело было продумано, Вы поймёте хотя бы из следующего примера. Есть в повести самолёт и дед с лаптями – надо доказать, что лаптей лётчики не перевозят. И вот выступает пилот Вологодского аэрофлота, который именно так и говорит: нет, Яшин не прав. Мы перевозим пассажиров (цифры), и не с лаптями, а с тяжёлыми (не бедны, значит) чемоданами. А сколько мы мяса из Никольска вывезли! А кто даёт это мясо? Никольские колхозники, которых Яшин очернил. И т.д. и т.п.

Второй пример. Выступает бывший секретарь РК в Никольске Соловьёв (ныне – в обкоме союзов кем-то). – Я шесть лет жил в Никольске и работал секретарём райкома (в зале смех; реплики: – Ну, понятно!). И хотя бы что-нибудь конкретное о «Вологодской свадьбе!» Ни слова, кроме: «Выступление Яшина необъективное и злопыхательское». И дальше – ещё более гнусное, о чём не хочется и писать.

Но прежде о себе. Я слишком рано выдал своё отношение к этому делу – и навредил сам себе. Накануне, 31.1, на областном совещании передовиков, во время антракта я встретил Мухина И.С. и секретаря обкома ВЛКСМ Кукушкина и крепко поссорился с ними, сказав, что это самая настоящая травля Яшина, что у Яшина найдутся защитники, и уверен, что в Вологде конференция пойдёт иначе, чем в Никольске. На другой день пошёл в горком комсомола и записался для выступления. Восемнадцатым по счёту! Семнадцать было уже записано и подготовлено. Сказал, что я прошу предоставить мне слово где-то в начале. После меня записался Романов. И вот, сижу дома, готовлюсь к выступлению. Вдруг звонит Сталь⁵⁸. Просит зайти. Иду. И что же? Ему, видимо, при «согласовании» списка выступающих доложили, что хотят выступить Викулов и Романов, и, конечно, передали моё настроение.

С этого он и начал. Толковали 50 минут. Я высказал ему всё, что думал. А он соглашался («да, конечно, у нас ещё есть такое, но... нам же надо воспитывать молодость! А с кого брать пример?») и настойчиво «убеждал» меня, что мне выступать не надо: «Пусть сама молодость разбирается».

В общем, А.Я., мне пришлось отступить. Как хотите расценивайте это, но мне здесь, в Вологде, после такого «персонального» убеждения поступить иначе было нельзя. Страшно перенервничал (и до конференции, и на конференции), вёл себя всё равно «нехорошо»,

⁵⁸ Сталь Александр Александрович (1914–1984). С 1956 по 1963 год был секретарём Вологодского обкома КПСС.

как об этом доложат, наверное, т. Сталь, потому что слушать ересь и околесницу было неважоту.

Договорились с А. Романовым, что, поскольку я «не должен» выступать, – выступит он. И Саша выступил, хотя прорваться на трибуну и ему стоило немалых усилий. Только после того, как зал закричал: «Дайте слово Романову» – его, наконец, пустили. Это уже после пере-рыва. Выступил он очень хорошо: спокойно, вразумительно, убедительно, разоблачил «передёрживания» и необъективность авторов письма и рецензии, доказал, что всё, о чём пишет Яшин, – есть в жизни и надо думать над тем, как изжить это.

Ради этого и написал А. Яшин «Вологодскую свадьбу»!

Проводили его бурными и очень продолжительными аплодисментами. Это говорило за то, что в зале всё-таки большинство⁵⁹ было на вашей стороне.

Кроме Романова так же умно и доказательно выступил студент Крюков, письмо которого в редакцию (копию) я Вам посылаю. Он то же сказал и с трибуны. Парень специально приехал в Вологду из Харовского р-на, где он находится на практике. Но, поскольку письмо его уже знали в редакции и в обкоме, ему тоже не хотели предоставлять слово, и только случайно, когда он настойчиво тянул руку, поддерживаемый студентами, председательствующий, дабы не показать, что это действительно спектакль, сделал демократический жест: «Ну, пожалуйста!» Он не знал Крюкова в лицо.

Таким образом вне списка выступило только двое: Романов и Крюков.

Хорошо выступили преподаватель пединститута Тропина и ещё один студент. И зал показал, на чьей он стороне! Да и выступления эти были куда умней выступлений подготовленных громил! У них главным тезисом был: Яшин кровно обидел нас, никольчан, вологжан. Пятно на вологжан и т.д. Ведь журнал-то расходится по всей стране, его и за рубежом читают. Честь мундира! Но неглупые люди понимали, насколько это глупо!

Не обошлось и без курьёзов. Один оратор всё время оговаривался (видимо, ярый футбольный болельщик). Он говорил так: Лев Яшин, конечно, хороший человек, но... (хохот). И через пару фраз опять: «Лев Яшин неправильно написал»...

Особенно подло, до омерзения! – выступил П.И. Петухов – работник областного издательства. По замыслу, он, видимо, должен был

⁵⁹ Подчёркивания во всех письмах в основном А. Яшина.

здать тон. Выступал третьим. Но не учли организаторы, что «заставь дурака богу молиться – лоб разобьёт!» А уж он старался. Ещё бы – уходит на пенсию и подал заявление на персональную. И вот под-вернулся случай доказать, что он достоин персональной. Вы знаете этого подлеца: он сам сказал, что знает Яшина 30 лет.

Вот его выражения, хотя я знаю, что Вам причину боль, но плюньте, лучше посмейтесь над дураком!:

«Первое прозаическое упражнение “Рычаги”».

«Новый опус» «Свадьба».

Что-то о признании недостатков, имеющихся в Никольске, и вы-вод: «на эту падаль автор позарился».

«Настоящий пасквиль».

«Злопыхательски источает яд на никольчан».

«Все люди – подонки».

«Не мажь ворота “дөгтем”».

«Это находка для врагов».

«Забрал с собой молотило. Да его бы самого этим молотилом».

«Раздарил пестери да лапти».

«Уж не подбросил ли Твардовскому пару пестерей, чтобы пропу-стил...». Ну не осёл ли!

Люди прерывали его. Но органчик был заведён и остановить его было невозможно. Нет, он не добился того, чего хотел. А презрения – да! Я на перерыве сказал ему, что отныне, пока я жив, я не подам ему руки, хотя... увы, мы с ним в одной парторганизации.

Романов, Тропина и ещё кто-то дали оценку его «молотильной» речи. И люди бурно реагировали на это!

Выступал ещё Акинхов – бывший редактор «Вологодского ком-сомольца». Вот его самая яркая фраза: «Даже в советское время, в советских лагерях советские люди остаются советскими!» Это про Солженицына. (Хохот).

Выступил Трапезников. Как начал цифрами сыпать!.. Но скоро его оборвали: «Нам лекции не нужны!» В общем, доказывали, что Ни-кольский район – не такой, как написал Яшин.

«От армии» – выступил старшина. Глупо и тупо. Добавить нечего.

«От рабочего класса» – ткачиха с льнокомбината. «Герои Остров-ского нас вдохновляли, а эти?» Вот и всё. А вывод: «пятно на вологжан».

Кукушкин заключил, ужасно глубокомысленно:

– Можем ли мы взять это произведение на вооружение? – не можем! Я крикнул: А выводы сделать из него – можно?

Но он «не расслышал».

И ещё одна деталь. Кукушкин и вообще обком ВЛКСМ разыскива-

ли несколько дней человека, который бы повёл конференцию – т.е. председательствующего. В институте – все отказались. В областной библиотеке – тоже, хотя он довёл бедных женщин до слёз («Ну, мы ещё с вами поговорим!»), и конференцию вели сами: редактор «Вологодского комсомольца», секретари обкома ВЛКСМ.

Корреспонденту ТАСС звонили трижды из Москвы: «давай развёрнутый отчет». Даёт. И, конечно же, он будет необъективен. Я в этом уверен.

В общем, А.Я., машина крутится. Не знаю, как у Вас, в Москве, но у нас остановить её невозможно. Но и всё-таки, не унывайте. Студент Крюков сказал: «Яшин написал правду, сущую правду, а мы всё-таки пытаемся доказать обратное» и подтвердил этот тезис очень эффектными заметками из районных газет – самых свежих номеров. И это было здорово! Это было сильнее, чем собачий лай Петухова!

Отсюда делайте вывод. Разгрома не получилось. И если всё же напишут наоборот, это будет пожь.

Письмо в редакцию от Героя Советского Союза не удалось прочесть, припрятали. Но вот его адрес: Ленинград, М-142, просп. Ю. Гагарина, дом 41, кв. 26. Медноногов В.А.

Врача Кузнецова, приходившего к редактору высказать возмущение заметкой Берсенева, срочно отослали в командировку. И он не был на конференции.

С. Викулов

(С.В. Викулов – Первый секретарь Вологодской писательской организации, создателем которой фактически был Яшин. С. Викулов не решился выступить на конференции в поддержку произведения А. Яшина «Вологодская свадьба». А. Романов – вологодский поэт. Подчеркивания в письме принадлежат А. Яшину – Н.А.).

Ответное письмо Александра Яшина Сергею Викулову

Дорогой Сергей Васильевич!

Простите, что пишу с большим запозданием. Думаю – поймёте, что я последнее время не всё успевал к сроку.

Я Вам очень признателен за Ваше письмо, за информацию. Очень бы хотел, чтоб Вы и впредь относились ко мне с доверием. Я, конечно, жалею, что «Вологодская свадьба» причинила Вам лично много волнений и хлопот, а позиция, занятая Вами, может быть, причинит в дальнейшем и некоторые неприятности по работе (только в Вологде,

конечно, – не в Москве). Но мне думается, что по-человечески Вы поступали правильно и страдать от этого не будете ни в личном, психологическом, ни в служебном плане.

История с «Вологодской свадьбой» проявила, мне кажется, и наши с Вами отношения. Хочу Вам сказать, что я не ошибся в Вас и доверяю Вашему гражданскому мужеству сейчас больше, чем раньше, и буду стоять за Вас и защищать Вас даже от Вас самого и, конечно, от того московского окружения, в которое Вы оказались втянутым.

Литература относится к разряду вредных для здоровья профессий. Нам полагается добавочная кружка парного молока в день. А вместо молока мы часто получаем нечто другое. Правда, есть изрядное количество литераторов (и всегда они были, и всегда будут!), для которых литература весьма не вредное, а прибыльное (доходное!) дело, и молока они всё-таки получают по несколько литров в день.

Но ведь я никогда не позволял себе верить в то, что Вы с Вашими способностями можете навсегда перейти в такие ряды – только из-за того, что там легче жить, что там больше платят, чаще дают награды.

Всё-таки настоящие русские писатели жили не ради дешёвых удач и служили народу, а не «по ведомству». Народ был и остается, и правда остается правдой при любой общественной системе, и в конце концов она побеждает. XX съезд обнажил правду, которая не всем нравилась раньше, и сейчас многие хотели бы закрыть на неё глаза. Не всех устраивает объявленный партией курс на последовательное изживание последствий сталинской системы и демократизацию страны.

Борьба происходит и в литературе. В этой борьбе много мелочей, частных, неожиданных тактических отклонений от главного, но это главное надо видеть всё время, чтобы не потеряться в мелочах. Литература в конце концов снова должна получить право называться «совестью народа» в каком-то новом качестве – это, вероятно, и будет настоящим социалистическим реализмом.

Ваше положение в литературе теперь твёрдое и, по-моему, Вам следует в дальнейшем проявлять большую самостоятельность и смелость в отстаивании своей точки зрения. Пора сломать сюжет рассказа «Собственное мнение».

Думаю, что сейчас особенно важно всячески поддержать Сашу Романова, – это человек и талантливый, и честный, но какое-то время у него могут быть неприятности! Только бы не испытали вы там растерянности. Поверьте, всё будет хорошо, если совесть у человека останется чистой. Уже хорошо, что Вы не уехали из Вологды от конференции и выразили своё отношение к ней, хотя Вам и не дали выступить.

Писем поступает и мне, и в журналы, и, конечно, в газеты тоже, бесчисленное количество. Если бы «Комсомольская правда» хотела дать возможность высказать противоположное мнение тому «открытому письму», она бы могла сделать это, выбрав любое из писем, полученных ею же. Она этого делать не будет и ответ на «открытое письмо» ей не нужен, он не предусматривался. Так мне сказал один из редакторов её, приезжавший сюда, в Переделкино.

Я сейчас в Доме творчества в Переделкино, здесь секретарь нашего парткома Е. Мальцев, несколько членов парткома, я ничего не собираюсь предпринимать по собственному усмотрению, наобум. Никакой паники ни у кого нет. Дело не в одной литературе. Я связан с Твардовским, он считает, что у Нового мира нет «отдельной линии», что это линия партии, и он, конечно, прав совершенно. Надо только стоять за последовательность в проведении партийного курса на оживление и демократизацию всей жизни в стране.

«Свадьбу» читают, лучшие и старейшие писатели наши правильно поняли её и сказали (и написали) мне о ней много хорошего. Между прочим, Радов и Солоухин хотели от Литгазеты ехать по следам «Вологодской свадьбы» – в район. (Солоухин написал о ней уже статью – я читал, в «Известия», но статья не пошла). Ехать, чтобы защищать правду, которая по существу везде одинакова. Но поездка эта не состоялась якобы из-за того, что Солоухин в ближайшие дни выезжает в Англию.

Были ещё статьи, написанные писателями, и тоже не пошли.

Возможно будет (готовится) что-то ещё с минусом. Но Вас это уже не должно обескураживать и волновать.

Много очень идёт писем от читателей в том числе и из Вологодской области.

Мне особенно дорого то, что мои односельчане, блудновские мужики и бабы, сами прочитали «Свадьбу» уже после организованных статей и составили и подписали письмо в «Комсомольскую Правду» в защиту очерка. Это удивительно. Такого чуда я не мог ожидать от своих односельчан. Вот это уж действительно письмо настоящих земляков.

Посылаю Вам его копию – м.б. пригодится. Такие письма надо показывать всем.

А.Т. Твардовский, вероятно, будет выступать на встрече, которая перенесена на 5 марта.

Большой поклон Александру Романову.

22/II–63

Александр Яшин

Ответ С.В. Викулова Александру Яшину

Дорогой Александр Яковлевич!

Простите, что и я тоже с задержкой отвечаю на Ваше письмо. Жизнь всех нас так мотает, что, действительно, трудно успевать всё делать в срок. А я, кроме всего прочего, болел. И Вы напрасно думали, что моё намерение поехать в Москву накануне читательской конференции по «Вологодской свадьбе» объяснялось трусостью, нежеланием быть на этой конференции. Нет, у меня тогда систематически повторялись приступы (камень в мочеточнике, видимо, двигался), приступы такие, что впору было лезть на стену, и мне врачи советовали поехать к опытному урологу в Москву. Но, слава Богу, обошлось. Сейчас я чувствую себя лучше, камень, вроде бы, вышел. Но тут заболел гриппом. И вот только позавчера встал с постели.

Но... простите. Всё это чепуха.

Меня по-настоящему порадовало Ваше письмо – Вашим добрым расположением ко мне, доверительностью.

Я даже улыбнулся Вашей излишней обеспокоенности по поводу моего положения в Вологде (и А. Романова – тоже). Ничего с нами не случилось и, я думаю, не случится. Мы по-честному хотели помочь Вам, честно и искренне понимая Вашу правоту и не менее искренне и горячо возмущаясь грубой работой организаторов этого спектакля. Да, я не выступил, но все знали мою позицию... Я Вам писал об этом. *Кстати, почему не выступил А. Твардовский? Уж не по той ли причине, что и я? Ведь и ему могли сказать: посиди, послушай, что будут говорить...*

Вчера приехал В. Гура и рассказал кое-что. И всё равно для меня, например, многое не ясно. Да, все мы хотим добра своему народу, Родине, понимаем нелегкую международную обстановку, не хотим быть «лакеями империализма»... Мы против и формализма, модернизма в искусстве... Но как быть с «Матрёниным двором»? «Вокруг да около...» Ф. Абрамова и «Вологодской свадьбой» Яшина? Да, такие вещи не «доставляют радости» читателю. Но ведь продиктованы-то они чистым сердцем! И во имя народа! Неужели обязательно, чтобы после прочтения художественного произведения человеку хотелось плясать? А если ему поплакать хочется? Нельзя? Но ведь жизнь-то не из одних улыбок складывается!

Нет, что-то тут не так, не то...

В. Кочетов, говорят, критиковал «Вологодскую свадьбу». А я ему отдал свою поэму, которая, скажу не хвастаясь, пожалуй, более горькая по настроению, чем «Вологодская свадьба». И он, вроде, хочет её

напечатать. Не верится. Вы посмотрите всё же эту поэму (я её посылаю). И было бы очень хорошо, если бы Вы написали мне своё мнение о ней: Вашим мнением я очень дорожу! Это честно.

Насчёт моего «окружения». Право же, я меньше всего думаю об этом. Ибо у меня всё же есть и свое собственное мнение, и свои суждения о вещах и людях. Не думаю, что кто-то оказывает на меня нежелательное влияние. С Кочетовым я знаком постольку, поскольку он редактор журнала, в который я отнёс свою поэму. Почему в этот журнал? Потому что в других журналах меня вообще не знают и я никого не знаю (кроме «Невы»). Короче, я с теми, кто за честную литературу, с теми, кто за народ и с народом. Я восхищён, например, если говорить о последних номерах журналов, «Матрениным двором» и «Вокруг да около».

Письмо блудновских мужиков показываю всем. Действует. Высылаю копию ещё одного отзыва на «Вологодскую свадьбу». Какой-то старик, по-моему, очень честно и умело возражает фальсификаторам.

Хотелось бы поговорить о многом с Вами, да что скажешь на бумаге.

Надеюсь, что мне удастся побывать в Москве и встретиться с Вами.

А пока до свидания!

Привет Злате Константиновне!

Кланяется и моя Галина Вас.

10/III-63 г.

Ваш С. Викулов

(В этом письме оставлены пометы А. Яшина и С. Викулова: подчеркивания сделаны А. Яшиным, курсив – С. Викуловым – Н.А.)

Письмо вологодского поэта А.А. Романова

8/II-63, Вологда

Дорогой Александр Яковлевич!

Вы, конечно, многое знаете из того, что сейчас творится в Вологде вокруг Вашей «Свадьбы». Наверно, и Викулов писал, да и разговоры такие на месте не сидят, а до Москвы от нас – темнота езды. Но всего Вы не знаете. Тут надо быть очевидцем, тут надо видеть своими глазами и слышать своими ушами.

Все эти дни я хожу страшно возбуждённым. Ваша «Свадьба» удивительно резко выявила многие характеры, чётко обозначила суть каждого нашего знакомого и открыла, по крайней мере – мне, глаза на многое.

Во-первых, спасибо Вам за «Вологодскую свадьбу». Я читал её дважды, читал с волнением и одной мыслью: хорошо! Сначала я не ожидал, что правда, истинная правда, высказанная Вами, так напуга-

ет кое-кого и вызовет такую бурю. Мне просто было радостно за Вас, за Вашу новую удачу, и я ходил и говорил всем: «Почитайте – интересно: там голая правда...».

Я всегда думал и сейчас думаю, что литература, как и вся наша жизнь, держится на правде. Если нет правды, значит, есть ложь. А ложь всегда отталкивает. Это – естественное человеческое восприятие. Потом, в литературной лжи мы достаточно в своё время преуспели, поэтому сейчас она просто невыносима. Вот почему мне очень понравилась Ваша «Свадьба». Своих мыслей я ни от кого не скрывал, не лавировал, говорил, как думаю.

И когда началась эта комедийная читательская конференция в городском Доме культуры, мне организаторы этого зрелища не хотели давать слова, зная заранее о моей точке зрения. Вот ведь до чего дошло дело! Были подготовлены «свои» ораторы, проверены их «выступления», и спектакль начался.

Пришлось, что называется, идти напролом: публично, с места, просить слово у зала. Так я попал на трибуну. Говорил я много. Вот, примерно, ход мысли.

– Мы собрались не для того, чтобы обсуждать А. Яшина как личность. Здесь – не собрание по поводу персонального дела. Надо говорить о другом: правду или клевету написал А. Яшин?

– Я считаю, что А. Яшин написал правду. Он поступил как честный человек, болеющий за наше общее дело. Тут конкретизирую, привожу примеры и факты из жизни и быта родного мне Сокольского района – они сходные с Вашими.

– Если мы начисто отрицаем всё это, значит, мы боязливо закрываем глаза на вещи, значит, мы вольно или невольно разоружаем себя и скатываемся в противную воду ханжества и лицемерия. А нам надо, вместо этого, встревожиться, всколыхнуться, задуматься о том, как быть дальше. Значит, А. Яшин создал штуку, полную активности, горечи, заботы, и нечего нам прикрываться мелким, наивным, местным патриотизмом и строить из себя оскорблённую добродетель.

– Потом я говорил о письмах «земляков»⁶⁰ – в них масса недобросовестных передержек, наивности, демагогии.

– Потом – о праве художника работать и в критическом направле-

⁶⁰ Имеется в виду публикация клеветнических писем в газете «Красный Север»: «Вы смотрите через тёмные очки, тов. Яшин» – открытое письмо писателю-земляку, перепечатка этого же письма земляков в газ. «Комсомольская правда» от 31 янв. 1963 года под заголовком «Свадьба с дёгтем».

нии, ибо оно, такое направление, по-моему, было, есть и будет в русской литературе, разрешающей большие проблемы своего времени.

– Потом о том, что надо уметь читать книги, а то получаются странные вещи, напоминающие наше трагическое прошлое...

– Потом – о красоте нашей сельской жизни: старая, понятно, исчезает или вовсе исчезла, а новой – нет, и надо что-то предпринимать дельное, а не порочить Яшина, который ратует за новую красоту в полный голос и т.п.

Вот, Александр Яковлевич, примерно, о чём я говорил на той конференции, защищая Ваш очерк. И я убеждён, судя по аплодисментам зала, что большинство сидевших поддерживает Вас и Вашу работу.

Теперь, конечно, число недоброжелателей у меня выросло. В «Красном Севере», как мне передавали, меня называют «крайним правым». Не понятно, почему «правым»? Там лежат мои стихи и рецензия на книжку А. Сухарева «Пульс» – вышла недавно, и теперь, судя по всему, лежать будут долго.

Не подумайте, дорогой Александр Яковлевич, что я в чём-то жалуясь Вам или в чём-то рисуюсь. Вы меня достаточно знаете – я всё это делал и делаю ради убеждения, что Вы правы, иначе я не могу, иначе я перестану уважать сам себя.

Можно бы писать о многом, но главное, что хотелось, я сказал; желаю Вам здоровья, крепости, свежего воздуха! Привет Злате Константиновне.

Хорошо, если б Вы черкнули ответ, как Вы, что в Москве?

О С. Викулове ничего писать не буду, он на конференции не выступал, но мою точку зрения разделяет.

Черкните. Саша.

P.S. Отчёт с конференции пошлю на днях, он ещё не напечатан в местных газетах. Но знаю, что о тех, кто выступал за Вас (трое – студент В. Крюков, учительница Г. Тропина и я, грешный), будет сказано по паре строк...

(Вверху слева пометка А. Яшина: «Ответил 14/II–63 г. (послал 16/II)» – Н.А.)

Ответ Александра Яшина А.А. Романову

14 февраля 1963 года

«Дорогой Александр Александрович!

Крепко обнимаю тебя, жму руку. Спасибо за поддержку. Считаю,

что ты поступил и благородно, и мужественно не только по отношению к моей вещи, а по отношению к жизненной правде и, главное, по отношению к самому себе.

Ржа ест железо, лжа – душу. Человек, проявивший слабость единожды, может на всю жизнь остаться с переломленным хребтом. А для того, чтобы честно и плодотворно работать в литературе и служить народу, надо иметь хорошее здоровье и прямую спину.

Хочу тебе сказать, дорогой друг, чтобы ты не волновался: *всё будет хорошо, всё со временем выправится*. Дело не в одной Вологде, свет на ней клином не сошёл. В Москве «Вол. свадьба» принята очень хорошо. Писем идёт очень много со всех концов – и мне, и в «Новый мир» Твардовскому, и, конечно, – в «Известия», и в «Комсомольскую правду».

«Открытое письмо» и заметка состряпаны очень грубо, по старому, давно осуждённому методу, и всем это сразу стало ясно. Я в контакте с нашим партийным руководством, и с Твардовским, и с рядом других товарищей. Они считают, что нет никаких оснований нервничать и торопить события. Я полагаю, что и люди из Никольска, подписавшие письмо, изменят своё мнение о «Вологодской свадьбе», когда сами прочтут её.

Потребуется ли мой ответ, ещё неизвестно. <...>

Отвечать надо новыми произведениями, Показывал ли тебе Викулов моё письмо, адресованное *вам обоим*?

Он написал мне о том, как проходила конференция в Вологде и что он выступить не смог. Мне не всё ясно с Викуловым. Его, вероятно, надо поддерживать. <...>

Главное, Сашенька, не тревожься за себя, работай больше и впредь так же отличай настоящих людей от кишечнополостных, от тонкокишечных. Передавай, пожалуйста, от меня приветы всем подлинным друзьям и настоящим честным работягам.

Оживление, наступившее в литературе, – процесс необратимый. В нём отражение общего политического курса партии на демократизацию жизни в стране, объявленного ещё XX съездом. Этот курс, естественно, не все проводят с одинаковой последовательностью, а многим он просто не по душе – в этом всё дело. Но литература советская должна стать «совестью народа» и станет ею, иначе она не сможет выполнить своей роли «первой помощницы партии». Кое-кому легче организовывать «письма», чем заниматься настоящей большой работой среди молодёжи, в народе.

А в Вологде, вероятно, ещё обрадовались и возможности взять реванш за статью «Ладно ли?»⁶¹.

Пиши мне, пожалуйста. Будь здоров. Очень тебя люблю!

Александр Яшин

Письмо из Блуднова от А.В. Горчакова

Здравствуйте, Александр Яковлевич, Злата Константиновна и ваши дети!

Решил вам черкнуть несколько строк, так как я получил раньше фото моих дочек, за что благодарим, и теперь получили ваше письмо на односельчан всем. Мы, то есть я и Толя кладовщик, прочитали и все благодарны вашим письмом!

Тут в районе вас начали обсуждать и опровергать за Вологодскую свадьбу.

И мы решили вас как соседи-односельчане поддержать. Собрались у Толи в избе 12 муж. (мужиков – Н.А.). Обсудили, и мы с Толей написали в редакцию газеты Комсомольская правда, и копию вам, и послали с попутчиком прямо в Москву.

Читали мы эту статью много на общем собрании в школе. Читал Борис Васильевич, потом у Толи на дому собирались бабы человек 8-10. Читал Толя, я лично читал своей жене и Анне Ст. дома. И многие носили по домам, и все сказали, что написано верно. На чтение занимало времени часа два-три.

Привет вам от всех, кто вас поддерживал, а кто не хотел поддерживать вас, я потом скажу. До скорого свидания.

9 марта 1963

Горчаков Ал-др Вас.

(На конверте рукой А.Я. написано: «16/III63 г.» – Н.А.)

Письма родственников из Никольского района

Здравствуйте, Саша, Злата, Наташа,
Златочка, Сашенька и Мишенька.

Саша, деньги бабушка получила. Послали посылку, опишите ког-

⁶¹ Статья А. Яшина «Ладно ли?», напечатанная в «Литературной газете», о неотложных и болезненных вопросах сельского хозяйства, чтобы «хоть как-нибудь помочь делу и мужикам нашим».

да получите. Дома бабушка просит ещё описать, что такое делается. Здесь все собирают насчёт свадьбы.

Ездят в Скочково и в Теребаево⁶². Выезжали с Вологды и Москвы, здесь идут такие слухи, но я сам не видал.

В Никольске собирали в клубе всех людей и обсуждали эту свадьбу. В Никольске говорят, что это неверно, а колхозники подтверждают, что это всё действительно и так ведётся в вологодской области.

Бабушка просит обязательно описать, она очень беспокоится⁶³.

Горчаков.

(Сверху листочка из тетради в клеточку, исписанном карандашом, рукой А. Яшина, чернилами помечено: «Получено 17/II 63 г.» – Н.А.)

Дорогая Злата Константиновна!

<...> ...посылаю вам письмо главного бухгалтера колхоза Каменный, Павла Евгеньевича. Я его просила расшевелить колхозников не бояться защитить справедливость, поднятую Александром Яковлевичем. Я думаю, масса может сделать многое, но ведь масса, рабочий класс впереди только на бумаге, а на самом деле никто с этим классом не считается.

Мы читали очерк Александра Яковлевича. Вот удивительно, что бы вологодские представители ни делали, а рабочий класс делает совсем другое. Если они и подняли такую шумиху, то лишь потому, что испугались своей ответственности. Ведь по правилу то их нужно взять за ворот, до чего они там доуправляли, даже слушать больно о жизни Никольских колхозников, да всех вообще. <...> Рая.

(Сверху рукой А. Яшина написано чернилами: «16/III 63 г. Письмо из Череповца». Это письмо от двоюродной сестры А. Яшина Раисы Александровны, дочери Анны Михайловны Сорокиной, урожденной Поповой, тёти и крёстной А. Яшина. К нему прилагается письмо Павла Евгеньевича Сорокина, мужа другой дочери Анны Михайловны – Нины Александровны, тоже двоюродной сестры А. Яшина. Сверху письма рукой А. Яшина написано чернилами: «письма от Павла Сорокина, бухгалтера к/за «Каменный», живущего в деревне Плаксино, но персланное из Череповца» – Н.А.).

⁶² Скочково – деревня, где проходила свадьба, дом невесты. Теребаево – дом жениха.

⁶³ Орфография всех писем родных и земляков А. Яшина сохранена. Мать Яшина была неграмотной, только объясняла, что и о чём написать.

Здравствуйте, дорогие

Анна Михайловна и Раиса Александровна!

Дорогая Рая. Вчера получил твое письмо и очень соболезную тебе по поводу Вологодской свадьбы Александра Яшина. Я по поводу проводившейся в Никольском районе агитации с населением о «неправильных взглядах Яшина» на материальное положение колхозников, ему писал письмо, но пока ответа не получил.

Правильно Рая пишешь, что правды писать нельзя, а Александр Яшин любит писать только правду и поэтому он и подвергается такими гонениями. Но я знаю, его характера не сломить, и считаю, что он стоит на правильной позиции. Его очерк в своё время будет одним из лучших произведений, и его правда восторжествует над ложью и клеветой, которая до сих пор существует. Ведь только подумать, до какой низости дошли уполномоченные, выезжавшие в наш колхоз «Каменный» с проверкой фактов по поводу очерка. В деревне Осиново фотографировали только новые дома с хорошей обстановкой в доме, которую сносили из нескольких домов. Устраивали декорацию из живых цветов, а также переносили радиоприёмник «Муромец» из клуба в эти дома и фотографировали. «Это называется красивая культурная жизнь колхозника». Об этом я писал Яшину. При проводившейся читательской конференции в д. Скочково председатель с/совета хотел в своём выступлении доказать, что Яшин не прав, за то что так пишет про деревню Скочково, то колхозники в один голос прогнали его с трибуны и после этого уже никто не пытался доказывать им о неправильных взглядах на жизнь Яшина. Колхозники дер. Скочково да других деревень писали об этом в «Красный Север», да и Москву, но оказывается, редакция «Красного Севера» на законный запрос колхозников осталась глуха. Так что, Рая, надо понимать жизнь. Теперь любят хвастунов, и им предоставляются страницы газет и журналов, а не любят правды, заключающейся в недостатках. На этом кончаю и думаю, что Яшин, получивши моё письмо, правильно меня поймёт и будет доволен своей работой.

Сегодня день выборов, и я до выборов пишу эти строки, чтобы попутно отправить Вам письмо.

3/III-1963 г.

С уважением Л. Сорокин

Рая! Прочитавши письмо, пошлите его Яшину. Возможно из нашего района письма для Яшина проверяются.

(Подчеркнуто А. Яшиным красными чернилами. На конверте рукой А. Яшина, чернилами: «16/III 63 г. Ответил 23/III 63» – Н.А.)

Письмо писателя Гавриила Троепольского

Дорогой Александр Яковлевич!

Двенадцатая книжка «Нового мира» дошла до меня только сегодня. Кроме твоей «Свадьбы» пока ничего не стал читать в этом номере: не хочу умалять впечатления. Потом дочитаю остальное.

Здорово, ей-богу! Ну, просто нет слов, как здорово. Такое может написать только тот, кто очень любит человека.

Родными запахами повеяло мне от «Свадьбы». Чую я твою большую любовь к своему народу. И слышу правду. Всё у тебя здесь – правда.

Меня, например, редко можно «стронуть» писаниями о селе, но сегодня ты покоришь, захватил со всеми потрохами. И потому кланяюсь тебе до земли. Потому же и не мог не написать этого письма.

Конечно, какие-то недостатки, наверно, есть и в «Свадьбе», но я их не заметил и – вот странно! – не хочется замечать. Впрочем, не заметил, как и прочитал.

Хорошо, Александр Яковлевич! Очень хорошо!

Спасибо большущее.

22/1–63 г.

Г. Троепольский

(Наверху, слева, карандашом помечено А. Яшиным «От Гаврилы Троепольского» и справа чернилами: «25/1 63. ответил АЯ.» – Н.А.)

Письмо поэта, литературоведа, прозаика Александра Александровича Горелова

Дорогой Александр Яковлевич!

Я ещё не поблагодарил Вас за строгую оценку моих стихов, а теперь хочется сказать спасибо Вам ещё и за «Вологодскую свадьбу».

Вы честный и мужественный человек, ибо честность требует мужества.

И, конечно, только такой честный и мужественный человек, как Твардовский, мог напечатать эту повесть о современной деревне.

Мы живём в странное, а вернее сказать, – сказочное время: всюду декларировано как закон жизни, правда вызывает переполох, – чуть только её произнесли вслух! – а проходимец Кочетов получает орден Ленина как народный писатель.

Чего же удивляться нападкам на Вас и Некрасова?..

Увы, Россия народная, Россия «Вологодской свадьбы» и «Матренина двора» идёт в основном мимо литературы.

В этом меньше всего повинны писатели.

Но Вы должны делать своё дело, независимо от того, печатают Вас или не печатают. Рано или поздно, а правда о времени станет критерием оценки того, что пишется сегодня.

Будем же оптимистами хотя бы в этом смысле!

1/III-63 г.

Искренне уважающий Вас. Ал. Горелов

(На конверте рукой Яшина карандашом «4/III 63 г.» и чернилами: «Ответил 22/III 63» – Н.А.)

Письмо поэта, переводчика Якова Акима

Москва, 31 янв. 63 г.

Саша, дорогой!

Вот ведь как всё бывает – вчера вечером встретил тебя в ЦДЛ. Потом, там же, увидел в руках у знакомой «Новый мир» – 12-й, выпросил на день. Пришел домой – прочитал в «Известиях» такую – паскудную, знакомую по тону и содержанию – реплику, не зная, что журнал со «Свадьбой» у меня в кармане.

И вот сегодня прочитал эту твою поэму. Знаешь, я со слезами на глазах это читал и думал, какое счастье, что живут рядом такие люди, как ты, и ещё – эгоистично подумал, что не зря так люблю тебя, не только я, но и многие, многие мои товарищи...

Знаю, уверен, что ты не огорчился из-за идиотской этой заметки, потому что нет для нас больше счастья, чем написать правду и разбудить в других жажду правды. Обнимаю тебя крепко и нежно. Я. Аким.

(Наверху рукой Яшина чернилами: «пришло в Малеевку 3/II 63 г.» – Н.А.)

Фрагмент письма прозаика из Омска Петра Ребрин А. Яшину в ответ на его хвалебное письмо-знакомство-отклик по поводу очерка «Головырино, Головырино...»

P.S.

Я хочу еще поблагодарить Вас за «Вологодскую свадьбу». Вы поймёте, что это совершенно искренне, а не в порядке обмена комплиментами уже только потому, что пишу на отдельной бумажке об этом, а не разложив всё по полочкам в письме. Странно, но между прочим, когда я прочитал, то первым моим душевным порывом было взяться за перо

и написать Вам. Но я был тогда в слишком мрачном настроении (читал я «...свадьбу» с запозданием) из-за «Головырино»⁶⁴, и порыв угас.

Я говорил своим товарищам, что по прочтении у меня осталось впечатление удивительной естественности вещи. Я говорил: сила её в том, что прочтёшь и понимаешь, что всё действительно так.

Ещё раз разрешите позжать Вашу руку.

П.Р.

Мой адрес: Омск. 10. Масленникова 1, кв.109.

Письмо искусствоведа Григория Никоновича Логвина

Киев, 15/XII–1963

Глубокоуважаемый Александр Яковлевич!

Я не знаю всего, что Вами написано, но когда-то прочёл Ваши «Рычаги», а в этом году «Вологодскую свадьбу», они глубоко запали мне в душу. За этими рассказами я увидел большого писателя и симпатичного человека, горячо любящего свой народ.

Дивно хороша Ваша «Вологодская свадьба». Она до слёз меня растрогала. Не помню, когда читал такую благоуханную прозу. Главное в ней – горячая любовь к людям, к простым русским людям. Я как будто с Вами вместе совершил поездку в Вологодские края и побыл среди тех людей, образы которых стоят перед моими глазами. Такова сила и очарование этой вещи.

Я не русский, а украинец, но я люблю язык русского народа и его великую литературу. Поэтому мне и захотелось выразить Вам посылкой своей книжки «Украинское искусство» глубокое к Вам уважение и восхищение Вашим ярким талантом и поблагодарить Вас за то наслаждение, которые вы доставляете людям своими созданиями.

Желаю Вам добра и здоровья искренне.

Г. Логвин.

Логвин Григорий Никонович, Киев, 30, Пироговская 4, кв. 14.

(Наверху рукой А. Яшина: «В папку писем о «Волог. Свадьбе»; «14/1 64 г. Кисловодск»; «Ответил 14/1 – книги пока не видел». На обороте: «Написать ещё по просмотре книги 14/1 64 Кисловодск». Письмо вклеено в книгу «Украинское искусство», на титульном листе кото-

⁶⁴ Пётр Ребрин в это время пережил несправедливую критику за свой талантливый очерк «Головырино, Головырино». Яшин поддержал писателя, написав ему письмо, заканчивая такими словами: «...Молодой вы, наверно? Руку!»

рой есть надпись: «Александр Яковлевичу Яшину с глубоким уважением. Г. Логвин 15 XII. 1963» – Н.А.)

Письма Павла Евгеньевича Сорокина⁶⁵

24/II–63 г.

Здравствуйте, мои дорогие

Александр Яковлевич и Злата Константиновна.

С горячим приветом к Вам Сорокин Павел Евгеньевич. Дорогой Александр Яковлевич! Давно я собирался написать вам письмо, но никак не мог подобрать время. Сегодня воскресенье, выходной день, «Масленица», и от нечего делать решил поделиться с Вами своими мыслями. Я никак не могу переносить ту клевету, которую в нашем районе разыграли вокруг «Вологодской свадьбы». Как видимо, справедливости не любят и тем более не хотят признать свои повседневные плохие стороны жизни. Ведь только подумать, какую интермедию устраивали в нашем колхозе «Каменный». Для того, чтобы показать культурную жизнь колхозников. Производили фотографирование лучших семей, а не рядовых колхозников. А прежде чем сфотографировать, то устроят декорацию из цветов, перенесенных из нескольких домов, а также перенесенного из сельского клуба радиоприёмника «Муромец», а потом фотографируют. Я лично 3 раза читал «Вологодскую свадьбу» и полностью согласен с написанным. Написанное в «Вологодской свадьбе», всё сущая правда. И Вы, Александр Яковлевич, этим не огорчайтесь. Ваше дело восторгается. Теперь несколько слов о нашей жизни в колхозе. Хозяйственный год закончили и провели отчетно-выборное собрание. Председателем колхоза вновь избран Воронин Николай Михайлович, который с 1 марта собирается в отпуск сроком на один месяц и хотит так же, как и прошлый год привернуть в первую очередь к Вам в Москву. Денежный доход в 1962 году получили меньше, чем в 1961 году на 50 тысяч рублей, так как урожай льна был хуже прошлогоднего, но расчет по оплате труда произвели полностью и колхозники работой правления остались довольны. Я всё работаю бухгалтером и наверное придётся также работать в «Каменном», пока будет работать Воронин Н.М. <...>».

(Наверху надпись А. Яшина: «письмо бухгалтера к/за Каменный, в котором проходила “Свадьба”». На конверте надпись А. Яшина: «2/III 63. Ответил 22/III63» – Н.А.)

⁶⁵ Сорокин Павел Евгеньевич – родственник, житель деревни Плаксино, бухгалтер колхоза «Каменный».

27 марта 1963 года

Дорогой Александр Яковлевич!

Получил Ваш ответ на мое письмо. Большое спасибо за ответ. Дорогой Александр Яковлевич! Приезжайте весной пораньше, пока аэродром не будет закрыт, тогда найдём время сходить и на глухариный ток, и порыбачить. Я недавно купил новый невод 35 метров длины, но меня Галина ругает, что мол, на какой чёрт тебе нужны эти снасти. Но я-то знаю, что без них удочкой рыбы не изловишь. Теперь про население Скочкова и Теребаева. Я больше чем уверен, что люди данных деревень говорят Вам большое деревенское спасибо за правду, написанную в «Вологодской свадьбе», и если незадачливые критиканы в районе некоторое время и шумели, то теперь и сами считают, что Яшин прав. В настоящее время никаких разговоров о свадьбе уже нет. Я лично Вас знаю и думаю о Вас только хорошее, ибо Вы стараетесь принести как можно больше пользы народу. На проходившем празднике в гор. Никольске по случаю 125 летия средней школы Вами, как бывшему ученику этой школы, гордится весь преподавательский состав и мы учащиеся этой школы. <...>

27/III-63 г.

П. Сорокин.

(На конверте надпись рукой А. Яшина: «воскр. 31/III 63 – Н.А.»)

Письмо-открытка поэта О.Я. Юценко из Киева

Дорогой Александр Яковлевич!

Большое спасибо за «Вологодскую свадьбу». Истинную радость испытывал при чтении и вспоминал свою украинскую свадьбу в Сумской области. Конечно, женился не я! Будьте здоровы! С уважением. О. Юценко. С Вами мы встречались на съезде в Москве.

(На открытке: «18.III. 1963 Киев. Ответил 22/III 63». На конверте тоже рукой Яшина: «Ответил 22/III 63» – Н.А.)

Письмо Майи Алексеевны Ветровой

27/II-63 г.

Дорогой коллега Александр Яковлевич!

С огромным удовольствием прочла «Вологодскую свадьбу». Очень остроумно, умно, талантливо. А главное – человечно. Желаю

Вам новых успехов и здоровья. М. Ветрова (Ваш собрат, или вернее, со-сестра из секции прозы).

(На конверте рукой Яшина: «3/III 63 г. Позвонил по телефону 22/III 63» и на открытке: «Поблагодарил по телефону 22/III 63» – Н.А.)

Письма Константина Коничева⁶⁶

23/1–63

А.Я. Яшину

Сим письмом на розовой бумаге свидетельствую, что давно не читал столь приятных вещей, как твоя «Вологодская свадьба». Умно! Здорово! Справедливо, честно!.. Не очерк, не рассказ, под заголовком можно было бы поставить в скобках классика и даже без преувеличений. Молодец!

Я поехал в Ялту до конца марта, а посему своевременно и заблаговременно поздравляю тебя с достижением полувекового совершеннoлетия! Хочу, чтоб мой тебе прошлогодний «акафист» был зачитан артистически на твоём юбилейном вечере... <...>

(В конце: «С 1/II до 27/III Ялта, Дом творчества». Сверху письма рукой А. Яшина: «25/1 63» – Н.А.)

27/1

АлекСаша!

Хамствие в Вологде невероятное. Читал ли ты в «Красном Севере» перепечатанную заметку одного студента: «Нет, не прав Яшин». 26/1 63, а ранее она была в «Вологодском комсомольце». Ну и ну, что после этого можно подумать о руководителях печати вологодской???

Мыслители, деятели... Ох, беда-беда... А лучше, и вернее, и честнее, и даровитее твоей свадьбы и т.д. и т.п. я давно не читывал.

Надо полагать, что додумаются и похвалить умные люди.

А первый том твоей прозы откроется именно этим замечательным произведением, достойным широченной огласки. Прими и прочее.

Ялта, Дом творчества с 1/II до 25/III

К. Коничев

(Сверху рукой А.Я.: «30/1 63» – Н.А.)

⁶⁶ Константин Коничев – прозаик, знакомый с Яшиным ещё по Архангельску.

Привет, АлекСаша!

Поздравляю с приближением полувека. Будь спокоен, крепись, трудись и надейся, авось твои благодетельные николячانه-критики научатся понимать и критиковать с позиций, высказанных М. Рыльским в «Л.Г.». Было бы куда умнее и честнее. Я не читал «Комсомольской правды», но А.А. Морозов (ломоносовец) рассказал мне суть корреспонденции.

Но всё проходит, пройдёт и это. Однако такая «организация» не радуется в общей связи... Здесь в Доме творчества нет особенно видных никого. Еврейской части наплевать, что клюют наши «своя своих не познаша». Они шепчут о каких-то ставках гонорара, вот сие их тревожит. А «Вологодская свадьба», какой им даже с помощью Шолома-Алейха (Шолома-Алейхема – Н.А.) не написать, – их ни с какой стороны не волнует. Морозов кланяется тебе, сочувствует очень. Он знает Север. Прочел «Свадьбу», не нашёл никакой в ней крамолы... Но с чего это такая убийственная прыть? <...> Был ли у тебя храбрый белозёр С. Викулов, что он бает о читательской конференции? Какой у неё «настрой»? Как там торжествует Стальмухин⁶⁷ и иже с ним?

Вот так Вологодчина!

Надо, хошь-не хошь застёгиваться на все пуговицы. Есть люди, есть же, а много ли, и кто человек, – придётся смотреть с присталью. Поговорил бы не на бумаге. Как видишь, в наше время бумага не всё терпит.

Желаю тебе крепкого здравия. Без особых треволнений перенести. Сам испытывал, знаю эту «рекламу»! Собраться с новейшими силами, классически потрудиться на радость широкому общественному мнению, да так отлично, чтоб у завистников и ненавистников...

А ну их!..

Поклон Злате Конст. И детворе, меня не знающей. К. Коничев
6/II 63 Ялта.

(Сверху письма рукой Яшина: «8/II 63» – Н.А.)

<...> Из Ялты 25/III <...>.

Посылаю кусочек письма, от череповецких читателей вестку. К.
...«Вологодскую свадьбу» Яшина прочитала и не только. 10 мар-

⁶⁷ Стальмухин – Коничев совместил две фамилии. Сталь – секретарь обкома партии по агитации и пропаганде. Мухин – секретарь РК КПСС Никольского района. Яшин писал: «То, что в Москве выглядит как критика, в районе превращается в шельмование писателя...».

та в городской библиотеке № 1 была читательская конференция на эту тему. А до конференции в вологодских газетах «Красный Север» и «Вологодский комсомолец» был большой разнос этой свадьбы. Там обвиняют автора за «искажение» нашей действительности, что это на руку нашим врагам, ничего не даёт нам.

Ведущая учительница литературы Вера Петровна старалась это и внушить, а сама, видимо, в этом не убеждена.

И вот как начали её крыть, что она не права, что и газеты вологодские не правы.

Кончилось тем, что эта учительница сбежала, а библиотекарьше пришлось кое-как успокоить читателей и выпроводить.

Читатели говорили, что они не намерены соглашаться с тем, что им навязывают вологодские газеты, что сами понимают. И все говорили в защиту Яшина, что так и надо правдиво показывать нашу отсталость, и подтверждали это фактами».

Из письма поэта Николая Рубцова

22 августа 1964 г.

... О Вашей «Вологодской свадьбе», об этом прекрасном литературном явлении, слава Богу, и здесь стали говорить лучше, трезвее. Ведь правда, как пьяные, наговорили тогда, помянуть Гоголя, чёрт знает что! Беда, конечно, в том, что очень уж немногие могут иметь в этом деле действительно толковое мнение!

Из дневника Александра Яшина

2 мая 1966 г. Звонил в Никольск, договорился с Каплиным встретиться в среду 4-го на Югском кордоне, чтобы вместе поехать на охоту. В Никольск будто бы звонила ЗК⁶⁸.

Каплин подписал «письмо земляков» против «Вологодской свадьбы», а потом извинялся передо мной:

– Как я мог, иначе уволили бы меня с работы, ведь у меня нет законченного образования!!!⁶⁹

А вот Сорокин Павел Евгеньевич не подписал.

Воронин тоже нет!

⁶⁸ ЗК – Злата Константиновна, жена А. Яшина.

⁶⁹ В ответ на это извинение Яшин написал посвящённое Каплину дружеское стихотворение: «Вадиму Каплину, медвежатнику».

**Из книги Владимира Личутина
«Душа неизъяснимая» – размышления о русском народе
(М., Современник, 1989, стр. 446)**

Мы стали выпускать из книги живую жизнь. А жизни живой нет, так и языка нет, его и не надо. Дошли до ста шестидесяти слов в поэтическом сборнике. Казалось, уж и просвета нет. Но ведь возврат русского живого языка начался со смысла, с «Вологодской свадьбы» Яшина. О живой жизни нельзя писать мертвым языком». Таково мнение **Виталия Маслова**⁷⁰.

Из писем писателя Фёдора Абрамова

Ну а «Вологодская свадьба» для меня была откровением. Откровением в том смысле, что давно уже у нас никто (и в том числе Вы) не писал так задушевно и любовно (прав Твардовский!) о деревне...

«Вологодская свадьба» – одна из лучших страниц в русской литературе.

Из письма Яшина Абрамову

10/VII–63 г. Бобришный Угор

Дорогой Фёдор Александрович!

Очень был рад Вашему письму. Не знаю, буду ли я здесь в августе, но был бы счастлив встретить Вас у себя в лесу на Бобришном Угоре⁷¹. Предупредите меня телеграммой. Если не отвечу – значит меня нет здесь: либо в бегах, либо вернулся в Москву.

Вероятно, я зря сюда приехал. Статья Твардовского почти ничего не изменила, её мало кто видел из порядочных людей. А всякая сволочь продолжает вести себя по-прежнему. Не знаю, так ли Вы

⁷⁰ Виталий Семёнович Маслов (1935–2001) – русский советский писатель. Член Союза писателей СССР (с 1977 года). Председатель Мурманского отделения Всероссийского фонда культуры и секретарь Мурманской областной организации Союза писателей России. Почётный гражданин Мурманска (с 1996 года).

⁷¹ Фёдор Абрамов вскоре приехал на Бобришный Угор специально познакомиться с Яшиным, почувствовав в нём родную душу, чтобы поддержать друг друга – оба тогда были в опале. Абрамов написал воспоминания об этой поездке.

переживаете «проработочный цикл», а я очень болезненно. И только больше злюсь. Значит, такое «воспитание» цели не достигает.

Здесь (мать и другие) считали, что меня уже посадили, и оплакивали меня, настолько нагло вели себя всякие газетчики и фотографы, приезжавшие сюда за организацией материала и «сбором сведений». Родственников буквально допрашивали. У матери требовали даже сведения (почтовые квитанции) о том, часто ли и сколько я перевожу ей денег и перевожу ли вообще. И это какие-то говнюки, которые раньше не посмели бы зайти ко мне. Значит, им дали волю, хамству развязали руки. И это в литературной среде называется идеологическим наступлением! А районные вожди, которые раньше и мою водку пили, постарались сделать всё, чтобы я больше не захотел сюда съездить. Оказывается, это мне «стыдно показываться в Никольске» (я туда ещё не ездил), а не им стыдно меня.

Изба моя на берегу реки пока не сожжена, но председатель колхоза, получив с меня за неё деньги по соглашению, заканчивать работу не стал. Печь я всё-таки сейчас сложил, взяв человека со стороны, из города, хотя деньги за кладку печи уже уплачены колхозу. То же самое сделал со мной плотник. Я зря давал деньги вперёд (в прошлом году). И так по всем линиям.

Вам со стороны может показаться, что всё это мелочи. А у меня обидное ощущение полной незащитности. Абсолютный произвол, хамство и бесстыжая несправедливость коснулись и меня в полной мере.

В общем, «чепуха какая-то получается, Василий Иванович!». Настроение у меня хреновое. Мне кажется, что Вы сильнее меня. <...>

Ваш Александр Яшин

Евгений Евтушенко

ВОЛОГОДСКИЕ КОЛОКОЛА

Юрию Казакову⁷²

В колокольню-берёзовой Вологде,
отдохнув от охоты слегка,
мы бродили с товарищем вольные, –
как два истинных вольных стрелка.

⁷² Во время посещения Вологды поэт Евгений Евтушенко и замечательный прозаик Юрий Казаков были вместе.

После памятной встречи с правительством⁷³
в шестьдесят вроде третьем году
удивлялись мы жизни провинции,
словно ходикам на ходу.

И вошли мы в музей краеведческий
под урчанье пружинных дверей,
где был полный покой человеческий
из-за множества стольких зверей.

Мы глядели на чудные чучела,
на коллекции древних монет,
и всё то, что в столице нас мучило,
постепенно сходило на нет.

Думал я – может быть, искупаются
изверженья вулканные тем,
что полезные ископаемые
собираются кем-то затем.

Может, было не очень-то вежливо,
только нас на последнем шагу
привлекла одинокая вешалка
в пустовавшем стеклянном шкафу.

И старушка, с вязаньем стоявшая,
пояснила, как только могла:
«Здесь писателя нашего – Яшина –
фронтальная шинелка была.

⁷³ Имеется в виду встреча Хрущёва с интеллигенцией, явившаяся гонением и разгромом писателей и художников, подействовавшая на всех угнетающе. После посещения Вологды, когда писатели увидели, что фронтальная шинель Яшина, которую музей попросил подарить ему как экспонат, который они с честью будут хранить, но выбросили её, так как появились разгромные статьи о «Вологодской свадьбе» и других произведениях Яшина, Евтушенко написал стихотворение «Вологодские колокола» и посвятил его Казакову. «Оно очень нравилось Юре, – сказал поэт. – И я посвящаю его всем писателям, которые, несмотря на подвзанность колокольных языков нашей литературы, всегда учили людей свободе, совести, любви к родине и вере в будущее России».

Сняли нынче-то. Воля господская,
а три пули шинелку – насквозь.
Свадьбу он описал вологодскую,
да начальству, видать, не пришлось».

И как будто в дерьме искупались мы,
не смотрели мы по сторонам,
и полезные ископаемые
стали вдруг отвратительны нам.

В колокольню-берёзовой Вологде,
где кольчугой ржавеет река,
шли со взглядами, в землю вогнанными,
два обманчиво-вольных стрелка.

Мы взбирались на дряхлые звонницы
и глядели, угрюмо куря,
на предмет утешения вольницы –
запылённые колокола.

Они были всё так же опасными.
мы молчали, темны и тяжки,
и толкали неловкими пальцами
их подвязанные языки.

1964

ПИШЕТ СЕЛЬСКИЙ СХОД (очерк А. Яшина)

В годы ранней юности случилось в моей жизни такое, что осталось в памяти навсегда как событие необычайное. Я рвался из деревни на учёбу, а отчим не отпускал меня, потому что в хозяйстве ему нужен был работник. Тогда на мою защиту встал сельский сход. Как сейчас вижу, по стуку берёзовой колотушки собрались мужики на угоре, расселись у деревянной часовни и вынесли моему отчиму приговор: раз ты пришёл в дом, в приёмки, и парень хочет учиться, – учи парня!

Так я попал в районную семилетку.

Мог ли я тогда думать, что через много-много лет такой же примерно сельский сход, в той же самой, в моей, в лесной деревне сно-

ва встанет на мою защиту, но уже не от кого-нибудь, а от чрезмерно торопливой, необоснованной, по их мнению, литературной критики. Могло ли мне прийти в голову, что наступит такое время, когда мои одноклассники, вологодские мужики, вдруг сами, по своей воле, без указания бригадира, без согласия председателя колхоза, а скорее вопреки ему, будут созывать сельские сходы (не назовёшь же колхозным собранием сходку, на которой ни председателя, ни секретаря и никакого другого начальства!) и читать вслух литературные произведения, чтобы пристрастно, по-хозяйски вмешиваться в разговор критики с автором.

А такое случилось в 1963 году. И письмо этого схода, адресованное редакции одной из центральных газет, среди множества читательских писем, касающихся моего рассказа «Вологодская свадьба», поныне является для меня одним из самых дорогих. Оно поразило меня, как что-то совершенно неожиданное, невероятное, и обрадовало: до чего же, значит, изменилась наша деревня и люди её в самой своей сути, если даже литературные дела в стране стали касаться их близко и непосредственно.

Конечно, это письмо одноклассников далеко не из самых грамотных и не самое аргументированное среди множества других, но лучшей защиты от критических передежек и нарочитых искажений я тогда, пожалуй, и желать не мог.

Вот оно – на листочках, вырванных из школьной тетради в клеточку, написанное химическим карандашом, привожу его с сохранением орфографии – мне всё дорого в нём!

«От членов сельхозартели колхоза Родина д. Блудново, Пермасского с/с Никольского р-на, Вологодской области. 15-11-63 г. В редакцию газеты «Комсомольская правда», копия Яшину А. Яков.

Уважаемая редакция!

В феврале текущего года Никольский район Вол. Обл. получил журнал «Новый мир» за 1962 год, № 12, в котором была написана статья писателя нашего земляка и односельчанина А-лдра ЯШИНА «Вологодская свадьба».

В том числе пришёл журнал и в Пермасский с/совет. Мы как земляки Яшина прочитали всю статью дословно. Мы считаем что выдержки и записки Вол. Свадьбы справедливы поскольку эта свадьба была в его родне у его тётки на Скочкове, на которой он присутствовал сам.

В записках Яшина было упомянуто что в деревне Скочково не было кино больше года. Оно так и есть. И у Яшина на родине в дер.

Блудново где он вырос за 62-й год было всего показано зрителям 2 кино в году. Первое кино было показано в апреле – а последнее в декабре. Вот уже 2-ой месяц проживаем в 1963 году а кино так же не кажут колхозникам, смотреть кино до сих пор возможности не имеем.

Когда станешь почаще требовать от колхозного руководства кино, они всю вину ложат на Райотдел культуры а район мотивирует тем – что у них не в достатке работников. Так – кто же повинен в этом деле?

До сего времени не имеем лампочки Ильича сидим с керосиновыми лампами наполовину даже без стёкол, поскольку их в магазине бывает редко как – какая-то случайность.

Свадьба в которой избе происходила и где был Яшин правда происходила по старому обычаю как это было написано в опровержении газеты Красный север № 22 от 26/1-63 г.

Студент Берсенева пишет – что не прав Яшин. А мы считаем что прав Яшин. Жизнь колхозников нашего района материально недостаточно обеспечена.

Было написано Яшиным правильно что колхозники косят по льду, да, у нас это не новое. Косили и косят только потому – что не обеспечивают сеном личную корову колхозника по трудодням.

Из-за неимения уборочной техники до сих пор косим вручную. Техники у нас такой нету и на сегодняшний день.

Теперь во всем лапти повинны, как это пишет – студент Берсенева и тут он не прав. Да, они были у нас и есть поныне. Ходят и теперь ни мало, даже сама мать писателя не против надеть в дальнюю дорогу за грибами, ягодами и т.д.

Правильно, что действительно живём в таком глухоманьи. От железной дороги до Никольска расстояние 150 км. а летом не проедешь на автомашине без трактора.

Записки Яшина Вол. Свадьба, действительно – так оно и есть, как оно и происходит.

Уважаемая редакция!

Просим наше коллективное письмо опубликовать в вашей газете. За ошибки просим извинить.

Журнал читался на собрании, присутствовало на котором 57 человек».

Далее идут подписи: Горчаковы, Поповы, Мишенёвы, Меньшиковы (фамилии-то какие знаменитые на моей родине), Колтаковы, Коноплёвы, Чербунин...

Пять с лишним лет прошло с тех пор, многое изменилось в нашей жизни и в жизни людей деревни, многое из того, на что жаловались

тогда мои земляки, ныне сошло на нет. Правда, на карликовых лесных ложках по-прежнему затруднено использование сенокосной техники, не легко также по нашим дорогам и с доставкой ламповых стёкол и всякого иного стекла. Но с этим пока ничего не поделаешь!..

Совсем изменились и условия нашей литературной жизни. Недавно в журнале «Журналист» (№ 6 с. г.) было рассказано о том, как в 1963 году организовывались на Вологодчине т. н. «открытые письма» против рассказа «Вологодская свадьба». Поэтому я оставляю в стороне всё преходящее и все свои личные горести и обиды. В душе моей по-прежнему живо первое впечатление от письма настоящих моих земляков – удивление и восхищение ими. Я стараюсь осмыслить совершившиеся перемены в характере моих односельчан.

Где, когда это видано, чтобы русские крестьяне, вологодские мужики, сами, без подсказки со стороны, на своем крестьянском сходе вмешивались в литературные дела страны – строго и по-хозяйски заинтересованно? Разве это не сама революция? Разве в этой особенности нашего читателя не сказываются те самые коммунистические черты советского человека, которые воспитывает в нём партия в течение уже полувека. Разве не о таком читателе мечтал Николай Алексеевич Некрасов: «Эх! Эх! Придёт ли времечко...»?

Только представьте себе обстановку той поры, 1963 года: живы ещё показуха и бахвальство, администрирование и волюнтаризм, в прессе резко осуждается только что появившееся новое произведение о северной деревне (а в «Правде» ещё не было опубликовано интервью главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского, в котором он сказал добрые слова и об этом произведении), а сельские читатели на своём сходе самостоятельно и раньше всех прочих уже берут под защиту это охаянное сочинение писателя-земляка.

«Вологодскую свадьбу» я писал, конечно, с любовью к своим людям, с желанием всяческого добра им. Искажения и передержки в «открытых письмах» были слишком заметны для всех. Ведь даже разговор о лаптях был сплошным измышлением: я вовсе не пропагандировал лапти, хотя, вообще-то говоря, ничего плохого в этой лёгкой и удобной летней сенокосной обуви нет, если не считать, что их объявили символом старой дореволюционной деревни, как нет ничего плохого и в старинных берестяных туесках, и в пестерях, и в кованых сундучках, и в поддужных колокольчиках, и в кружевах, и в великостюгской черни по серебру... Я писал, думая о правде, и за эту же правду вступились мои земляки – смело, по-государственному, по-партийному.

В дни, когда приезжавшие в Осиновский колхоз газетные фоторепортёры устраивали в домах колхозников постыдные спектакли, собирали в одну избу цветы со всей деревни и таскали из дома в дом один и тот же конторский радиоприёмник «Муромец», только бы дать хорошие кадры, – в эти дни сами колхозники с болью и гневом ополчились на явное очковтирательство, по существу, осмелились возражать самой центральной прессе, авторитет которой для них всегда был непререкаем.

Вот каким стал наш читатель! Можно ли не гордиться таким читателем?! Конечно, трудно писать и не печататься, и один Бог знает, чего порой стоят нам не в меру ретивые проработки тех или иных произведений, но родственное общение с таким читателем, ощущение его локтя нередко может заменить писателю многое.

Совсем недавно я снова побывал в родных местах. Да, огромные перемены в жизни деревни произошли за это время. Честно говорю, лучше пошли дела в колхозах, заметно лучше стали жить мои товарищи, мои герои. Деревни заставлены свежими сосновыми срубамы – строятся новые дома, обновляются старые. Колхозники уже ворчат, когда в деревенской лавке почему-либо не оказывается белого хлеба, – а раньше, даже на моей памяти, белые пироги пекли только к большим престольным праздникам да на свадьбы. Хороший уродился ленок в нынешнем году, да и хлеба своего понаросло немало. О груздях и ягодах и говорить нечего...

Не по дням, а по часам растут семьи, в любой деревне полно ребятшек. В самые глухие уголки района пробираются по вызовам санитарные машины с врачами либо с сёстрами. Опять появились в деревне охотничьи собаки... Появилось наконец радио и в Блуднове.

Но остались в силе и некоторые из старых претензий колхозников, тем более что количество претензий этих с годами тоже увеличивается. Вот, например, клубы понастроили почти в каждой деревне, особенно в связи с той памятной мне шумихой, а настоящей работы в них, как правило, всё ещё нет, и опять по году «кино не жгут...». И электричества на моей родине пока нет. Хотя еще в 1964 году директор Всесоюзного научно-исследовательского института Энергосетьпроект заверял меня лично, что в четвертом квартале 1965 года будет дан ток от государственной энергосети для всего Никольского района. Что ж, не всякие обещания выполняются в срок...

А всё-таки столбы уже установлены, нынешним летом и провода навешены, и лампочки уже ввёрнуты в патроны. Надо думать, что к

концу этого года в блудновском и липовском клубах новые сочинения советских писателей будут обсуждаться уже при электрическом освещении.

Верю в это!

Октябрь 1967

Александр Яшин

«Надо быть тысячелетним...»

(из выступления писателя Виктора Лихоносова)

И сейчас, когда так тяжело жить в нашем русском литературном мире, я всё время думаю, как обидно, что нет Александра Яшина, Владимира Солоухина, Евгения Носова, Фёдора Абрамова, Дмитрия Балашова и Николая Рубцова... Нет многих писателей, которые могли ещё жить и которые так нужны нам сейчас. И нам, литературным деятелям, и читателям, и России в целом.

Трагедия в том, что писателей хороших много, а русских писателей осталось очень мало. Ведь мало быть просто русским от роду, таких писателей тьма, надо быть сокровенным для родной земли человеком, надо быть тысячелетним, надо идти оттуда, от самого Владимира Мономаха... Мне говорят: ну что ты там утонул в этой старине? А я отвечаю: я более современен, чем вы. Эта старина есть то, что нашу жизнь составляет. Заблудившийся писатель, так и не дошедший до своих корней, – это непременно писатель несчастный и не до конца раскрывшийся. Раскрыться до конца можно только став глубоко русским писателем, писателем тысячелетия, чувствующим, что всё равно ты – оттуда, издалека. Вот в том-то и дело.

УГОЩАЮ РЯБИНОЙ

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
Марина Цветаева

Весной в Подмоскowie, пряча лыжи на чердак, я заметил развешенные по стропилам кисти рябины, которую осенью сам собирал, сам нанизывал на веревки, а вот забыл о ней и, если бы не лыжи, не вспомнил бы.

В давнее время на моей родине рябину заготавливали к зиме как еду, наравне с брусникой, и клюквой, и грибами. Пользовались ею и как средством от угара, от головной боли.

Помню, вымораживали мы тараканов в избе, открыли дверь и все окна, расперев их створки лучиной, а сами переселились к соседям. За зиму таким способом избавлялись от тараканов почти в каждом доме. В лютый мороз пройдёт несколько дней – и ни одного прусака в щелях не остаётся. Вернулись мы в свою избу через неделю, мать принялась калить печь, да закрыла трубу слишком рано, не рассчитала, и к вечеру мы все валялись на сыром полу, как тараканы. Не знаю, что с нами было бы, если бы не мороженная рябина. Странно, может быть, но сейчас вспоминать об этом мне только приятно.

В Подмоскowie я собирал рябину больше из любви к этим своим воспоминаниям о детстве да еще потому, что в прошедшем году уродилось её на редкость много, и жалко было смотреть, как сочные красивые ягоды расклевывают дрозды.

На тёмном чердаке под самой крышей связки рябины висели, словно берёзовые веники. Листья на гроздьях посохли, пожухли и свернулись, и сами ягоды, перемерзшие за зиму, тоже чуть сморщились, вроде изюма, зато были вкусны. Свежая рябина – та и горьковата, и чересчур кисла, есть её трудно, так же как раннюю клюкву. Но и клюква, и рябина, прихваченные морозом, приобретают ни с чем не сравнимые качества: и от горечи что-то осталось, а всё-таки сладко и, главное, никакой оскомины во рту.

Цвет рябиновых ягод тоже за зиму изменился, он стал мягче и богаче по тону: от коричневого, почти орехового, до янтарного и ярко-жёлтого, как цвет лимона. Впрочем, почему это нужно сравнивать рябину с лимоном, а лимон с рябиной?

Попробовав ягоды тут же на чердаке, я первым делом обрадовался, что опять смогу как-то побаловать своих детей и лишний раз доказать им, что деревенское детство не только не хуже, а во многих отношениях даже лучше детства городского.

Не знаю, как это передать, объяснить, но всю жизнь я испытываю горечь оттого, что между мною и моими детьми существует пропасть.

Нет, дело не в возрасте. Дело в том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские, и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них – любимая родина. И ещё дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, – а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется. Меня касается всё, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые ещё плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога.

Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не всё равно, чем засеют её в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом.

В недавние годы бригадиры разыскивали в лесах и на заполосках жалкие стожки сена, по охалке собранные колхозниками в нерабочее время для своих коров, и либо вывозили их на колхозные гумна, либо сжигали на месте, чтобы не доставалось добро ни скоту, ни Богу. В озноб кидало людей у таких жарких костров. Неужели подобное может встречаться ещё и поныне?

Не могу я не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или всё ещё они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же наконец будет поступать

запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого.

А еще: сколько талантливых ребятишек растёт сейчас в моей деревне и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь и кем они станут?..

По утрам я будто слышу, как скрипят колодезные журавли на моей неширокой улице и холодная прозрачная вода из деревянной бадьи со звоном льётся в оцинкованные вёдра. Скрипят ли журавли теперь? Уцелел ли тот колодец вблизи нашей избы, из которого я сам много лет носил воду на коромысле?

Что до всего этого моим сыновьям и дочерям? Во всяком случае, они не крестьянские дети и потому не чувствуют, как мне кажется, и не понимают моего детства. Разные мы люди, из разного теста сделаны и, должно быть, по-разному смотрим на мир, на землю, на небо.

Но, может быть, я не прав, попробуй разберись в этом.

Ревность и обида мучают меня, когда между нами опускается вдруг некий занавес и мои многознающие отпрыски вдруг начинают даже бунтовать, подтрунивать надо мною из-за того, что меня каждое лето тянет не в тёплые края, не к синему морю, а всё в мои северные дебри, к комарам да мошкам. Они же комаров и мошек терпеть не могут. Да и то сказать, не каждый человек способен свыкнуться с этой нечистью на земле.

Запах скотного двора, унавоженных полей и соломы меня бодрит, я вспоминаю о свежее испечённом хлебе, а для моих детей запах навоза только вонь, и ничего больше.

У художника Серова есть замечательная картина «Волы» – у старого Серова, не у нынешнего. Вряд ли мои дети чувствуют всю прелесть этого серовского шедевра. Даже когда сыновья мои попадают в деревню, их привлекает больше трактор, а не живая лошадь, совершеннейшее из созданий природы. С машиной управляться легче, чем с живым существом_

Правда, и деревенские ребятишки теперь охотнее играют не в лошадки, а в трактор, в автомобиль, как во время войны

играли в войну. И может быть, мои страхи преувеличены. Но всё-таки мне почему-то жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские, меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души.

Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в её трудах и преображениях делают человека проще, мягче и добрее. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека.

В общем, жаль мне своих детей, но я люблю их и потому не упускаю случая постоять перед ними за свою сельскую родословную, за своих отчичей и дедичей.

И сейчас, обнаружив забытую на чердаке рябину и вспомнив, с каким наслаждением мы в детстве ели её, мороженую, я опять решил про себя: вот угощу – и почувствуют мои птенцы, что значит настоящая природа, настоящая Россия, и мы больше будем понимать друг друга.

Кстати, и цветёт-то рябина удивительно красиво, пышно и тоже гроздьями. Каждое соцветие – целый букет. Но весной разных цветов так много, что эти белые кремовые гроздья на деревьях как-то не бросаются в глаза. К тому же весной детям моим не до цветов, не до красот природы, не до поездки в деревню. Школьные перегрузки, часто нелепые, не оставляют времени у них и у преподавателей, чтобы интересоваться живой землёй. Да и осенью, когда на полосах поспевают горох, на грядках овощи, а в лесах грибы, брусника, княжая ягода, они, дети, должны быть в городе, за партами, и если что видят, то лишь на торговых лотках.

А всё-таки...

Но прежде чем встретиться со своей семьей, я со связкой рябины на верёвке появился в кругу товарищей по работе. Всегда приятно чем-нибудь одаривать людей, и потому я особенно обрадовался, когда рябина моя взволновала моих знакомых.

Один из них, ширококостный, шумный, автор колхозных романов, первый шагнул мне навстречу, сказал «ого!», взял связку из моих рук, чтобы сначала ощутить её тяжесть, покачал вверх-вниз и, как знаток, понюхал.

– Ого! – повторил он. – Вот это да! Рябина! Можно?

Он отщипнул одну ягодку, затем другую, взял на язык, по-мокал, разжевал.

– Неужель с родины?

– Нет, здешняя, подмосковная.

– Ты смотри! Сколько ни обламывают, а всё жива... Вот что значит русская рябина!

И он стал осторожно перебирать сухие, плотно слежавшиеся бурые и серые листья и открывать, как бы развёртывать гроздья янтарных и красных ягод.

– Да, северный виноград! Витамины! – причмокивал он. – У нас раньше под каждым окном в деревне два или три дерева обязательно росли. Были одноствольные, а то – кустом, от корня в четыре-пять стволов. Весной аромат по всей избе. Что за дом без своего садика под окнами! Мало под окнами, у нас даже за двором, на участке, где-нибудь около гумна отводили уголок для деревьев. Черемуху на участке обычно не сажали, от нее заразы много, на сладкое, как известно, всякая пакость лезет. А рябину сажали частенько. Наверно, ведь и в ваших местах палисаднички были? Всё помнишь?

– Как не помнить! Любили и мы по черёмухам да по рябинам лазить, хлебом не корми.

– Вот, вот, – обрадовался он, – хлебом не корми! А наши дети растут! Даже по крышам не лазят. Что за детство! Лошадей да коров только на картинках видят. Один рвётся к бильярду, хлебом не корми, другой мечтает за руль сесть. И развязные какие-то... Мой младший на днях встретил старика Чуковского, Корнея Ивановича, живого Чуковского! – и спрашивает: «Как жизнь?» Вроде по плечу похлопал. А потом заглянул к нему в открытый гараж и говорит: «Я не знал, что у вас ЗИМ!» Корней Иванович, конечно, расхохотался. Расхохочешься!

«Ну, к моим детям это не относится, – с удовлетворением подумал я. – Мои не такие, и, может, потому, что у меня их много и не так им просто и легко живётся».

А он продолжал:

– Между прочим, у нас раньше пироги пекли с черёмуховыми ягодами. Зубы у всех были крепкие, ешь – хруст стоит. А из

рябины не помню, что делали... Спелые кисти её раскладывали на зиму промеж оконных рам, это уже для красоты. На белых листочках из школьных тетрадей – красные крапинки... И на рушниках вышивали рябину – хорошо!..

Воспоминаний сельского романиста, его красноречия уже невозможно было остановить. Я слушал и ждал: вспомнит ли об угаре?.. Вспомнил!

– Знаешь ли, что в деревнях рябина спасает людей от угара? Зимой печи топят жарко, поторопится баба закрыть трубу, чтобы тепло сберечь, – и все в лежку лежат. Ну, принесут этакую вот связку с потолка и жрут. От наших морозов тараканы валятся, а рябина становится только слаще. Как говорится, что русскому здорово – то... и так далее. Что ты скажешь, проходит угар, голова не трещит. К чему все эти пирамидоны, анальгины, тройчатки? То ли дело натуральная целебная сила! – И он, шумный, так захохотал, что можно было подумать, не смеется, а кричит на кого-то. – Твоя ягодка уже оттаяла, а все ещё вкусна. Я возьму веточку с собой?

– Бери, пожалуйста, не одну.

Он взял и снова начал настраиваться на воспоминания:

– Да, вот ведь как, рябина... А всё-таки, что мы такое из рябины делали?..

– Настоячку, настоячку из рябины делали, вот что! Как же забыть такое? – заинтересованно вклинился в разговор другой мой знакомый и тоже с удовольствием стал сощипывать ягоду за ягодой.

А третий неожиданно спросил:

– Что это?

– Рябина, конечно.

– Да? Рябина? – удивился он. – «Что стоишь, качаясь?» Откуда она у вас?

– Осенью красовалась под окном, а зимой висела на чердаке.

– Это интересно, расскажите, расскажите!

Ещё не разобравшись толком, действительно ли ему это интересно, я стал рассказывать. Но что, собственно, было рассказывать? Чего такого он мог не знать про рябину?

– Пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует?

– Как что интересуется? Прежде всего – дикая рябина или садовая?

– Была дикая, сейчас растёт на участке. Принес из лесу несколько тоненьких, задавленных кустиков, пересадил под окна, на свободе они принялись, похорошели. Пока за рябиной ухаживаешь, заботишься о ней – она не дикая, и ягода крупнеет, добреет, а перестань заботиться – одичает рябина, запаршивеет, и ягода станет мелкой, горькой, чуть ли не ядовитой.

Любознательный друг мой засиял от догадки:

– Происходит, собственно, то же, что и с людьми?

– Собственно, то же, – подтвердил я. – Вот уже вторую осень от дроздов на моей рябине отбою не было.

– Очень интересно! И дрозды, значит, рябину любят?

– Как же, любят! Есть дрозд, которого так и зовут: рябинник. Тут первый знакомый снова включился в разговор.

– А ты не замечал, – обратился он ко мне, – когда на рябину урожайный год, дрозды, что ты скажешь, зимовать остаются? Не замечал?

– Замечал, – ответил я.

– Конечно, не все, а которые посмелее, самые отчаянные, так сказать.

– И не одни дрозды, наверно. Кстати, в этом году так и случилось: большие стаи птиц в наших перелесках остались на зимовку, уразумели, что от добра добра не ищут.

– Очень интересно, – заговорил опять городской книголюб. – Вот ведь какое дело! И как же вы её приготовили, рябину?

– Что её готовить? Обломал гроздь с дерева, прямо с листьями, как видите, взял верёвку, привязал к её концу палочку-выручалочку и нанизал гроздь на верёвку. Вот и вся работа.

– Удивительно интересно! А что потом?

Я начал улыбаться забавной обстоятельности его вопросов. Но вправе ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого свой круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково важный и нужный, чтобы и он смотрел на мою рябину так же, как я на неё смотрю? Не было у меня такого права. Значит, неуместна была и моя ирония. Дру-

гое дело – если бы дети мои так же интересовались всем, что касается моего детства!

– Что потом, говорите? А попробуйте! – И я с готовностью протянул ему раскачивающуюся цветастую гирлянду.

– И что же, ягоды замерзли зимой? – продолжал допрашивать меня горожанин.

– Ледышками стали. Да вы отведайте, не бойтесь!

– А вкус их изменился от этого? Кислые они или какие?..

Один раз он даже тронул листья, пошуршал ими, но так и не решился взять в рот ни единой рябиновой ягодки. Что же, выходит, я должен жалеть и его? Хватит ли у меня жалости на всех?

– Ах, что за прелесть, что за прелесть! – восторженно заахала вдруг накрашенная немолодая дама, печатавшая в газетах очерки на морально-бытовые темы. – Это же диво дивное, чудо чудное! И как па-ахнет! Можно я понюхаю?

– Может быть, хотите и попробовать?

– С удовольствием! И вы не пожалеете?

Она быстро клюнула ягодку, съела её, сморщилась и заахала еще энергичней.

Я снял сверху несколько кистей, протянул ей.

– Ах, что вы, ах, зачем вы! – обрадовалась она. – Разъединять такую прелесть, такое творение природы! Как можно! – Но гроздь рябины приняла. Приняла бережно, из рук в руки, как если бы это был сигнальный экземпляр её новой книжки. Затем вынесла из своей комнаты огромный оранжевый апельсин и не отступилась, пока я не согласился взять его взамен рябины.

– За добро надо платить добром! – многозначительно сказала она.

А рябиновые кисти тут же опустила в стакан с водой – «Вот так!» – и не переставала ахать от восторга и удовлетворения:

– Какой букет, ах! Он у меня будет стоять на письменном столе. Это же сама Россия!

Сама Россия!.. Я вспомнил о Бобришном Угоре на моей родине. Осенью, когда похолодает, и по утрам река светла до дна, и лесные опушки просвечивают насквозь, когда на мокрой от росы траве посверкивает паутина, а в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток, – вдруг из всех перелесков вы-

двигаются на передний план нарядные, увешанные гроздьями рябины: вот они мы, не проглядите, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглаживает, и ерошит сверху донизу, и птицы на каждой ветке жируют, перелетая, как из гостей в гости, с одной золотой вершины на другую, а они стоят себе, чуть покачиваясь, и любят себя сами собой...

Хлынет дождь – и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей, капелька за капелькой, ягоды красные и капли красные; где висела одна ягода – сейчас их две, и обе живе. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу...

Всё, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и неожиданно для себя, как после долгой отлучки, и словно бы уже не глазами, а каким-то внутренним, духовным зрением увидишь всю эту красоту в удивительно чистом, завораживающем сиянии. Увидишь, как в первый раз, всё заново, и радуешься за себя, что увидел. Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя. Вот она какая, наша рябина!

Недаром же, истосковавшись по родине, русская поэтесса, сколь ни уверяла себя и других, будто её уже ничто не может обольстить, что ей «всё–равно и всё – едино», всё безразлично, под конец стихотворения признавалась:

Но если по дороге куст
Встаёт, особенно – рябина...

Дальний мой родственник, химик Аркадий Павлович Ростковский, которого судьба забросила на всю жизнь в знойный, раньше далёкий от России Ташкент, влюблён был в экзотику Востока, во все эти древние мозаичные медресе, и лепные мечети, и караван-сарай, даже чай пил только из пиалы, а всё-таки настойчиво, до конца дней своих пытался заставить расти у себя под окном простую русскую рябину. Правда, не удалось это ему...

Конечно, и рябина может примелькаться. Однажды ко мне на Бобришный Угор, в мою охотничью избу, приехал осенью друг из Ленинграда. Я не знал, чем порадовать его, а он глянул поутру из окна и, как заговорщик, шепнул мне:

– Под окном-то у вас красавица стоит, не видите?

Я с перепугу принял его слова всерьёз, бросился к окну и ахнул: под окном действительно стояла настоящая красавица. Рябина! Как же я раньше её не заметил?

Сама Россия!.. Вспомнил я и о цветочных горшках на окнах городских квартир, о маленьких жалких клумбочках во дворах многоэтажных зданий, а то прямо у лестниц, справа и слева от входных дверей, о клумбочках, выхаживаемых кропотливо и бережно горожанами. Все они, сознавая или не сознавая, тоскуют по настоящей природе. Горшки и клумбы – разве это природа?

– Позвольте-ка причаститься и мне! – протиснулся к рябине сквозь толпу пожилой грузный литератор с седыми усами, в коричневом шерстяном свитере, в черной академической шапочке на голом черепе. – Редко я сейчас её вижу, а в юности, бывало, мы носили её с реки целыми корзинами, пестерями. А то затынем пояса потуже и набьем под рубахи вокруг себя, прямо к голому телу, сколько могло уместиться. С реки отправляемся толстые, как бочки, а по дороге едим да в дудочки постреливаем, и чем ближе к дому, тем тоньше становимся. Как это точно сказать: *тончаем, тонеем, утончаемся?* – (Начались муки слова!) – Нет, *утончаемся* сказать нельзя, смысл другой... Самая бесподобная рябина, конечно, мороженная. Кстати, от угара хорошо помогает...

И он стал вспоминать о том самом, о чём мы уже переговорили. Мы не перебивали его.

– Человек не может не тянуться к природе, он сам её творение, – сказал он наконец.

– Зачем же дело стало? – спросили его не без упрёка сразу в несколько голосов. – Ехали бы в деревню, жили бы на подножном корму, примеров не мало.

– Э, молодые люди! Вы, кажется, злитесь? А рассуждали, наверное, о союзе с природой, о том, что она смягчает нравы? Дело простое: сначала нужен был институт, затем потребовались издательства, журналы... Затем городская жена появилась. Сейчас, к сожалению, я уже не могу спать на сеновале и носить воду из колодца. Вот в будущем, на которое мы сейчас работаем, должна наступить гармония между городом и лесом. Зеленоград! Для

меня это звучит, как, наверное, для первых русских революционеров звучало слово «социализм»...

По-разному относились знакомые к моему угощению и разными глазами на него смотрели.

Какая-то девушка воткнула рябиновую кисть себе в причёску и тотчас побежала к зеркалу: в черных волосах ее заблестели почти настоящие рубины. Потом она попросила еще две-три кисти ягод, чтобы сделать из них бусы.

– Я каждую ягодку лаком покрою, – объяснила она.

Молодой поэт сказал:

– Сколько песен сложено о рябине, а еще хочется. Ветку рябины надо бы вписать в наш герб...

Случись художник, и он, вероятно, сказал бы нечто подобное:

– Сколько картин написано, а еще одной не хватает. Моей! Странно, что в лепных орнаментах у наших архитекторов много винограда и нет рябины...

А гардеробщица Поля подошла к делу чисто практически:

– Я вот заморю эту веточку по-нашему, по-рязанскому, да чаёк заварю, побалуюсь, молодое житьё вспомню. Раньше у нас девки рябиной милых привораживали. Помогало. Я уж отворожила...

Ягод у меня было много, я не боялся, что их не хватит для моих детей, только неотступно думал о том, как они примут их, понравится ли им моя северная, моя деревенская снедь.

Но больше всех поразил меня последний из подошедших. Он просто по-дружески сказал мне:

– Слушай, Сашка, продай мне всё это!

– Как это продай? – растерялся я.

– Ну так, все эти «витамины». А не хочешь продать – отдай так, я тебе тоже подкину какой-нибудь сувенирчик. – И он стал рыться в своих многочисленных широких карманах, небрежно раздёргивая серебристые змейки-«молнии».

Нужна ему моя рябина! Но я всё-таки дал веточку и ему. При этом мне очень хотелось сказать: «Поешь, может, на пользу пойдёт!»

Но я ничего не сказал.

После разговора с ним я быстро покинул дом, где жили и тво-
рили мои товарищи.

А дети мои взялись за рябину сначала недоверчиво, морщась
и вздрагивая так же, как осенью, когда ели упругие и сочные
ягоды прямо с дерева. Но скоро они набросились на рябину
азартно, съели её всю с удовольствием и всё упрекали меня за
то, что я не угощал их такой вкуснотой раньше.

– Это же совсем разные вещи! – говорила мне старшая дочь. –
Неужели ты не понимаешь? Это разные рябины.

Вот оно как, я же и виноват оказался. Ладно, кушайте, раз по
душе пришлось! И пусть она спасает и вас от любого угара, наша
рябина.

А под конец, когда все успокоились, я услышал один довери-
тельный и добрый голос:

– Папа, разве там, на твоей родине, много такой рябины? Мо-
жет быть, осенью съездим, наберем, а? Той, вашей! Только ведь
осенью опять в школу надо...

Март 1965 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАССКАЗУ «УГОЩАЮ РЯБИНОЙ»

«Дорогой Александр Яковлевич! Мы с вами не знакомы, но не
могу удержаться не написать Вам, как восхитил меня Ваш рассказ
«Угощаю рябиной». Не знаю, рассказ ли это, но нечто столь поэтич-
ное, своеобразное, душевное, милое, что я, прочитав раз, принялась
читать снова. И снова хорошо, поэтично, прелестно!

Талант всегда открывает небывалое. Кажется, что тут особого –
рябина?!

А вот подите!

Всего Вам доброго!

Мария Прилежаева

17 июля 1965 г.

Русские писатели об Александре Яшине

Впервые напечатав в 1987 году замечательную повесть Александра Яшина «Слуга народа⁷⁴», через тридцать лет после её создания, главный редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев написал добрые слова в своём вступлении к ней о Яшине, рассказывая, как «автор «Рычагов» принимал на себя удар за ударом вдохновляемой свыше критики. И как его рассказы, отвергаемые всеми «толстыми» журналами, решился издать только журнал «Москва». Вслух Михаил Николаевич добавил: «Удивительный человек!»

... Чем же он удивителен, этот человек?.. Прочтём некоторые отзывы об Александре Яшине – краткие – в автографах, в посвящениях, выдержках из писем, в надписях на подаренных книгах:

«Александр Яковлевичу Яшину. Поэту земли Русской с любовью к его стихам. *Вл. Солоухин*».

«Дорогому Александру Яшину – поэту, человеку, бойцу с ощущением плеча. *Вл. Солоухин*».

«Золотой Злате Константиновне⁷⁵ и Александру Яковлевичу Яшиным с любовью на память, а деткам их на радость и науку. *Михаил Пришвин. 1951 г.*»

«Александру Яшину
Свет из сердца нашего. Аминь.

А. Прокофьев».

«Александру Яшину.
Дарю, дарую, подношу,
Мечтаю, думаю, пишу:
Пусть будет жизнь украшена
Стихами Александра Яшина.
Иван Молчанов. 1935 г.»

⁷⁴ В журнале эта повесть издана под названием «В гостях у сына».

⁷⁵ Злата Константиновна – жена писателя

«Дорогому Александру Яшину с верой, надеждой и любовью.
Илья Сельвинский».

«Александру Яшину – поэту Земли Северной с любовью.
Иван Бауков».

«Дорогому Александру Яковлевичу – с большой благодарностью за помощь “в те баснословные года”, когда я писал свои первые вирши. *Н. Старшинов*».

«Александру Яковлевичу Яшину – самому дорогому человеку, столь много сделавшему для меня, восхищённый щедрой душой его, благодарный автор. *С. Викулов*».

«Как писателя я люблю Вас давно, и очень рад, что Вы оказались человеком, достойным самого восторженного уважения. Александру Яшину от *Николая Воронова*».

«Дорогому Александру Яковлевичу Яшину, принявшему столь заинтересованное и тёплое участие в моей литературной судьбе, равно как и в судьбе других писателей-вологжан. С самыми добрыми чувствами *Валерий Дементьев*».

«Александру Яшину с завистью к его “Совести” с чистыми чувствами дарю эту книгу... *М. Львов*».

«Александру Яшину – прекрасному поэту, идущему от вологодских лесных корней в языке в поступи стиха. Дружески. *Виктор Боков*»

«Александру Яковлевичу Яшину – поэту совести и мужества. На дружбу. *Виктор Боков*».

«Дорогому моему другу Александру Яшину, с которым нас сдружили дороги Румынии и проселки России! С нежным чувством любви. *Виктор Боков*».

«Дорогому Александру Яковлевичу Яшину с благодарностью за его отличную “Сироту”. *С. Баруздин*».

«Будущему защитнику леса и зверья, дорогому Александру Яковлевичу с потомством – для справок – сей самоучитель любви к родному лесу. *Виталий Бианки*».

«Правдолюбу Яшину Александру сердечно. *В. Леднев*».

«Дорогому Александру Яшину, в чьём творчестве и человеческом существе высоко и радостно сочетаются поэзия и правда. С любовью и глубоким уважением. *Ю. Нагибин*».

18/IV–63 г. И тут же вклеено письмо: «Дорогой Саша! Огром-

ное спасибо тебе за письмо. Оно – и радость для меня, и урок. Я не ленился всем и каждому навязывать свои восторги по поводу “Сироты” и “Свадьбы”, но не удосужился, из скованности, дурной замкнутости, сказать все эти хорошие слова автору. А сегодня я всем сердцем почувствовал, как это важно, как трогательно, как прекрасно, когда человек, тобою ценимый, вдруг скажет тебе – добро. Как много в тебе душевной щедрости и как это прекрасно! Обнимаю тебя, целую.

Поздравляю с минувшим пятидесятилетием, желаю всегда быть таким же. Твой Ю. Нагибин. <...>»

«Александр Яковлевичу с глубоким уважением и в знак дружеской поддержки. П. Ребрин».

«Александр Яшину, мужественному поэту и человеку, охотнику, скитальцу. С симпатией, дружески. Н. Панченко».

«Александр Яшину – куда более взыскательному путнику в поэзии, чем автор этой книжки. С любовью. С. Наровчатов». (Книга «Взыскательный путник».)

«Александр Яковлевичу Яшину с благодарностью за чудесную “Рябину”. Г. Шторм».

«Александр Яковлевичу Яшину с восхищением и благодарностью за его чудесный талант и гражданское мужество – автор В. Марина».

«С берегов родных ему – Северной Двины. Дорогому Александру Яковлевичу – земляку, поэту, человеку – с чувством восхищения перед огромным истинно русским талантом. Николай Жернаков».

«Дорогому Александру Яковлевичу Яшину, талантливому, подлинно русскому поэту, одному из тех, которых в наш век раздва и обчёлся. С самыми добрыми чувствами. Пётр Дудочкин».

«Александр Яковлевичу Яшину с вечной любовью и благодарностью. Н. Рубцов».

«Дорогому Александру Яковлевичу, крёстному отцу и другу старшему. В. Белов».

«Дорогому Александру Яковлевичу Яшину. Будьте всегда таким же молодым, красивым, смелым и беспокойным, как и сейчас. А о таланте я не говорю, – он Вам отпущен полной мерой. Ваш К. Паустовский».

«Александр Яковлевич, Саша, дорогой, вы прямой, мужественный человек, – ни в чем не “сумлевайтесь”, народ Вас отблагодарит за правду и за Вашу сыновнюю к нему любовь – Вас и чудную Вашу помощницу – Злату Константиновну. 16/II–63. Переделкино. *Любящий Вас К. Паустовский*».

«Александрю Яшину с благодарностью за честность и талант. Ст. Куняев».

«Мужественному таланту – Александру Яковлевичу Яшину с любовью. Ю. Казаков».

«Александру Яшину с глубокой и верной любовью к нему и его чистой поэзии и прозе. *Ольга Берггольц*».

«Дорогому другу моему, брату по душе – Александру Яшину. *Ольга Берггольц*».

«Милому Саше Яшину с любовью, твой Костя 8/V–68». (*Константин Симонов – Н.А.*)

«Дорогому, русскому, честному, мужественному, любимому А. Яшину – *Вл. Солоухин*».

«Александру Яковлевичу Яшину, сердцем слушающему песнь русского Севера. *А. Горелов. 2/IX–65*».

«Саше Яшину, с которым мы были незнакомы, хоть плыли на одном и том же честном корабле, и с которым теперь я “ризы мокрые свои сушу на солнце под скалою”. *Володя Д. 7.1.58 г.*» (Дудинцев на книге «Не хлебом единым»).

«Александру Яшину. Хочу жить по закону вашей писательской чистоты и честности. 10/II–63 г. *Н. Воронов. Переделкино*».

«Дорогому Александру Яковлевичу с любовью к нему и его поэзии *Андрей Вознесенский* + с любовью к его блестящему выступлению на пленуме правления съезда».

«Дорогому Александру Яковлевичу. *Muneribus etiam dei vincuntur!* 3/XII–65. *Курочкин*».

«Александру Яковлевичу Яшину – настоящему поэту, настоящему прозаику-поэту с благодарностью. 27/V–1966. *П. Ребрин*».

«Дорогому Александру Яковлевичу Яшину. Александр Яковлевич, примите мое глубокое уважение и восхищение за Ваш вклад в русскую литературу. Правда, которую Вы с такой настойчивостью прививали нашей литературе и моим вологодским друзьям, ныне дает прекрасные плоды. Даже мы, вологод-

ские художники, тоже сейчас стараемся ходить босыми ногами по земле. Спасибо, милый. В. Корбаков».

Открытка от Михаила Руденко. 1954 г.

«Дорогой Александр Яковлевич! От всего сердца благодарю за книгу... Я открыл для себя поэта, которого можно поставить в число 2-3 лучших поэтов России. Глубокая народность, жизненная правдивость чувств, искренность и неподдельная поэтичность Вашей лирики покорили меня, и я уверен – навсегда. Эта лирика идёт в одном русле с Твардовским, но самобытна, своя – она прежде всего идёт от глубокого знания жизни. Как высоко оно стоит по сравнению с интеллигентскими лирическими излияниями, в которых чувствуется больше самолюбия, претензии, чем знания жизни и любви к простому человеку».

Стихотворение Анатолия Передреева, посвящённое Александру Яшину, названное «Совесть» по книге А. Яшина.

СОВЕСТЬ

Александру Яшину

Теперь спокойно Вам...
А мне
Печально...
Я помню Вас,
Я вижу Вас
Во мгле!
Хоть, кажется, встречались мы
Случайно
Всего лишь два-три раза
На земле,

И всякий раз мне виделось
При встрече –
Друг друга
Узнавали мы
С трудом,
Когда шумел
В разгуле красноречья
Меня и Вас объединявший
Дом.

Ничем
Души моей
Вы не касались,
Когда с прямой –
Подчеркнуто –
Спиной
Нетерпеливым путником казались,
Прислушавшимся
К ветру за стеной!

Нас не сближал
Ни общий стол,
Ни водка.
Казалось, чужд мне
Говор Ваших мест,
И Ваша слишком строгая
Походка,
И слишком взгляд безжалостный
И жест...

И вот теперь –
Страницы книги Вашей
Посмертные
И – узнанные вновь...
Я чувствую,
Всем сердцем
К ним припавши,

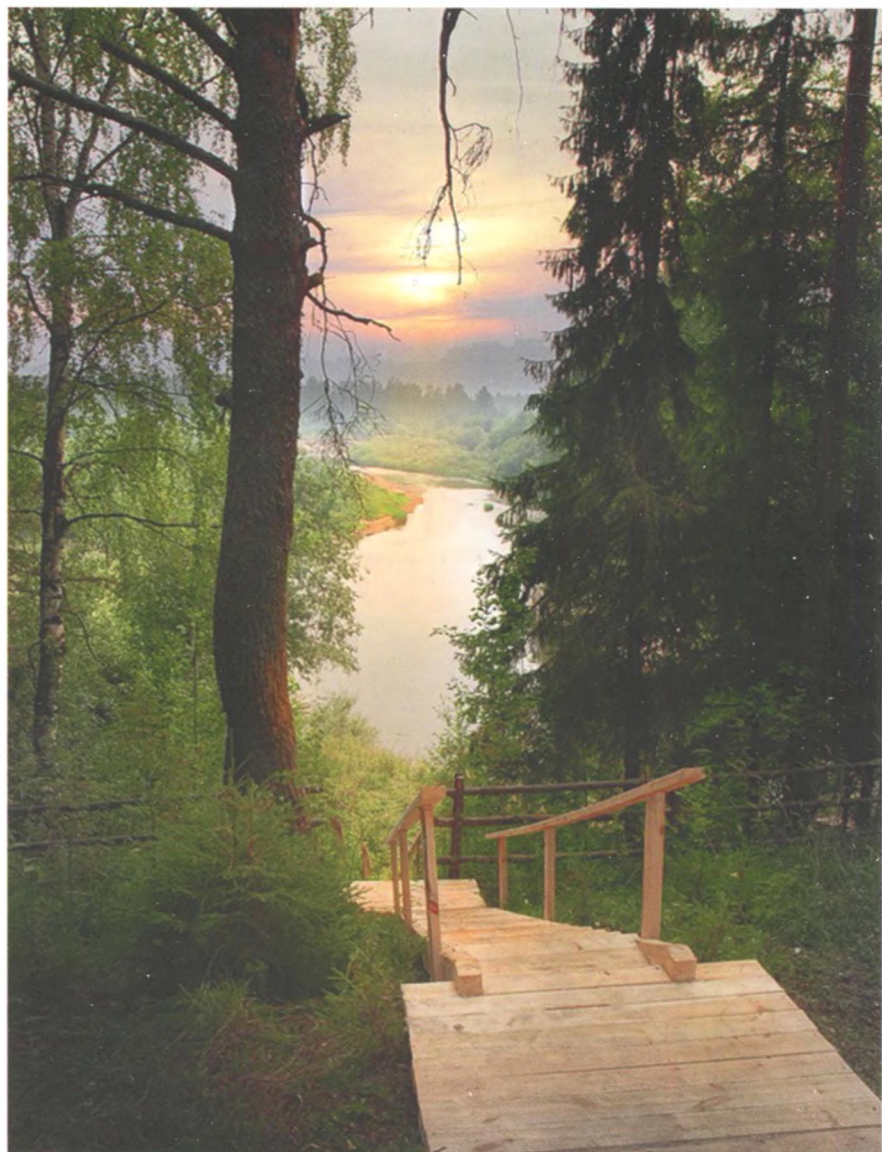
Какая
Ваши двигала
Любовь!

Да,
Вы имели право
На тревожный,
На резкий облик
Неуютный свой...
Как путник,
Мглою застигнутый дорожной,
Прислушавшийся
К ветру над землёй.

Вы только
Правдой
В мире дорожили,
И говор Ваш,
И выговор,
И стать
Лишь одному призванию
Служили –
Всё на земле
По имени назвать.

Вы шли открыто,
Напрямик спешили...
Но многие ль
Сумели подсмотреть,
Что на земле
Как человек Вы жили
И как поэт
Предчувствовали смерть!..

1969

— Вид с Бобришного Угора на реку Юг

*Портрет А. Яшина.
Вологда, 1932*

*Первая книга А. Яшина
«Песни Северу».
Издана в Архангельске*

К. Коничев и А. Яшин. Архангельск, 1948

Александр Яшин на Ленинградском фронте. Ораниенбаум, 1941

Портрет поэта А. Яшина.
Художник В.Н. Корбаков. 1966

Портрет А. Яшина.
Художник Н. Жуков. 1953

Александр Яшин с женой Златой Константиновной. 1952

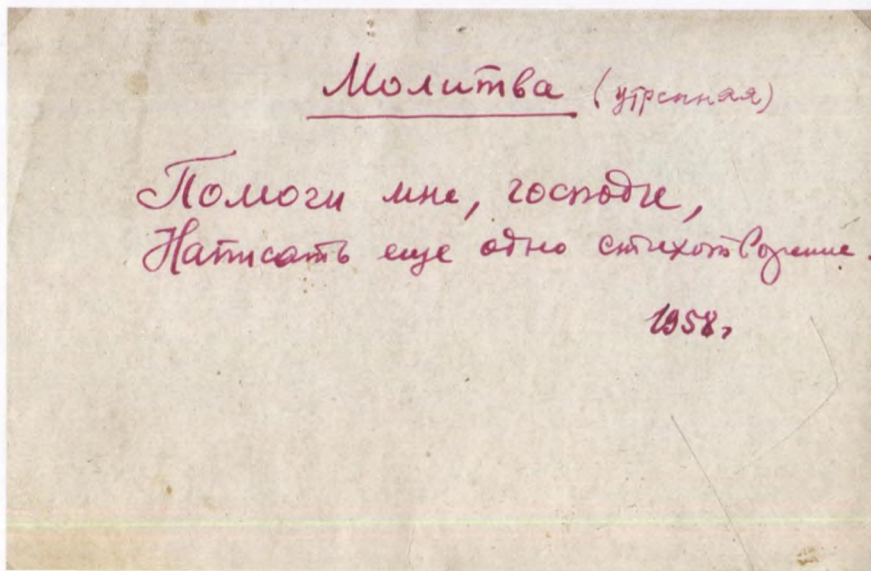
*А. Яшин в кабинете
на Беговой улице. 1950*

*Яшин (второй справа) среди архангельских писателей.
«Неделя литературы». Архангельск, 1964*

А. Яшин в кабинете в Лаврушинском переулке. Фото Н.Г. Кочнева

Молитва А. Яшина.

Эта молитва, написанная красными чернилами на мелованной бумаге, лежала у него всегда под стеклом на зелёном сукне письменного стола

А. Яшин со своими детьми. Фото Н.Г. Кочнева

А. Яшин с семьей в поселке Мичуринец, 1963. Фото М. Болотова

*В родном лесу. 1963.
Фото М. Бóлотова*

*Яшин на сенокосе. 1963.
Фото З.К. Яшиной*

*На Бобришном
Угоре.
Фото
З.К. Яшиной*

*Знакомство Александра Яшина с Фёдором Абрамовым
на Бобришном Угоре. 1963. Фото З.К. Яшиной*

*Александр Яшин и Фёдор Абрамов на Бобришном Угоре. 1963.
Фото З.К. Яшиной*

Современники. Художник Е. Мальцев. 1977.
Снизу вверх: Яшин, Абрамов, Солоухин, Белов, Шукин, Твардовский

Константин Симонов и Александр Яшин. 1954. II съезд писателей СССР

*В.Тендряков, З. Яшина и А. Яшин.
Москва, ВДНХ*

*Евгений Евтушенко, Александр
Яшин и Анатолий Злобин.
Алтай, 1954. Фото З.К. Яшиной*

*Василий Белов и Александр Яшин в Харовске. 1966.
Фото редакции газеты «Призыв»*

*Константин Паустовский и Александр Яшин.
Дом творчества в Перedelкино, 1963. Фото З.К. Яшиной*

Александр Яшин
с журналистом
Александром
Сушиновым.
Вологда,
29 апреля 1962

А. Яшин выступает в Литве. 1968

Бобришный Угор зимой

*Памятник и могила А. Яшина на Бобришном Угоре.
Скульптор В.А. Михалев*

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Растягивался, был как хлыст,
И терпелив, как шахматная пешка.
Бледнел, как предосенний лист,
И что-то думал неутешно.

– А я сварил уху, – ему сказал,
А он молчит.
– А я сварил картошку.
– Эка невидаль!
С тревогой лез в карман:
– А где ключи?
Ловил слова своим рыбацким неводом.

– Ты труженик! Ты не ленивец! –
Он говорил слова и мне, и миру.
– Давно у нас в стране вожди сменились,
А жизнь никак не набирает силу!

Он был аскет. Он блюл посты,
Он придавал всему значенье.

Просил:

– А ты меня прости!
– За что?
– За всё без исключенья.
Не умер он. Ушел в скиты,
За дальние пределы пашен,
От ежедневной суеты,
От незначительности нашей!

Виктор Боков

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Попова-Яшина. Запасаемся светом3

СТИХОТВОРЕНИЯ

Присказки 14

ЗЫБКА

«Как дудочка или гобой...» 19

Утром 19

«Моей любимице...» 20

Письмо своим детям 20

«Звёзды, как бубенчики...» 21

«В утренней рани...» 21

Егорка на горке 22

«В спальню утром

новогодним...» 22

«В поле каждый василёк...» 23

Живая душа 24

Дочке Наташе на Новый год 25

Ёлочка 25

«Солнце морозное, красное...» 27

Не одно и то же 27

«Лишь вековые...» 28

Первый снег 28

После снегопада 30

Ясный день 31

О дружбе 31

Чудо-сабля 32

Почему? 33

Письмо в «Лесную газету» 35

Покормите птиц 37

Заморозок 37

Люблю всё живое 38

Спешите делать добрые дела 39

Молитва матери 40

Перед дорогой 41

РОДНОМУ ЛЕСУ

Лес 43

Осень-красавица 44

Лесные дуги 45

Запасаемся светом 46

О моей святыне 48

Сосна 49

Ствол берёзы 50

Туча 51

Пожар в лесу 52

«Лес родной...» 54

Родничок 55

Земной поклон 56

«Когда на улице метель...» 57

Мы уже боялись 58

Гнус 59

«Всполошились над лесом

вороны...» 60

В бору случилось

невозможное 61

Охотничьи разговоры 62

Эко дело 64

Смерть берёзки 66

Мёртвые деревья 66

«Лес поседел от инея...» 67

«Бор, казалось, был

не широк...» 68

«В этом поле замёрзнуть

можно...» 69

Лесосека 69

Следы на снегу 71

Кулик 72

«Тишина над рекою...»	73
«Весна – куда ни кинешь взгляд...»	74
Вешние воды.....	75
Первый птенец.....	76
Таруса.....	77
Новый берег.....	78
Спасибо солнцу!.....	79
Чистый бор.....	80
Обнова.....	81
На Бобришном Угоре.....	82
Босиком по земле.....	83
Добру откроется сердце.....	84
Ночной поезд.....	86
Снег.....	87
«Что ж ты спишь, ветер...».....	88
Всё для человека.....	88

ЗЕМЛЯ БОГАТЫРЕЙ

Русские мы.....	90
«Не позабыть мне первых схваток...»	92
Шинель.....	93
Сорок первый год.....	94
Осина.....	95
Обстрел.....	96
«Когда бы ты видела этот город...»	97
Из «Ленинградской поэмы»	97
Богатырь.....	105
Из поэмы «Город гнева»	106
«Назови меня именем светлым...» ..	115
Не умру.....	116
Канава.....	117
В Крыму.....	119
Малая земля.....	120
После боя.....	122
Подростки.....	123
Клятва.....	124
9 мая 1945 года.....	129
Милое моё горе.....	130
Сопоставления.....	132

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Поле.....	135
-----------	-----

Не разучился ль ходить за плугом?	136
«Каждый год весна как чудо...»	136
На осенних дорогах.....	137
Свежий хлеб.....	138
Дожинки.....	139
«Тянет в простор полей...»	141
Пшеница.....	142
После дождя.....	143
О насущном.....	144
«Всё к лучшему...»	145
«Прости меня, мама...»	146
С матерью наедине.....	147
Топятся печи.....	148
Хлеб созрел.....	149
«Я не верю, что земля устала...»	150
Хлеб-соль.....	151
Свежей выпечки.....	151
Вся жизнь на виду.....	153

ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ!

Вологда.....	154
Дорогому юбиляру.....	156
Ленок.....	156
Лён.....	158
Авдотьюшка.....	160
Сказочница.....	161
Вдова.....	163
«У ворот в цветах и лентах лошадь...»	166
Москва – Вологда.....	167
Из поэмы «Мать и сын»	168
Вологодское новогоднее.....	169
Из лирической поэмы	170
Весеннее.....	172
«Для меня любые расставанья...»	173
Только на родине.....	174
Твоя родина.....	174
«Я давно на родине не был...» ..	176
Юг-река.....	177
Новозеро.....	177

Мы были молоды	178
Наслаждение в верности	181
Пора и мне	182

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

«Слова-то красивого...»	184
«Шла я нынче займой...»	185
«Жизнь – ожидание...»	186
Любовь	187
Из цикла «Первые письма»	188
«Никогда так низко не свисали...»	190
Олёна	191
Мета	193
Девушка затосковала	194
Заречная красавица	195
«И что из того, что уходят года...»	196
«Если б ты в реку упала...»	197
«Как часто я срываюсь с высоты...»	198
«Ты и Россия для меня одно...» ..	198
Охотник	199
Судьба	201
Хочу весну!	202
Лирическое беспокойство	204
Голоса весны	205
О безответной любви	206
Только живи	207
Для тех, кто не спит	208
«Ты такое прощала...»	210
Разлюбила жена	210
Если б ты подал голос	212
Своё добро	213
В конце пути	214
«Когда все силы на исходе...» ..	215
Об одиночестве	216
Чего ещё сердце просит?	216
«...Подари, Боже...»	217
Вильнюс	218
«Если б нам знать, что завтра...»	219
«Счастливы однолюбы...»	220

О ПОЭЗИИ

Двадцать трудодней	221
Вершины	223
«Мне надо так глядеть вперёд...»	224
Песочные часы	225
«Мороз расписал оконные стёкла...»	226
Художник	227
На взморье	228
В морском музее	229
«Не пишется!»	230
«В дни юности ранней...»	231
«Страшно любить и быть нелюбимым...»	232
«Как избавиться от лени?»	233
«От кустика да к кусту...»	233
Песня без слов	234
Русский язык	235
Родные слова	236
Перегрузка	236
О поэзии	237
Товарищам по оружию	239
Литинституту	240
В Союзе писателей	241
«Как часто мы голосовали...» ..	241
«Опять я целый день негодовал...»	242
Ваши успехи	243
Жёлтые листья	244
«Душа замкнулась от обиды...»	245
«Когда душа поранена...»	246
Весенняя болтовня	246
Рогатый Пегас	247
«Как ни продвигаемся вперёд...»	249
И так всю жизнь	250
Счастлив ли я?	252
К тебе обращаюсь, душа моя! ..	253
Утренняя почта	254
«Я обречён на подвиг...»	255
«Мне верить надо...»	256
«С сединою да с лысиной...» ..	257

Последняя глава.....	258
«Так же будут юноши писать...»	259

ГРАНИЦЫ ДУШИ

«Я родился в тринадцатом году...»	260
Границы души	260
«Мы с детства верили примете...»	261
«Матерь Божия, не обессудь...»	262
«Мы неполной жизнью живём...» ..	263
Исповедь.....	263
Память	264
«И я обманывал...»	266
«Как от огня, от себя бегу...»	266
Душа	267
«Осенью засыпает вода...»	267
«Не хочу озлобленья!»	268
Испытание славой.....	268
Огонёк.....	270
Переходные вопросы	271
Переходный возраст	272
О форме и содержании.....	273
Перед исповедью	274
Чего боюсь?.....	275
Отходная	276
«Дай Бог...»	277
С добрым утром	278

В НЕСМЕТНОМ НАШЕМ БОГАТСТВЕ

«В несметном нашем богатстве...»	280
Чудеса	280
«Не верю, что звери не говорят...»	281
О погожих днях и хороших людях	282
Железные балки	283
Спокойнее вдвоём	284
Пустырь	287
Торжественное обещание	288

Орёл	289
В сельском клубе	289
Секретарь райкома	290
Ещё о собаках	292
Бессонница	293
Сиверко	296
Почему не удивляемся	296
День творенья	298
По своей орбите	300
Новогодняя почта	301
Вот о чём речь	303
В чужом краю	304
Добрый праздник	305

СТИХОТВОРЕНИЯ И СТРОФЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Огород	307
Товарищу	308
Никольск	309
«Всю жизнь оставить в этой злой дыре...»	310
«В моём саду растёт лебеда...» ...	310
«И в мороз не холодно...»	311
«Платье шёлковое сшила...».....	311
«У оконного наличника...»	311
«Падает снег на поля...»	312
«Зима была вьюжной...»	312
«Узка, как грядки, полоса...»	312
Миниатюры	313
«В этих бы комнатах с мамой жить...»	314
«Ещё не успев перейти за порог...»	314
«Одиноко...»	315
«Кабы я писать умела...»	315
«Друзья, живём мы небогато...»	315
«И враг не слаб и не глуп»	315
«А мне Москва нелегко далась...» ..	316
«Чтобы этот снег...»	316
«Нет, легче мне сразиться с Годуновым...»	316
«Мы уже встречаем Новый год...»	316

«Правда» звонит: напиши, поэт...»	317
«Чёрный снег и чёрные грачи...»	317
«Сейчас в вологодских трущобах...»	317
«Река моя, где я родился и рос...»	317
«Когда есть вода – весь мир...» ...	318
«Хорошо на диво море...»	318
«Взморье...»	318
«Положи мне на голову руку...»	319
«И в лесу соревнование...»	319
«Это был знаменитый пир...»	319
«Проклятое косноязычье...»	320
«Мне бы крылья, чтоб взлететь...»	321
«Для начальников могу писать я речи...»	321
«Мне надо через всё пройти...» ..	321
«Поэзия!...»	322
«Боже, как много в мире красивого.»	322
«Да, я не продаюсь, не покупаю...»	322
«Не легко наперёд загадывать...»	322
«На Колыму?...»	323
«За всё отвечать настала пора...»	323
«Безудержное хвостовство и ложь...»	323
«Трудно быть в бою солдату...»	323
«Десяток лет...»	324
«Дай, разок пройдушь с косой...»	324
«Нас по утрам будили птицы...»	324
«Давно обходимся без Бога...» ...	325
«Настежь открытая миру душа...»	325

«И я нередко с совестью не ладил...»	325
«По грязи, по снежным завалам...»	325
Стихи про дергача.....	326
«Сегодня в Блуднове – Николин день...»	326
«За границу тоже не ездок...» ..	327
«Берёза уживается с сосной...» ...	327
Ранние рассветы.....	328
«Тебе со мной – беда...»	329
«В многообразии бытия...»	329
«Наивные! Знать бы заранее...»	329
«В тот день у друга на могиле...» ..	330
«Пути поэзии трудны...».....	330
«Я бы мог сочинить...»	331
«А я пишу стихи...»	331
«Листья разные...»	331
«Вода живая...»	332
«Много планет, а Земля одна...»	332
«Река невидна, неказиста...»	332
«Хотелось жить везде...»	332
«Здравствуй, родина...»	333
«Спокойно и ровно...»	333
«Я снова влюбился в свою жену...»	334
«Всё во имя совести...».....	334
Для стихов.....	334
«Держите высоту...»	335
«Ведь, кажется, не боюсь ни черта...»	335
«Юбилей мой прошёл не отмечен...»	335
«Трофеями торчат...»	336
«Скучный и злой, наверно, был...»	336
«И пусть парадоксально...»	336
«Люблю выходить из лесу...» ...	336
Тимониha.....	337
«Решись...»	338
«Художник нарисовал картину...»	338

Купанье красного коня	339	«Снова чёрная полоса...»	343
«Какая она – вода?»	339	«На вторую свадьбу к дочке не пойду...»	344
«Посмертно награждать спокойней...»	340	«Хорошо, когда не спится...» ...	344
«Нужны не обряды дружбы...»	340	«Все ушли...»	344
«Не человека – цыплёнка спас...»	341	Саше	344
«Я живу на сосновом, на гривистом...»	341	«Каждому в жизни что-то дано...»	345
«Запой, соловушка, запой...» ...	341	«Сплю на овчине...»	345
«Затянуло пашню...»	341	«Поэт не может быть спокоен...»	345
Вступление	342	«Борок впереди...»	346
«Это молодость или старость?» ..	342	«Ты взойди, взойди солнце красное...»	346
Над крутизной	343	«Ой ты, Русь, моя Русь...»	346
«В щели жизни моей...»	343		

ПРОЗА

Журавли	348	1. Чайка	388
Сладкий остров	351	2. Лунный мостик	389
Когда мы уедем?	351	3. Утро	390
Щука	357	Спасибо, что разбудил меня ...	393
Раки	361	Приложение к циклу рассказов	
Тысяча первая песня	363	«Сладкий остров»	395
Крапивное семя	370	Рычаги	399
Моряком будешь!	372	Приложение к рассказу «Рычаги» ..	413
Волны шумят	374	Вологодская свадьба	420
Сударева лодка	378	Приложение к повести	
Каменная гряда	381	«Вологодская свадьба»	459
Грибные шашлыки	383	Угощаю рябиной	494
Новая считалка	387	Приложение к рассказу	
Мамины сказки	388	«Угощаю рябиной»	505
Русские писатели об Александре Яшине	506		

Александр Яшин

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Составитель, автор предисловия и
приложений: *Н.А. Попова-Яшина*
Выпускающий редактор: *Т.В. Овчинникова*
Корректор: *И.М. Нетунаева*
Дизайн, вёрстка: *П.А. Заросликова*

12+

На обложке: изба-кабинет
Александра Яшина на Бобришном Угоре
Рисунок на обороте обложки и заставки
в тексте *Л.М. Агарковой*
Фотографии из архива *А. Яшина*

Издательский оригинал-макет –
Литературно-издательский центр «ЛОЦИЯ»

г. Архангельск, ул. Попова, 6
Тел.: +7 (952)308-17-43, факс: 21-42-60
Сайт: www.lotsiya.ru
E-mail: lotsiya@yandex.ru
vk.com/lotsiya, [facebook.com/lotsiya](https://www.facebook.com/lotsiya)

Подписано в печать 15.08.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 1000 экз. Заказ 6553

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

«Запасаемся светом» – название одного из лучших стихотворений выдающегося русского поэта и прозаика советского периода, лауреата Государственной премии. Как и многое в его творчестве, оно имеет не единственное значение, а многоуровневое. Основные впечатления души заложены на родине, там, где он родился, где прошло трудное голодное и холодное детство, где он получил запас света, питавшего его до конца дней, что отразилось в его произведениях. Творчество Александра Яшина – значительнейшее и самобытнейшее явление отечественной литературы.

Читатель, знакомый с произведениями писателя, найдёт здесь много нового: всё печатается без купюр. В приложениях к прозаическим вещам рассказано о фактах, неизвестных читателям. Большинство фотографий публикуется впервые.